

Коми отделение
Академии военно-исторических наук

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН

Вологодский региональный
научно-исследовательский центр
краеведения и локальной истории «Северная Русь»

**ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Выпуск 11

*Юбилею Отечественной войны 1812 года
посвящается*

Сыктывкар–Вологда 2012

УДК 947 (470.13)

Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар; Вологда, 2012. Вып. 11. 200 с.

Очередной выпуск «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» приурочен к проведению в России Года российской истории и юбилейных мероприятий, посвященных победе русского оружия в Отечественной войне 1812 года.

Сборник содержит статьи и сообщения о событийном восприятии Отечественной войны и ее последствий. Книга адресована научным сотрудникам, специалистам в области музейного, архивного и библиотечного дела, а также широкой читательской аудитории.

Редакционная коллегия

д.и.н., академик АВИН **И.Л. Жеребцов** (председатель), к.и.н., член-корр. АВИН **И.О. Васкул** (зам. председателя), к.э.н., член-корр. АВИН **Е.Н. Рожкин** (отв. секретарь), к.и.н., член-корр. АВИН **А.Д. Напалков**, д.и.н., академик АВИН **А.А. Попов**, к.и.н., член-корр. АВИН **М.В. Таскаев**, д.и.н., академик АВИН **В.И. Чупров**

Ответственные редакторы и составители выпуска

д.и.н. **И.Л. Жеребцов, С.А. Тихомиров**

Рецензент д.и.н. **М.А. Мацук**

Сборник подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект №12-У-6-1001.

ISBN 978-5-89606-489-3

© Коллектив авторов, 2012

© Коми отделение Академии военно-исторических наук, 2012

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2012

© Вологодский региональный научно-исследовательский центр краеведения и локальной истории «Северная Русь», 2012

© Жеребцов И.Л., Тихомиров С.А., сост., науч. ред., 2012

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

С.В. Шведов*

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Под менталитетом (поскольку устойчивого определения не сложилось) понимаем устойчивые особенности психического и умственного развития этносов, носящие часто неосознанный характер и передающиеся внебиологическим путем. Менталитет или национальный характер существует несмотря на то, что отдельные индивидуумы могут иметь совершенно разные эмоциональные качества и склад ума. Национальные черты этносов остаются неизменными на протяжении столетий. Это наталкивает на мысль, что нельзя разобраться в причинах схожих исторических коллизий разных веков и вырваться из круга устоявшихся оценок, не установив влияние черт национального характера, способствовавших подобной схожести.

По наблюдению многих исследователей на свете не было страны, сопряженной с большими противоположностями: с одной стороны – последняя ступень рабства; с другой – полная свобода, законы не действуют, делай что хочешь. С одной стороны – верность, доброта, сострадание, набожность; с другой – отсутствие страха Божиего, эмоциональные перехлесты от иступления до самоуничужения, раскаяния. Отечественные историки только приступают к научному изучению черт национального менталитета (известны работы по крестьянскому менталитету). Между тем, крупные историки уже высказывались о происхождении черт национального характера. Историк В.О. Ключевский объяснял развитие особенных качеств характера великороссов, главным образом, сложными географическими условиями, которые приучили россиян «смотреть в оба», приучили к изворотливости. Невозможность сообразить заранее план действий сказалась на манере мышления, он стал больше осмотрительным, чем предусмотрительным, он привык к тому, что по кривому проселку быстрее достигнешь нужного места, чем по столбовой дороге. Жизнь удаленными деревнями не приучила его к работе дружными массами. Он необщителен, себе на уме. Привыкнув жить в чрезвычайно опасных условиях, быстро мобилизуются на преодоление внезапных катаклизмов, но затем, поскольку ежедневная работа не ведется, снова настает необходимость авральных работ. Отсюда

* Шведов Сергей Вячеславович (Москва) – старший научный сотрудник Музея истории города Москвы, кандидат исторических наук.

В.О. Ключевский делает вывод, что великоросс, взятый в отдельности, лучше великорусского общества.

Историк Н.М. Карамзин в известной работе «О древней и новой России» сделал ряд замечаний созвучных мыслям В.О. Ключевского: «Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан?.. Доносят плуты – честные терпят и молчат, ибо любят покой». К столь же неутешительным выводам пришел такой знаток русской души, как А.П. Чехов: «Когда я писал пьесу (Иванов. – *С.Ш.*), то имел в виду... одни только типичные русские черты... Так чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость – чисто русские. Немцы никогда не возбуждаются и потому Германия не знает ни разочарованных, ни лишних, ни утомленных».

Русские военные деятели независимо сделали ряд интересных выводов о влиянии и неизменности национального характера, подтверждающие наблюдения, приведенные выше. Так, А.Ф. Ланжерон сообщает в своих записках о спорах со многими выдающимися русскими генералами о том, как преодолеть беспорядок, своеволие, казнокрадство, жестокости в армии. Те отвечали – если поддерживать строгий порядок, исчезнет русская удаль, привычка к постоянно тяжелым условиям быта, что гораздо важнее для армии. Генерал А.Ф. Ланжерон, заглядывая в будущее, чувствовал громадные перспективы: «Чего бы можно было ожидать от победоносной русской армии, если бы существовала человеческая власть достаточно могущественная для исправления в ней злоупотреблений».

Историк В. Флуг в статье, написанной на основе опыта Первой мировой войны 1914–1918 гг. и гражданской войны в России и посвященной путям совершенствования высшего командного состава, выделил ряд черт национального характера отрицательного свойства: пассивность, умственная апатия, неспособность к продолжительному напряжению воли (лень), беспечность и небрежность (русский авось), отсутствие солидарности и взаимное недоверие, отсутствие гражданской дисциплины, нервность (чувствительность к внезапным угрозам на флангах и в тылу). Как черты просвещенной части армии автор отметил: способность быстро падать духом, боязнь риска и ответственности (недостаток мужества, самоуверенности и предприимчивости, духа дерзания), слабое развитие чувства долга, болтливость, сильно развитая способность к анализу и критике, сильно развитая способность к анализу в ущерб синтезу – «смотрению на дело в целом» и склонность к критике. Первые тревожные симптомы понижения качеств национального характера проявились, по мнению автора, в ходе Крымской войны, но меры были приняты в неверном направлении – не в духе усиления энергии русского народа, что и подтвердила русско-японская война 1904–1905 гг.

В статье сознательно приведены высказывания русских исследователей. Иностранцы писатели оставили гораздо больше мнений на этот счет, но с древних времен все негативные замечания у нас отменяются на том основании, что иностранцы сознательно или несознательно чаще дают только тенденциозные негативные отзывы, стремясь принизить силу и гений русского народа ввиду резких различий в религии, культуре, геополитических интересах. Словом, это отношение к иностранцам само является важным пунктом в российском менталитете. Тем не менее приведем здесь как свидетельство весьма значительной их близости к высказываниям отечественных знатоков вопроса мнение немецкого военного историка Ф. Меллентина, участвовавшего в боях Второй Мировой войны 1939–1945 гг. на русском фронте: «Трудно представить себе границы его терпения и выносливости – черты характера складывавшиеся в течение веков страданий и лишений. Благодаря природной силе этих качеств русские стоят выше более сознательного солдата Запада... Он необычайно смел и отважен, и тем не менее временами проявляет трусость... он поступает в зависимости от своего настроения, совершенно непонятного для жителя Запада... Русские солдаты... инстинктивно осознавали, что если они будут предоставлены сами себе, они погибнут... В этом инстинкте можно видеть как панику. Так и величайшего героизма и самопожертвования... До некоторой степени высокие боевые качества русских снижаются несообразительностью и природной леностью».

Перечисленные мнения людей, которые вполне могут быть названы экспертами в данном вопросе, единогласно показывают объективную обусловленность формирования национального характера и указывают на схожий набор качеств в разные эпохи:

- быстрая возбудимость, переходящая, в случае отсутствия быстрого успеха, в разочарование, усталость, критику и поиск виноватых;
- энтузиазм, воодушевление, т.е. преобладание чувства над разумом, приводит к формированию доверчивости, легковерия, склонности к эмоциональному заражению. С последним могут передаваться не только социально положительные чувства (стойкость, самопожертвование и т.д.), но и такие, как паника, эгоистическое отношение к патриотическим призывам;
- чрезвычайная гибкость ума, следствием которой были выработанная веками переменчивость правил, изворотливость, при этом в просвещенной части общества чрезмерное развитие получил дух анализа, естественно, в ущерб синтезу идей.

Противоречивость менталитета народа часто играла как в пользу русских, так и против, смотря по тому, кто попадался на незнании этого каче-

ства, противник или власть предержажие. О том, что власти очень часто ошибались в своих расчетах по воплощению в жизнь тех или иных проектов, свидетельствует ныне крылатое присловие: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Приведем некоторые исторические примеры...

Победа на Куликовом поле стала возможной благодаря росту национального самосознания и военной энергии народа. Духовным руководителем воинов, вдохновившим их на бой, был, по общему признанию, Сергей Радонежский. Его главная мысль заключалась в необходимости встать на защиту русской земли, смирения перед Богом, не гордиться перед сражением, но и не бояться врага, помнить: «Не в силе Бог, но в Правде». Однако битва подорвала силы Великого княжества Московского, оскудела земля ратными людьми, появилась слабость военного духа. Поэтому, когда в 1382 г. стало известно о внезапном нападении хана Тохтамыша, настроение как князя Дмитрия Донского, так и московского народа было далеко не боевым. Князь уехал в Кострому собирать войско, не дав подробных распоряжений. Народ выбрал воеводу, который попал в полную зависимость от колебания настроения большинства вече. Когда некоторые из бояр и купцов попытались вслед за семьей князя и митрополитом спастись из города, их выпустили, лишь подвергнув наказанию в виде грабежа имущества. Три дня жители, несмотря на большие потери, успешно отбивали штурм, но на четвертый, поверив лживым мирным заверениям хана, настояли на открытии ворот. Дорого заплатили москвичи за быстрое моральное утомление, потерю стойкости и легковерие. Очевидно, что такой поворот событий оказался бы неожиданностью и для большинства политиков последующих эпох.

Во времена смуты начала XVII в. государственная «шатость» или изменчивость всех слоев населения Московского государства, несмотря на многочисленные призывы патриарха и верхов постоять за Православную церковь и законного царя, свидетельствовала, что в силу раскола общества государственно-патриотические идеи в сознании большей части населения отступили на задний план. Симпатии московских низов были подвержены частым переменам. Иногда не проходило и двух месяцев между призывом очередного претендента на престол и возмущением против него. Низам была присуща, по мнению Д.С. Лихачева, хитроватость, переходящая в легковерие, сначала верят всем обещаниям, потом проклинают. Так, в 1610 г., исходя из тактических соображений, на престол был приглашен польский королевич Владислав. Он не мог не вступить в конфликт с обычаями и православными традициями России. Москвичи в тайном письме в Калугу, уговаривая жителей поддержать их план, предупреждали, что уже тайно

сговорено заменить королевича в случае невыполнения поставленных перед ним условий. В результате неорганизованное восстание в Москве было потоплено в крови. Разлад в обществе, низкий боевой дух войска сделали нормой опору на иностранных наемников, позволили полякам в течение двух лет открыто присутствовать в Москве. Долгое время обращения иерархов церкви с целью поднять народ на защиту церкви и русской земли оставались гласом вопиющего в пустыне. Только в середине 1612 г. желание народа выгнать врага стало обретать реальные перспективы.

Между тем задолго до XVII в. сформировалась высокая национальная самооценка. Еще в XVI в. Московия заявила о себе, как о наследнице Рима и Византии. После Смуты высокая самооценка никак не пострадала. Длительные вероисповедные дискуссии с представителями Папы Римского об истинности христианских вероучений, возникшие в связи с брачными расчетами царя Михаила Федоровича, произвели большое возбуждение в обществе. Историк Д. И. Иловайский писал по этому поводу: «Известно, что великорусского человека ничто так не увлекает, как разговоры о вере и, особенно, споры о превосходстве православия над другими исповеданиями, доказательство истинности православия по сравнению с католичеством и реформаторскими учениями».

В XVIII в., благодаря серии победоносных войн, чувство национального превосходства получило значительную подпитку. В массовом сознании были забыты времена борьбы с различными завоевателями (включая шведского короля Карла XII), против которых приходилось применять стратегию изматывания сил, сочетавшую многомесячные обороны крепостей (Псков, Смоленск, Троице-Сергиев монастырь, Полтава), глубокоэшелонированную оборону подвижных отрядов, выжигание подножного корма в «диком» поле, создание завалов в лесах на засечной линии и т.д. Вновь приобретенный стереотип военного мышления привел к формированию убеждения, что отступление есть немецкая тактика, а главнокомандующие ее проводящие – либо дураки, либо изменники. В отношении 1812 г. данный стереотип ярко проявился в стратегии так называемого «скифского отхода». Наиболее тонко почувствовал главную проблему 1812 г. С.М. Соловьев: «...Не могли не признать, она (система отступления. – С.Ш.) необходима, составляя последний вывод из всей борьбы с Наполеоном... Самое сильное возражение было, что войско, которое постоянно отступает, падает духом... Система отступления была крайне неудобной в стране союзной (1805–1807 гг.). Столь же сильные неудобства она встречала и в родной стране... Но в народе есть сознание, что войско, на которое так много жертвуется, существует для защиты родной страны. И если вместо защиты оно отдает родную землю врагу, отступает, то народ видит тут

уклонение войска от самой существенной своей обязанности, начинает скорбеть и роптать, подозревая дурное, не зная и не понимая высших военных соображений... Это отношение войска и народа к системе отступления составляет самую печальную сторону войны 1812 года до самого выхода Наполеона из Москвы». Примерно также написал в своем историко-психологическом очерке Г. Чулков: «Ни солдаты, ни полководцы не хотели отступления, обманом их понуждали отступать, почему армия и не теряла мужества. Все-таки работал подсознательный инстинкт, сражаясь уходить все дальше вглубь страны». Но первым, кто отметил это кричащее противоречие, направлявшее развитие событий, был Жозеф де Местр: «С самого начала кампании, мы видим осуществление плана, явившегося для всех совершенной неожиданностью».

Проблема заключалась в том, что как, не желая униженно, умерить чувство национальной гордости, чтобы получить согласие общественного мнения на использование в обороне такого действенного средства как большие пространства. Императоры Наполеон и Александр, вступили в спор о том, против кого повернется противоречивое русское общественное мнение. Смена Главнокомандующих оказалась тем средством, благодаря которому удалось сохранить боевой дух и собственно армию, выждать время, когда полученные преимущества стали очевидны для всех.

Император Александр верно выделил главную опасность – не поражение русской армии в боях, а потрясение основ государства с помощью соблазнов и лукавых обещаний противника по отношению к народу. Главное средство заключалось в вовлечении широких масс в народную войну, в противостояние увлекательным, но лживым идеям освобождения и равенства французов, которые смущали сердца, рождали сомнения и страхи в душах верных подданных. Не менее серьезная опасность таилась в ропоте и неудовольствии, насмешках над правительством, имевших место в случаях, когда войны велись на отдаленных театрах. Противостояние этой опасности ускорило принятие решения – «поднять народ на ноги». Об этом он откровенно рассказал перед встречей в Або с наследным шведским принцем Бернадотом мэру города Гельсингфорс (ныне Хельсинки) И.Э. Эренстрему, своему доверенному лицу в переговорах со шведами в 1808 г.: «Когда исход войны не был благоприятен для государства, то поднимались клики против правительства, утверждавшие, что оно могло бы избежать войны, что война велась дурно, выбор генералов был плохой и так далее. Вследствие чрезвычайной отдаленности театра военных действий, людям праздным и пустым болтунам представлялась хорошая пища для измышлений, т. к. даже наиболее прискорбные события войны, которой они мало интересовались, затрагивали их только косвенно». Вовлечение

народа в войну резко ограничивало возможности пропагандировать против государя, поскольку тут же встречало активную антипатию – советы и угрозы на улице.

Лучшие национальные качества – стойкость, самопожертвование и бесстрашие – оказались крепко связаны с русским «авось», отсутствием гражданской дисциплины, порядка в делах, с легкомысленным отношением к собственности (т.е. применению поджогов, склонностью к грабёжам). Как указывалось выше, генерал А.Ф. Ланжерон сообщает в своих записках о спорах со многими выдающимися русскими генералами о том, как преодолеть своеволие, жестокости в армии, мародерство в деревнях. Те отвечали – если поддерживать строгий порядок, исчезнет русская удаля, привычка к постоянно тяжелым условиям быта, что гораздо важнее для армии. Отсюда следует, что правящий класс должен был идти на значительный риск, призывая людей вооружаться. В настроении людей, по прошествии даже небольшого времени, часто происходили разительные перемены. Бушевание страстей по разным поводам сменялось усталостью, апатией, пессимизмом. Проявлением эмоционального пережелеста была тяга дворян к заимствованию внешней стороны западной культуры, в одежде, времяпрепровождении, французской речи спектаклей, книг. Несоответствие внешней и внутренней культуры критиковалось как более умными, так и теми, кто следовал допетровским традициям. В высшем обществе недоверчивость и пессимизм выражались в виде повышенного критицизма. По той же причине постоянно боролись между собой группировки генералов, общественное мнение делало колебания от восторженного поклонения до тотальной критики, иногда одного и того же лица.

Широкие народные массы, по-видимому, не обладали развитыми гражданскими добродетелями. Патерналистские отношения с государством и со своими помещиками формировали у людей инфантилизм, чувство постоянной виноватости. По мнению психиатра Р. Морозовой, такие люди, не имея «своей» жизни, становились простым резервуаром для призывов власти к священной войне. Призывы пали на подготовленную почву. Об отношении к свободе как к исполнению, даже вопреки закону, своей воли в России писали многие авторы. Ж. де Местр сообщал в своих письмах: «...русскому отвратительны повседневные обязанности и мелочные правила. В обыденной жизни он не встречает на своем пути никакой власти. Делай что хочешь – вот главный закон России, и без всякого преувеличения можно сказать, что здесь злоупотребляют свободой. Министр А.Д. Балашов в конфиденциальных донесениях Александру Первому по результатам осмотра черноземных губерний весной 1820 г. писал: «...сердце Ваше содрогнется при раскрытии всех подробностей внутрен-

него состояния губерний... Не только воровство в городах, не только частые и никогда, почти не отыскивающиеся грабежи на дорогах, но целые шайки приезжали в усадьбы, связывали помещиков и слуг, разграбляли дома и пожитки... – убийцы не находились. В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повинование последних к первым поколеблено и ослушаний тьма... Дел в присутственных местах кучи без счету, решают их по выбору и произволу... Все части идут раздельно, одна другой ход, затрудняя, и, едва ли которая подается вперед».

Перечисленные противоречия сделали многие события Отечественной войны 1812 г. темными для логического осмысления и не могут быть объяснены без изучения национального характера.

Императору Александру Благословенному постоянно противостояло консервативное большинство дворянского общества, небезосновательно опасавшееся глубоких реформ (конституционных, крепостных отмен). Противостоявшая им партия за глаза называлась немецкой, поскольку многие образованные чиновники-реформаторы обучались или родились за рубежами России. Выразителями мнения консерваторов были Г.Р. Державин, Д.П. Троицкий, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин. С некоторыми из них был дружен М.И. Кутузов. Историк Н.М. Карамзин сформулировал их тезисы так: «Россия наполнена недовольными, жалуются в палатах и хижинах... Александр захотел новостей в главных способах. Правило мудрых – всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости, ибо одно время дает надлежащую твердость уставам, ибо более уважаемо то, что давно существует и все делаем лучше от привычки». Свою недалекость консерваторы выказали дав отрицательную оценку созыва Земской милиции в 1807 г. Критики почему-то не хотели брать в расчет, что благодаря ей русский народ незаметно для себя становился на сторону правительства в споре с наследником французской революции. Главная роль милиции была охранительная.

Предрасположенность к широковещательной критике распоряжений начальства, к фронде была скрытой формой борьбы с властью, проявлением неверия в способность армии ответить на вызов времени, одержать победу над Наполеоном.

В свете сказанного становится понятным, почему в 1812 г. общество разделилось на партию ярых сторонников М.И. Кутузова, восторгавшихся каждым его шагом, и тех, кто говорил о его ошибках. В высшем слое дворянства и чиновничества причиной тому служили обиды и неудовлетворенные амбиции. Критицизм из высших слоев распространялся

среди молодежи, бывших сослуживцев и подчиненных. Ущерб для проводимой стратегии в 1806–1812 гг., как свидетельствует Жозеф де Местр: «Общественное мнение часто отсутствует или предвзято. В 1805 г. превозносили фельдмаршала Каменского, но скоро все увидели, что прав Император и Каменский лишь опасный безумец особого рода, совершенно непригодный для дела. Монархия сия есть и должна быть военной, но откуда взялась непримиримая вражда между двором и армией, такая что, если двор появлялся, в армии все рушилось... Два средоточия интриг. Одна в армии – между протежируемыми офицерами и другая – в столице, состоящая из их родственников и доброхотов. Пример – война в Молдавии. Генерал-адъютант князь В.С. Трубецкой и генерал-лейтенант граф П.А. Строганов сцепились с генералом С.М. Каменским. Они вернулись сюда и говорят даже, что были прогнаны своим генералом. Здешние их сторонники из всех сил стараются разрушить репутацию Каменского. У Императора достаточно мудрости, чтобы не вступаться в сии интриги. Зато сами приехавшие весьма довольны собой, и никому неизвестно, на чьей стороне правда. Возможно, национальный характер и обстоятельства вынуждают повелителя к такому поведению».

В 1812 г. вовлечение верхушки правящего класса, а за ней и широких масс гражданского населения в обсуждение стратегии первого периода войны, оказало крайне вредное, главное неизбежное (в силу свойств менталитета) влияние, было неизбежным эффектом начинавшейся народной войны. Петербургское общество с самого начала войны оказалось в противостоянии со своим Императором: «Всеобщее уныние и страх усугубились по получению здесь (в Санкт-Петербурге. – *С.Ш.*) 10 июля 1812 г. Манифеста, коим призывал Государь всех сынов России на защиту Отечества, с сокрушенным сердцем оный читали, но дыша злобой и мщением на врага, охотно приняли предлагаемый способ, коим надеялись отомстить ему за стыд и горесть... начали надеяться, что, может быть план (отступления. – *С.Ш.*) переменится». В конце июля 1812 г. высшее общество нашло свое решение проблемы обороны: «Между тем, (в Санкт-Петербурге. – *С.Ш.*) все в один голос кричали, что место ему (Кутузову. – *С.Ш.*) не здесь, что начальствовать он должен не мужиками С<анкт>-П<етер>б<ургской> губернии, но армией, которую оберегая, Барклай отдает Россию... Имя его (Барклай. – *С.Ш.*) сделалось ненавистным, никто из прямо русских не произносил его хладнокровно, иные называли его изменником, другие сумасшедшим или дураком. Но все соглашались в том, что он губит нас и предаёт Россию... Одна у всех мысль, один разговор, старые, молодые, словом, все состояния, все возрасты нарекали его (Кутузова – *С.Ш.*) единодушно спасителем Отечества».

По существу в обществе зрел заговор против Императора. Великая Княгиня Екатерина Павловна, с которой он был близок, предупреждала о существовании тяжелых обвинений, в том числе: «нарушение слова данного Москве, которая ждала Вас с крайним нетерпением, что Вы ее бросили... при желании (многих. – С.Ш.) всем жертвовать для Отечества, говорят: “К чему это поведет, когда все изничтожается, портится вследствие неспособности начальников?”». Восторг жителей Петербурга по поводу успеха армии при Бородино, спустя две недели (день коронации) сменилось гробовым молчанием толпы, когда к ней приблизился Император. По воспоминаниям графини Эдлинг, «достаточно было малейшей искры, чтобы все вокруг воспламенилось». В течение двух месяцев царь практически никого не принимал, и все его решения передавались через А.А. Аракчеева.

Пребывание армии в Тарутинском лагере, а потом преследование противника с целью окружения врага в районе реки Березины, обострили споры в высшем обществе. Одни восторгались каждым движением фельдмаршала, другие предрекали уход армии противника из расставленной ловушки. Точку в их спорах должна была поставить операция на реке Березине. «Великие сии свершения показали, в то же время, и всю силу предрассудков, подкрепляемых духом нетерпимости и национальной кичливостью. Сия последняя непременно желает иметь своего героя, и он был сотворен точно так же, как сколачивают ящик, или шьют туфлю...».

Сам полководец не мог не воспользоваться таким положением, чтобы поддержать свою популярность и славу. Объективно его переписка с женой неизбежно становилась известна в обществе. Екатерина Ильинична Кутузова состояла в переписке с госпожой Анной Луизой Жерменой де Сталь, находившейся в тот момент в Стокгольме. Наследный принц Юхан через нее живо интересовался мнениями М.И. Кутузова. Когда Кутузов не желал огласки его мнений или советов в обществе, это специально оговаривалось в письмах. Неслучайно его супруга жаловалась на то, что А.А. Аракчеев читает, задерживает адресованные ей письма и не допускает личной встречи с ней курьеров из армии. Свобода полемики в обществе создавала иллюзию неучастия большинства в войне, чем наносился ущерб сплоченности нации, мобилизации всех моральных сил, особенно вследствие наличия таких черт характера, как недостаток гражданской дисциплины, избыток эмоциональности, индивидуализма и критичности. К тому же, просвещенный русский Государь опирался в отношениях с дворянством не на силу и страх, а на любовь и закон. Во время войны нет возможности сохранить единство воли народа и боеспособность армии без жестких мер.

По классификации Н. Макиавелли царь относился не к разряду львов, а лис. Лисы побеждают львов, в конечном итоге. Указанный парадокс

отчасти объясняет тот шаг «от великого до смешного», который сделал Наполеон в 1812 г. Император Александр Первый продемонстрировал свою слабость в отношениях с аристократией и провоцировал у Наполеона надежды на то, что бояре не позволят царю вести столь разорительную для них стратегию. «Лиса Кутузов» также продемонстрировал слабость после Бородино, после оставления Москвы и тем «подвел» Наполеона. Хитрость, умение найти лазейки там, где их быть не должно, также считается чертой русского менталитета.

Начала войн в России практически всегда сопровождались вспышкой патриотических чувств, которые, в свою очередь, доказывают большую эмоциональность и возбудимость русских людей. В 1812 г. основная вспышка произошла 11–12 июля, когда Александр Первый выступил с призывом к народной войне перед дворянством и купечеством Москвы еще до ознакомления с Манифестом от 6 июля 1812 г. Он произнес проникновенную, вместе с тем глубокую и откровенную речь, в которой была названа главная опасность, главный источник силы – народ и главная задача всех сословий – жертвовать ради Отечества частью своего достояния, с тем чтобы не потерять всё. Подобная четкость, глубина и простота сказанного соперничали с напутствиями перед боем Сергея Радонежского в 1380 г., архимандрита Дионисия в 1612 г. После таких слов становится понятен масштаб всплеска патриотизма, передавшийся и в провинцию.

Главкомандующий в Москве Ф.В. Ростопчин сделал все возможное для решительного поворота общества на путь народной войны. Он нашел и следовал четырем правилам, которыми руководствовались «старые русские»: Русский Бог велик; служить Государю верой и правдой; два раза не умирают; чему быть того не миновать. Ныне значение Ф.В. Ростопчина в истории 1812 г. – далеко не первостепенное. Поворот общественного мнения в отношении его, пожалуй, более всех сделавшего для практического подъема народной войны, ярко показывает превратность судьбы кумиров публики. Использование московским Главкомандующим Ф.В. Ростопчиным информационных листов для эмоционального настроя людей на победу над врагом, причем с применением достаточно грубых форм пропаганды, в той обстановке было как нельзя кстати: «...не бойтесь ничего, нашла туча. Да мы ее отдуем... а берегитесь одного; пьяниц да дураков; они распустя уши шатаются, да и другим в уши враспloch надувают. (Потому) прошу, если кто из наших или из чужих станет его (Наполеона. – *С.Ш.*) выхвалять и сулить и то, и другое, то какой бы он ни был, за хохол – да на съезжую...». Те же особенности были характерны для контрпропаганды накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Историк В.А. Не-

вежин отметил: «...странное сочетание несомненной эффективности пропаганды с ее низким уровнем».

При помощи афиш Ф.В. Ростопчин решил воздействовать на настроение москвичей, устраняя тем самым возможность распространения нелепых и опасных слухов: «Чернь есть такое существо, в котором живость радости и живость скорби равно требуют благоразумного обуздания. Видя приближение неприятеля, рассуждающие не теряли упования, но невежды взирали только на расстояние, какое оставалось неприятелю до Москвы, по мере сего все более и более предаваясь отчаянию... Если бы правительство своим молчанием попустило их, то кто докажет, что сии унывшие, предоставленные самим себе, из коих некоторые все утешение в скорбях черпают в воспламеняющих струях Бахуса, кто докажет, что они остались бы спокойными и не устремились бы к своевольству и к буйству. В сих листах простонародным языком, знакомым и внятным для черни, забавным для людей средних понятий и достойных удивления в глазах просвещенного по той цели, к которой сие средство стремилось».

Отсутствие планомерной эвакуации гражданского населения и имущества определялось древней русской традицией, согласно которой ни один способный носить оружие и помогать обороне не мог покинуть крепость самовольно, строго соблюдалось и в 1812 г. Восприятие Наполеона как Антихриста не позволяло штатским людям заблаговременно эвакуировать имущество и семьи. Беглецы считались предателями. Меж простонародья распространялась враждебность к уезжающим из города. В июле 1812 г. власти вполне поддерживали такие настроения. Примером может быть Смоленск. М.Б. Барклай де Толли запретил не только выезд гражданским чиновникам и вообще обывателям из Смоленска, но и вывоз архивов. Денежную казну Главнокомандующий в Москве Ф.В. Ростопчин все же разрешил отправить, но ночью. Только накануне подхода противника 4 августа 1812 г. была разрешена массовая эвакуация. Возможности спасти местные архивы уже не было.

В первой половине августа 1812 г., например, одному помещику для того, чтобы беспрепятственно выехать за заставу, пришлось переодеться женщиной. С середины августа 1812 г. Ф.В. Ростопчин стал размышлять, как поощрить выезд из города всех тех, кто не может быть реально полезен при подходе неприятеля к городу. И он сделал это, слегка пожурив тех, кто позабыл свой долг: «Я рад, что барыни и купеческие жены едут из Москвы для своего спокойствия, но нельзя похвалить и мужей, и братьев, и родню, которые при женщинах в будущих (будучи. – *С.Ш.*) отправились без возврата. Если по их есть опасность, то непристойно, а, если нет её, то стыдно». По показаниям жителей, выехать из города, не выслушав

как минимум оскорблений и угроз, было затруднительно даже для женщин. Отставному генералу Д.М. Волконскому в начале сентября 1812 г. «унтер-офицер в кабаке доказал... грубостью, сколь народ готов уже к волнениям, полагая, что все уходит от неприятеля». Ж. де Местр, живший в Петербурге и не знавший русского языка, также сообщает об открытых угрозах, услышанных от простолюдинов. Поддержание воинственного народного духа потребовало от общества молча сносить обиды, связанные с большой возбудимостью русских людей.

Формально ни один чиновник не мог без разрешения сверху, без опасения за свою карьеру, начать подготовку к эвакуации. Так, 21 августа 1812 г., т.е. за три-пять дней до подхода к месту главных сил армии, в распространении слухов об отступлении русской армии за Можайск был обвинен исполнявший обязанности генерал-полцимейстера М.И. Левицкий. Ему пришлось письменно объясняться, говорил ли он с местными чиновниками только об отсылке госпиталей и обозов, или об эвакуации всего города (хотя это прямо вытекает из его распоряжений. – *С.Ш.*). Негласный запрет на отъезд из Москвы был снят лишь дней за десять до ее оставления. Главкомандующий армиями М.И. Кутузов, стремившийся вывезти семью дочери Е.М. Хитрово из-под Тарусы, должен был прибегнуть к хитрости, приказав калужскому губернатору П. Каверину отправить отставного генерал-майора Хитрово под караулом во Владимирскую губернию, после чего женщины уже смогли смело и открыто эвакуироваться, так как с детьми на руках они ничем не могли принести вред врагу.

В конце августа 1812 г., когда по реке плыли высланные под охраной из Москвы в Нижний Новгород иностранцы, «в селениях по реке Оке ниже Коломны, мужики нередко обращались с нами дерзко и грубо за то, что мы оставляем матушку Москву в такое смутное время. Крестьяне отказывали продать колесо или ось – тогда у них отнимали и бросали им деньги».

Итак, в момент разжигания патриотического энтузиазма ни власти, ни жители даже не могли помышлять, чтобы кому-то из людей состоятельных было разрешено «бежать» от исполнения своего долга защитника. В тот момент никто не смеялся над «жалкой милицией», как было в 1807 г. Этим моральным запретом объясняется тот удивительный факт, что основная масса москвичей бросилась из города накануне его оставления, захватив лишь самую малую часть имущества, которое было быстро ими оставлено на дороге. Однако уже через две недели симпатии дворян, осознавших размер ущерба своей собственности, отвернулись от Ф.В. Ростопчина. Поднялся громкий ропот, который был доведен до царя его сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. Граф Ф.В. Ростопчин в мае 1813 г. решил дать ответ на обвинения в свой адрес в журнале «Русский вестник»:

«Есть много русских, кои меня бранят за то, что они от нашествия злодея лишились домов и имущества, и многие, ничего не имевшие – миллионеры! Мое дело было сохранить спокойствие в столице. И тишина в ней пребыла до 2 сентября... Купцы начали отправлять свои товары с половины июля; дворянство тронулось с августа... Кого я задержал? У кого взял лошадей и повозки?

...Теперь еще спрошу у вопиющих героев, решившихся отчаянно защищать столицу, выехав из оной: За что Вы на меня негодуете?

Ответ: «За то, что поверил вашим словам, оставили все свое имущество в домах и оно всё сожжено и разграблено.

Вопрос: А Вы где же изволили быть?

Ответ: О, да мы давно уехали.

В 1812 году меня бранят для того, что (если смею сказать) для многих здоровых людей рубль дороже жизни».

Те же люди, бранившие Ф.В. Ростопчина, всерьез мнили себя защитниками Отечества, звание это к концу войны хотелось носить всем. По наблюдению Ф.В. Ростопчина, «каждый духовный мнил себя Палицыным, а купец – Мининым». Дворянская общественность не изменила своего мнения ни тогда, ни после. Граф Ф.В. Ростопчин скончался в 1826 г., оплакиваемый только родственниками.

Вслед за современниками перехлест в защите своей позиции (в силу того же менталитета) передался историкам. Исследование А.Н. Попова («Москва в 1812 году») построено на подробнейших цитатах из воспоминаний Ф.В. Ростопчина и последующей критике, хотя бы нескольких слов из них. Автор стремился доказать, что Ф.В. Ростопчин был не в ладах со здравым смыслом: «Говоря с народом... в дружеских своих посланиях, он беседовал с обывателями, как заботливый и приветливый друг., в то же время питал самое оскорбительное для русского народа подозрение... Уверовав в какую-нибудь мысль, граф Ростопчин доводил ее до крайности... Неутомимо боролся он с воображаемым заговором мартинистов и восстанием народа, которого будто бы неприятель может склонить на измену, обещанием освобождения от крепостной зависимости, и упустил из виду действительные события (организацию эвакуации всего государственного и частного имущества. – *С.Ш.*). Он не понимал ни силы неприятельского нашествия, ни способов для обороны; полагая, что неприятель никогда не достигнет до Москвы, думал противопоставить ему ополчение из жителей столицы и ее окрестностей, которого, однако же, не составлял, объявляя только, что кликнет клич, когда настанет время... Он не только не способствовал жителям Москвы удалиться и спасти свое имущество, но помешал им самим вовремя принять эту меру. Начав вывозить из Москвы государ-

ственные сокровища, когда огромное количество перевозочных средств потребовалось уже для приближавшихся войск... естественно, он лишился возможности воспользоваться ими в надлежащем количестве, как жителей Москвы, так и войско. Неминуемым последствием был ропот первых и негодование князя Кутузова, которое усилилось, когда он узнал, что не приготовлено никакого ополчения для ее защиты».

Таким образом, обстоятельный историк мыслил так же, как и потерявшие свое имущество «защитники Отечества». Произошло это, по всей видимости, неумышленно, поскольку сильные эмоции, переживаемые им, как и многими современниками 1812 г., помешали заметить противоречия в своих логических построениях. Аналогичные ошибки бывают и у современных авторов.

Современные историки много критиковали наблюдательного мемуариста Д.П. Рунича за одну из мыслей по поводу природы патриотизма русских крестьян: «Патриотизм здесь ни при чем... русский крестьянин уничтожал хищных зверей, уничтожавших его скот». Однако в действительности Д.П. Рунич говорил о ненависти низшего класса к иностранцам, вследствие различий в религии, нравах, языке. «Нападение французов на собственность жителей и эта исконная ненависть были единственными (причинами. – *С. III.*) всех зверских поступков, коих были жертвою в течение войны, внесенной Наполеоном в пределы России. Патриотизм был тут ни при чем, и Ростопчин, которому это было отлично известно, сумел только воспользоваться этой ненавистью. Ненависть, которую русские проявили, совершая разные жестокости против иностранцев, пришедших опустошать их родные земли, доказывает, что русский человек защищал в 1812 г. НЕ СВОИ политические права. Он воевал для того, чтобы истребить хищных зверей, пришедших пожрать его овец и кур». Итак, Д.П. Рунич настаивал на том, что у крестьян не могло быть зрелой гражданской позиции. Спор историков с Д.П. Руничем свелся к надуманному противопоставлению гражданского патриотизма и желания сберечь свою собственность. Он подтверждает давно подмеченное неприятие русскими критических оценок своих духовных качеств, что в основе патриотизма крестьян лежала в том числе ненависть к иностранцам. Некоторые историки видели в этих словах инсинуации в адрес русского народа. Между тем на протяжении веков культивировалось мнение о превосходстве русского православного народа над иностранцами, являвшимися для него еретиками, устанавливались запреты на проживание их вместе с православными, не говоря уже о появлении в церквях во время богослужений, становится очевидным, что в его словах есть большая доля истины. Д.П. Рунич подробно описал переживания простых людей в связи с приходом в их дома неприятеля. К тому

же ряду явлений относилась жестокость крестьян, особенно в тех случаях, когда чужеземцы были беззащитны. То была месть за перенесенные унижения, оскорбления.

Проявлением перехлеста в критике данного явления были подозрительность и ненависть к иностранцам, но не были вовсе проявлением дремучего бескультурья низших сословий. Православная Церковь издавна считала иностранцев (иноверцев. – *С.Ш.*) еретиками. Общение с ними считалось гибельным для души русского человека. В XVII в. их подозревали в неприменном желании совращать православных в свою веру. Им запрещали носить русскую одежду, принимать в услужение в дом русских. Накануне 1812 г. Министерство внутренних дел ввело тщательный контроль за всеми проживающими и прибывающими в страну иностранцами. Система подобной работы была хорошо описана в записках маркиза де Кюстина, путешествовавшего по России позже, в 1839 г. Накануне войны в июне 1812 г. вышел циркуляр на имя всех губернаторов, где говорилось:

«1) чтобы в губерниях оставить только тех иностранцев, в благонадежности которых губернатор примет на себя ответственность. Что они ни личными внушениями, ни другими средствами не могут подать повода к нарушению спокойствия или к совращению с пути русских подданных;

2) всех иностранцев, которые окажутся неблагонадежными, выслать за границу морем;

3) тех из них, коих отправление за границу сочтется неуместным по уважению, что разглашениями в чужих краях о внутреннем нашем положении они могут подать повод к неблагоприятным или невыгодным для России последствиям, выслать во внутренние губернии».

Правительство понимало, что если не вести русскую пропаганду, народ может подхватить слухи, клонящиеся в пользу неприятеля, стремилось стимулировать проявления народной бдительности, даже если 99% задержанных в действительности не совершили чего-либо противозаконного. Подобным образом поддерживались злость, боевой дух, не допускающий каких-либо контактов с неприятелем. По призыву Ф.В. Ростопчина бдительные москвичи каждый день приводили к нему подозрительных, на их взгляд, людей. Они или плохо говорили по-русски, не могли или не хотели перекреститься по-православному, или сообщали какие-то слухи не в пользу правительства. Граф Ф.В. Ростопчин наказывал их для вида и отпускал. Поступать наоборот – значило разрушать патриотические порывы москвичей. Пик шпиономании пришелся на момент оставления Москвы, когда пытались арестовывать офицеров за незнакомый им мундир. Городской глава города Ростова (Владимирская губерния) Маракуев писал, что народ считал каждого иностранца французским шпионом и не только делал

грубости, но и большие обиды. Историк А.Н. Попов был не прав. Граф Ростопчин проявил себя глубоким знатоком характера народа, когда уже нельзя было откладывать обещанное вооружение народа. С учетом господствовавших страстей и отсутствия дисциплины, оружие могло быть использовано не только против французов. «Раздача оружия состоялась 25 августа. Он обратился за помощью к митрополиту Платону, отслужить молебен и обратиться к народу с речью. С помощью двух дьяконов Платона ввели на амвон, его бледное старческое лицо казалось встревоженным. По окончании молебна, на котором он присутствовал в качестве молящегося, один из дьяконов стал рядом с ним, чтобы говорить от его имени, потому что он сам уже был не в силах возвысить свой слабый голос. Пастырь умолял народ не волноваться, покориться воле Божией, доверяться своим начальникам и обещал ему свои молитвы. Митрополит плакал. Рыдания слышались со всех сторон. «Владыка желает знать, – продолжал дьякон, – насколько он успел вас убедить. Пускай все те, которые обещают повиноваться, становятся на колена». Все стали на колена. Старец осенил крестным знаменем преклоненные пред ним головы, а граф Ростопчин выступил вперед и обратился, в свою очередь, к народу: «Как скоро вы покоряетесь воле Императора и голосу почтенного святителя, – сказал он, – я объявляю вам милость Государя. В доказательство того, что вас не выдадут безоружными неприятелю, он вам позволяет разбирать арсенал. Защита будет в ваших руках. Я прикажу сию минуту отпереть арсенал». Толпа, проводив Платона, возвратилась за оружием». События, последовавшие перед вступлением французов в Москву, а также в момент ухода из нее, показали обоснованность опасений генерал-губернатора.

Массовые народные выступления, как правило, сопровождалась разграблением имущества тех бояр и купцов, которые считались виновными в нарушении долга перед государем, своих обязанностей перед городом. Например, неучастие их в его обороне. Так поступали в 1382 г. с теми, кто пытался уехать из Москвы накануне штурма ее ханом Тохтамышем. Так поступили с боярами, заподозренными в заговоре или входившими в окружение ставшего ненавистным царя во времена смуты. Их имущество считалось законно перешедшим к тому, кто его взял. То же происходило с имуществом, вынесенным при пожаре. Так, во время великого московского пожара 1649 г. низы занимались выносом имущества из горящих домов, которое потом делили поровну. О связи бесстрашия и грабежей писал еще Н.М. Карамзин. Однако в вопросе об участии гражданского населения в грабежах во время пожара Москвы 1812 г., и особенно при выходе из нее французов, в историографии прозвучало обвинение в клевете на москвичей. Так, И.П. Липранди восклицал: «Зачем пятнать, основывать на до-

гадках обвинение русских». Между тем в участии подмосковных крестьян в подобном деле нет ничего удивительного, если учесть, что грабеж – это форма возмездия, проявления духа народной вольности, классовой ненависти, черта менталитета.

Еще до прихода в столицу французов 2 сентября 1812 г. А.Я. Булгаков видел следующие картины: «Кабак разбит. У острога колодники бегут; их выпустили или поломали замки сами. Против Пушкина солдаты убивают лавочника. Еду по Басманной. Ужасная картина, грабеж везде ранеными и мародерами».

Известный в начале XIX в. актер Сила Сандунов рассказал С.Н. Глинке о виденном им русском грабеже в Москве по уходу французов: «Из русских ничего не сделаешь (европейца? – *С.Ш.*). Лишь только облетела московские окрестности молва, что французов нет в Москве, со всех сторон нахлынули крестьяне с возами. Поднялся ужасный грабеж... С горы, мимо моего дома (видимо, нынешний Сандуновский переулок. – *С.Ш.*), неслось повозок до сорока... Навстречу им спешили крестьяне с пустыми возами. Завязался бой, засвистели кистени, дубины, вилы и ружья. Казалось, что злые духи вынырнули из адских пропастей. Раздался крик, вопль, гул и кровь полилась ручьями. Тяжело было при неприятеле, но тут было еще тяжелее. Объятый ужасом, я бросил свой дом, свои бани и бежал на Украину к знакомому нашему Палицину». С.Н. Глинка оправдывал крестьян в следующих словах: «Вы видели русских в минуту иступления. Вы знаете, как ожесточаются воины, когда после упорной обороны, приступом берут крепость. Крестьяне одичали в лесах. Настал час грабежа и крестьяне ринулись на грабеж». По сообщению московского католического священника Изарна, в течение нескольких дней до прихода казаков толпы крестьян «бегали по улицам грабить соляные магазины... днем и ночью по улицам пешком и на телегах тянулись шайки по 10-20 мужчин, женщин и детей». В донесении начальника Владимирского ополчения Б.А. Голицына М.И. Кутузову от 30 октября 1812 г. говорится: «... после ухода французов тотчас начался грабеж, который остановлен войсками, в столицу вступившими, отчего и народ из Москвы начал выходить, по прибытии же моем почиталось только до 6000 жителей». Прекрасно понимая, что русские грабили в Москве вместе с французами, а в момент подготовки к уходу – не глядяываясь на них, правительство дало распоряжение, запрещавшее предъявлять к кому-либо иски о возвращении имущества бывшим владельцам. Многие москвичи видели на рынках свои собственные вещи, стоимость которых была весьма небольшой. Во время отступления французов крестьяне часто шли вместе с казаками по бокам большой дороги и грабили разбитые французские обозы. Итак, корни склонности

к грабежам видим в отсутствии привычки к законопослушанию, в осознании правомерности подобного наказания, а также в легкомысленном отношении к любой собственности.

Приведенный материал показывает влияние национального характера на многие важные события войны, на выбор путей и методов привлечения населения в народной войне, объясняет причины внешне нелогичных отношений, поступков как в высших кругах общества, так и народа; позволяет привести к общему знаменателю полярные точки зрения, основанные на указанной нелогичности менталитета. Приведенные данные позволяют показать реальные идейно-психологические основы сопротивления врагу, влияние широких слоев и масс общества на ход войны, смысл и причины основных решений руководства страны, повлиявших на исход кампании. Сравнение поведения русских людей в разные исторические эпохи доказывает, что в жизнь проводилось только то, что соответствовало национальному характеру, который содержал значительные противоречия. Освещение войны в истории также подвергалось давлению того же национального общественного сознания. Знание особенностей менталитета россиян позволяет провести проверку сложившихся в науке оценок и мнений, касающихся эпохи 1812 г., глубже понять процессы, происходившие в обществе, понять негативные факты, уловить общее в исторической биографии России.

Е.В. Семенищева*

**ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА
(ПО ВЫСКАЗЫВАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ)**

В известном Высочайшем Манифесте «О сборе внутри Государства земского ополчения» от 6 июля 1812 г., адресованном всем сословиям России, Император Александр Первый взывал в том числе и к сословию духовному: *«Святейший Синод и Духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России»* [1].

Деяниям Русской Православной Церкви уделено ничтожно мало внимания в исследованиях по Отечественной войне 1812 г., относящихся к XX в. На пороге XXI в. и в преддверии двухсотлетнего юбилея Отечественной войны возобновлен разговор о роли и месте в ней духовного сословия. Недаром около 40 000 его представителей по благополучном окончании военных действий в Европе были отмечены особой наградой – бронзовым крестом. В Высочайшем Манифесте от 30 августа 1814 г., утверждавшем крест, говорилось: *«Священнейшее Духовенство Наше, призывавшее пред Алтарем Всевышняго теплыми молитвами своими благословение Божие на Всероссийское оружие и воинство, и примерами благочестия ободрявшее народ к единодушию и твердости, в знак благоговения и любви к Отечеству, да носит на персях своих, начиная от верховного Пастыря включительно до Священника нарочно утверждаемый для сего крест с подписью 1812 года»* [2].

Предметом этого сообщения будут, однако, не подвиги полковых священников, не спасение от поругания церковных ценностей священнослужителями, не пожертвования на нужды армии сельских батюшек, а то с чего началось все и вся. А *«в начале было Слово»*.

Как объясняли все происходившее в 1812 г. наши верховные пастыри, смотревшие на свое Отечество, как на последнее в истории человечества Православное Царство, и понимавшие, что нашествие безбожного войска «двунадесяти язык» грозило уничтожением не только государственному устройству России, но и православному исповеданию Христова учения? Покаянная жертва воскурилась на алтаре Отечества в войну 1812 г., припоминая который Святитель Феофан Затворник много позже писал: *«...зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же и переняли. Покаялась тогда Россия и, Бог помиловал ее»* [3].

* Семенищева Елена Васильевна (Бородино, Московская область) – заведующий отделом Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

В высказываниях современников «нашествия на Русь галлов и с ними двенадцати язык» хотелось обнаружить именно эти покаянные ноты. Каясь, христианин приносит жертву Богу. Какова была жертва православной России, подвергшейся нападению полчищ Наполеона в среду Пятидесятницы, когда читается Апостол: «*Братие! Открывается гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеческую, содержащую истину в неправде...*» (Римл. 1. 18–27).

В шесть месяцев уложились события войны, которую русский народ наименовал «*Отечественная*», тем самым выделив ее из череды больших и малых военных столкновений с самым разнообразным противником. В свою очередь, в череде событий Отечественной войны можно назвать два совершенно особых: Бородинское сражение, которое, многими его участниками сопоставлялось с днем Страшного суда, и, конечно же, пожар Москвы, который в сознании современников запечатлелся едва ли не как апокалиптический.

В то незабвенное время Русь Православная с особым вниманием прислушивалась к двум столпам христианского красноречия – архиепископа Августина (Виноградского), управлявшего Московской епархией, его называли «Златоустом 12-го года» и архимандрита Филарета (Дроздова), ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии.

В начале войны Преосвященный Августин по просьбе Императора Александра Первого составил «*Молитву в нашествии супостат*», которую можно рассматривать как одно из первых высказываний на предмет начавшегося вторжения многоязычной армии Наполеона. Отпечатанная в Московской Синодальной типографии в количестве 1 500 экземпляров, молитва стала возноситься в храмах во время Божественной литургии после сугубой ектеньи: «*Господи Боже сил, Боже спасения нашего! Призри ныне в милости и щедротах на смиренныя люди Твоя и человеколюбно услыши, и пощади и помилуй нас. Се враг, смущаяй землю Твою и хотяй положити вселенную всю пусту, воста на ны; се людие беззаконнии собрашася еже погубити достояние Твое, разорити честный Иерусалим Твой, возлюбленную тебе Россию: осквернити храмы Твои, раскопаети олтари и поругати-ся святыни нашей*» [4].

Потрясает, что уже в первых строках молитвы, кроме покаянного мотива, звучит пророчество Преосвященного Августина о том, что совершится в скором будущем в России – храмы ее будут осквернены, алтари раскопаны, святыни поруганы. Сам Преосвященный сделает все, чтобы спасти, что возможно из московских святынь, а затем деятельно будет пещись о восстановлении поруганного первопрестольного города. Владыка Августин высказывал пожелание ввести в круг церковного Богослужения

Бородинскую поминальную субботу, подобно Дмитриевской, и включить в Четьи Минеи сказание о нашествии на Москву в 1812 г. гордых галлов.

В первую годовщину Бородинского сражения он назначил в Сретенском монастыре поминовение по воинам, на брани убиенным. С собором духовенства владыка отслужил Божественную Литургию и панихиду. В произнесенном там же «Слове» архипастырь дал оценку той жертве, что была принесена на поле Бородинском: *«И так много потеряло Отечество во брани сей: но можно ли оценить то, что приобрело? Сею жестокою битвою спасена целостность государства, сохранено величие и слава народа, возвращена безопасность и тишина, гордый Фараон познал, что Россияне суть язык избранный, людие Божии, и Россия есть страна покровительствуемая небом»* [5].

В тот же самый день, 26 августа, по благословению владыки Августина архимандрит Ставропигиального Заиконоспасского училищного монастыря Симеон с духовенством города Можайска и ближних сел совершал панихиду в Бородине, на самом поле брани, там, где земля хранила *«в недрах своих любезные останки поборников и спасителей отечества»* [6].

В самом начале 1813 г., а именно 5 января, Президент Российской Академии художеств А.Н. Оленин, скорбя о потере в Бородинском сражении девятнадцатилетнего сына Николая, прапорщика Лейб-гвардии Семеновского полка (другой сын, Петр, семнадцати лет был тогда же ранен), обратился к молодому ректору Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандриту Филарету с просьбой написать рассуждение *«о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне»*. Президент Академии художеств А.Н. Оленин аргументировал свое желание: *«Кому же, если не служителю Святого алтаря, приличествует доказать происшествиями нынешней войны, что невероятные подвиги народа русского начало и основание свое имеют в безпредельной вере к Богу, ... в верности к Царю, <...> и в любви к Отечеству»* [7].

Исполнить пожелание ищущего утешения отцовского сердца архимандрит Филарет решил с оговоркой: *«...возмечтаю..., будто могу рассуждать вслух общенародный о таких происшествиях..., которые сами о себе говорят выразительнее всех языков человеческих, и в которых, по исповеданию всех благочестивых и добродетельных людей, даже по признанию некоторых безбожников, сам Господь возглагодал»* [8]. Даже он, Святитель Филарет, прославленный ныне Русской Православной Церковью, понимая величие всего совершившегося в Русском Царстве, считал, что *«рассуждать о таких происшествиях царств, которыя, очевидно проходя под Перстом Царя Царствующих, представляются в позор и наставление миру, ... имеют полномочие токмо те, которым Он Сам*

изострил и расширил взор, дабы они могли проникать в тайные законы миродержавства Его, и отчасти объимать безмерныя соображения судов Его» [9].

И все же в мае 1813 г. пространное «*Рассуждение*» было читано в собрании «*Беседы Любителей Русского Слова*», а в первую годовщину Бородинской битвы напечатано в двух номерах «*Сына Отечества*».

Можно ли в рамках короткой статьи сколько-нибудь полно воспроизвести «*Рассуждение*» Святителя, занимающее в журнальном варианте двадцать пять страниц? Разве только относительно тех главных событий войны – Бородинского сражения и московского пожара.

«Дано кровопролитнейшее из всех известных в наши времена сражение, в котором, чем более победа колебалась между превосходством сил и совершенством искусства, между дерзостью и неустрашимостью, между отчаянием и мужеством, между алчностью грабежа и любовью к Отечеству, тем торжественнее увенчана правая сторона» [10]. Святителю слышался суд Истины, произносимый над Наполеоном, вошедшим в Москву: *«Ты не наступил на сердце России, но преткнувшись, оперся на грудь ея, и вскоре будешь отражен и низвержен. Россия не будет унижена, но вознесется к славе доселе невиданной. Война, расположенная по чертежу коварства и злобы, достигла своего предела: начинается брань Господня» [11].*

Войны начинают люди, а заканчивает их Бог. Участь же государств, по определению Святителя Филарета, *«определяется вечным законом истины, который положен на основание их бытия, и который, по мере их утверждения на нем или уклонения от него, изрекает на них суд, приводимый потом в исполнение под всеобъемлющим судоблюстительством Провидения» [12].* Сказанное Святителем может быть отнесено к любому государству, и к России, и к Франции, как и нижеследующее: *«Оставив Бога, оно (государство. – Е.С.) может быть оставлено самому себе, по закону долготерпения, или в ожидании его исправления, или в орудие наказания для других, или до исполнения меры его беззаконий; но вскоре поражается правосудием, как возмутительная область Божией державы».* Здесь можно остановиться, и в хорошо известных исторических фактах находить многочисленные подтверждения истинности слов святителя. Тем более что дальнейшее развитие событий без каких бы то ни было условий расставило акценты на решении судеб нашего Отечества и государств Европы.

Русские знамена с победным торжеством явились в столице Франции в марте 1814 г. Тридцатого августа того же года Император Александр Благословенный подписал Указ о праздновании в День Рождества Христова

воспоминания избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двенадцати язык. Последование молебствия было сочинено архимандритом Филаретом.

В первое празднование в Рождество Христово 1814 г. в Москве в Большом Успенском соборе Преосвященный Августин вновь говорил об исполнении над Россией воли Божией: *«Бог попустил пасть человеку для того, чтоб открыть ему путь к большому блаженству, нежели какое имел он до падения; чтоб озарить его большею славою, нежели какую сиял он изшедши из рук творческих. Так, мы более приобрели во Христе, нежели сколько потеряли во Адаме».*

«...Но кто уразуме ум Господень? Или кто советник Ему бысть? Он удержал громы Свои в минуту поругания святынь Его, но с тем чтобы более прославиться в Фараоне и во всем воинстве его, чтоб не только спасти Россию, но и явить ее спасительницею других народов. Он восхотел еще продолжить искушения и умножить нам подвиги, чтоб после удивить над нами силу Свою и благодать, и более прославить нас. По совету премудрости и благодати Божией, надобно было, чтоб все языки, которые дерзнули внести кровавый меч в мирное Отечество наше, чтоб те языки после были поражаемы мстительною рукою раздраженных россиян; были караемы оскорбленным небом, низпустившим на них хлад и мраз; и чрез то бы познали, что они взошли в достояние Божие и осквернили храм святой Его. ... Надобно было, чтоб Российский Давид низложил гордого Голиафа, в той самой стране, где могущество свое почитал он более непоколебимым. Надобно было, чтоб Царь Россов изгнанным Царям возвратил достояние их.

<...> Россия! Облобызай десницу Вышняго, с отеческою любовию наказавшего тя, искусившаго тя яко злато в горниле, изведшаго правду твою яко полудне и явившаго на тебе чудеса Своего всемогущества и милосердия. – Москва! Гордись развалинами своими! – Скоро, скоро не будет их. ... Но бытописания человеческия возвестят грядущим векам, что ты была искупительною жертвою не только России, но и всей Европы» [13].

Через несколько дней в Крещенский сочельник, и уже в Петербурге, в Троицкой домово́й церкви обер-прокурора князя А.Н. Голицына московскому архипастырю вторил его будущий приемник архимандрит Филарет (Дроздов): *«Слышите ли вы глас недавно возгремевший и едва еще утихающий в пределах собственной земли нашей, в развалинах, в пустыне града великаго? Сей болезненный и смертный глас толь многих граждан, глас разрушения вековых оград, глас поругания храмов, есть ли только действие случайнаго удара? Но рука Провидения не ударяет мимо своей меты, а сия мета назначается премудростию и правосудием. Есть ли сие одно*

*поражение виновных? <...> Нет! Посещенные тяжчайшими бедствиями не суть виновнейшие нас помилованных, и удар судеб возгремел не на одних тех, на которых низведен он. **Ни, глаголю вам, но аще не покаетесь, вси такожде погибнете** (Лук. XII, 5). Вот глас, который сам Господь научал нас слышать в каждом бедствии общественном. И услышали ли, уразумели ли, прияли ли мы в настоящих происшествиях сие поучение Господне?» [14].*

В этом «Слове о гласе вопиющего в пустыне и на воспоминание происшествий 1812 года» звучит вопрос святителя, относящийся и к нынешнему поколению.

Литература и источники

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXII. С. 388.
2. Там же. С. 907.
3. Россия перед вторым пришествием / Сост. С. Фомин. М., 1993. С. 39–41.
4. РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 672. Л. 10.
5. Преосвященный Августин. Слово при совершении годичного поминовения по воинам за веру и отечество на брани Бородинской живот свой положивших. М.: В Синодальной тип., 1813.
6. Там же.
7. Письмо к архимандриту Филарету // Сын Отечества. 1813. № XXXII. С. 220.
8. Архимандрит Филарет «Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне // Сын Отечества. № XXXII. С. 223–224.
9. Там же. С. 224.
10. Там же. С. 231.
11. Там же. С. 233.
12. Там же. С. 234.
13. Слово в пресветлый праздник Рождества Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, и на день воспоминания избавления церкви и державы Российския от нашествия галлов, и с ними двадцати язык, произнесенном в Московском Большом Успенском соборе, 1814 года. С. 74, 78–80.
14. Слово о гласе вопиющего в пустыни и на воспоминание происшествий 1812 года // Сочинения Филарета митрополита Московскаго и Коломенскаго. М., 1873. Т. I. С. 63–64.

Л.И. Агронов*

ВОСПРИЯТИЕ СОБЫТИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В НАРОДНОЙ СРЕДЕ

Тема восприятия событий войны 1812 г. современниками остается одной из наименее разработанных в обширной историографии этого события. Основное внимание по-прежнему уделяется исключительно военным и политическим аспектам темы.

Этой проблемой заинтересовались давно. Еще в 1882 г. Н.Ф. Дубровин говорил о необходимости создания невоенной истории 1812 г., в 1895 г. он издал ряд интересных статей о восприятии Наполеона русским обществом начала XIX в. [1].

В 1893 г. на страницах журнала «Русская Старина» В.А. Бильбасов писал, что особенно интересным для истории представляется изучение влияния войны 1812 г. на современников (как на представителей образованного класса, так и на простонародье), ценнейший материал по этой проблеме содержат многочисленные мемуары эпохи [2]. В знаменитом семитомнике «Отечественная война и русское общество» [3], в создании которого участвовал авторский коллектив, объединивший более шестидесяти видных российских историков, всего несколько статей содержали материал о восприятии событий Отечественной войны российскими современниками (образованным обществом). Почти ничего не было сказано об отношении к войне основной массы населения (крестьянства, мещан и городского общества), приводились лишь сведения об антикрепостнических восстаниях 1812 г., а также некоторые общие рассуждения о «народе в 1812 г.», не опиравшиеся на источники.

Вплоть до революции 1917 г., по словам видного историка К.А. Военского, «бытовая» история 1812 г. оставалась совершенно неразработанной.

В советский период тема Отечественной войны 1812 г. вплоть до 1937 г. оставалась невостребованной. В 1920-е гг. господствовала теория «историка номер один» М.Н. Покровского, озвученная в его «Истории России в самом сжатом очерке», а также в сборнике «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» [4]. Автор, как он сам признавал, в основном «перелицовывал литературу», он изображал войну 1812 г. как борьбу реакционной России и прогрессивной наполеоновской армии, носителя демократических начал. Народ же в 1812 г. думал только об освобождении

* **Агронов Лев Игоревич** (Москва) – доцент Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

и свержении ненавистного режима. В таком же духе была написана работа З. и Г. Гуковских «Крестьяне в 1812 году» [5].

С конца 1930-х гг. и особенно после 1951 г. советские историки фактически возродили монархический миф о народе в период Отечественной войны 1812 г., только без царя. Народ выступал безликой серой массой, только и делавшей, что совершавшей патриотические подвиги.

Из работ, имеющих отношение к теме восприятия войны 1812 г. современниками, в советский период вышли две статьи, посвященные образованному российскому обществу [6].

Из новейших исследований можно отметить всего одну статью, также посвященную отражению событий 1812 г. в сознании образованного общества (на основе писем современников). Основная масса россиян 1812 г. вновь осталась вне поля зрения исследователей [7]. Насколько известно, специальных исследований проблемы восприятия войны 1812 г. простонародьем не существует.

Основным источником для изучения российского простонародья 1812 г. являются мемуарные произведения россиян и иностранцев. Среди воспоминаний российского образованного общества сведений о народе крайне мало, так как мемуаристы почти совсем с ним не контактировали и, как правило, не считали «чернь» достойной своего внимания. Характерный пример – знаменитые воспоминания А.Т. Болотова, оставившего одно из крупнейших мемуарных произведений эпохи XVIII – начала XIX в. (полностью до сих пор не опубликованы) [8]. Как только в его записках речь заходит о «черни», «подлом народе», автор сразу говорит, что все, к этому относящееся, «не заслуживает никакого внимания». Как указывает сам А.Т. Болотов, он впервые познакомился с «русским народом» в 1762 г., когда согнал всех своих крестьян для обустройства сада. Дворяне 1812 г. своего народа не знали совершенно, вращаясь исключительно в узком кругу избранного общества – к примеру, помещица М.А. Волкова в 1812 г. впервые познакомилась с провинциальным обществом Тамбова, это произошло вследствие крайних военных обстоятельств, вынудивших ее покинуть Москву. Также в результате этого переезда она получила некоторое представление о «народе», наблюдая за ратниками из окна своего дома.

Из мемуаров образованного общества наибольший интерес для исследования представляют воспоминания москвича А. Рязанцева, пережившего весь период оккупации столицы и оставившего об этом времени подробнейшие записи [9]. Сам автор был весьма близок к городскому простонародью, в 1812 г. ему было четырнадцать лет, он обучался в Славяно-греко-латинской академии. Его воспоминания рисуют де-

тальный портрет Москвы 1812 г.: автор использовал множество записей крестьянских разговоров, диалогов московского простонародья и жителей подмосковных сел, подробнейшим образом описал положение Москвы при французах, привел ценные данные о контактах между местным населением и неприятелем.

Помимо этого, отдельные любопытные сведения о народных массах 1812 г. разбросаны по обширной мемуарной литературе прочих представителей образованного российского класса, особый интерес представляют синхронистические источники – дневники и письма [10].

Главный источник для изучения нашей темы – это воспоминания самих представителей простонародья 1812 г.: солдат, крестьян, дворовых, небогатых купцов и священников низшего звания. К сожалению, традиция написания мемуаров в среде основной массы россиян-современников 1812 г. совершенно отсутствовала: за весь XVIII в. только двести пятьдесят россиян оставили воспоминания, из них всего один крестьянин [11]. Воспоминания, созданные самими представителями простонародья 1812 г. – явление чрезвычайно редкое, как правило, их воспоминания дошли до нас в виде записей устных рассказов.

Известны одно мемуарное произведение солдата 1812 г. и две мемуарные записки 1839 г. со слов рядового и унтер-офицера, участвовавших в Бородинской битве. «Записки» Памфилия Назарова – редчайшее мемуарное произведение, написанное солдатом 1812 г. [12]. Автор совершенно чужд каких-либо исторических или идеологических оценок событий 1812–1814 гг., он слабо осознает важность пережитого. По форме это записки для себя и узкого круга близких, которые он написал в 1836 г. по окончании срока службы. Издатели «Русской Старины» отметили уникальность этого источника, который «ни на что не похож».

Особняком стоят произведения И.Н. Скобелева, изданные в 1830–1840-е гг. Автор в 1800-х гг. более четырех лет прослужил в нижних чинах, впоследствии дослужившись до генерала, участник Отечественной войны (в звании капитана). Современники вполне обоснованно утверждали, что он знал русского солдата как никто другой. В своих произведениях «Солдатская переписка 1812 года» и «Рассказы русского безрукого инвалида» автор от лица простого солдата описывает события Отечественной войны. Эти книги содержат ценнейший материал: это и солдатский язык эпохи 1812 г., и особенности восприятия войны русскими солдатами, переданные И.Н. Скобелевым [13].

Особый интерес представляют воспоминания А.В. Никитенко – в 1803–1824 гг. крепостного графа Шереметьева, впоследствии профессора Петербургского университета и видного чиновника Министерства народного

просвещения. Автор подробно описывает быт и нравы крепостных крестьян, провинциальное общество России 1800–1820-х гг. [14].

Наиболее ценный материал по теме был собран в 1860–1880-е гг. писательницей Е.В. Новосильцевой (псевдоним Т. Толычева) [15]. Она ориентировалась на сбор воспоминаний о 1812 г. в среде простонародья, в результате розысков в Москве и Смоленске ею были собраны уникальные воспоминания доживавших свой век свидетелей Отечественной войны из крестьян, бывших крепостных и дворовых, купцов и священнослужителей. Всего ей удалось записать воспоминания тридцати трех свидетелей войны 1812 г. [16]. В 1894 г. она создала произведение для народа «Рассказ старушки о двенадцатом годе» – повесть о событиях 1812 г. от начала нашего шествия до изгнания Наполеона из России, где рассказ ведется от первого лица. Как указала в предисловии автор, приведенные в книге сведения не были вымышлены, все они почерпнуты ею при опросе современников 1812 г. из народа, многие собранные автором воспоминания не были опубликованы, однако нашли отражение в этой книге.

Анализ изданных Е.В. Новосильцевой воспоминаний показывает, что оригинальные записи подверглись стилистической и систематической обработке, чтобы придать им более связный и литературный вид.

В 1912 г. к столетию Отечественной войны в «Смоленских епархиальных ведомостях» опубликованы интересные воспоминания и предания жителей Смоленской губернии о периоде наполеоновского нашего шествия, составленные по материалам местных архивов, а также по вопросам старожилов [17]. Стоит также отметить опубликованные в 1869 г. записи воспоминаний трех крестьян, свидетелей переправы армии Наполеона через Березину, к сожалению, чрезвычайно краткие и малоинформативные [18].

Основным источником информации о войне для большинства россиян 1812 г. (как для образованного общества, так и для простолюдинов) были слухи. Важную роль играли печатные материалы, на их основе формировались некоторые слухи, ходившие в народе; в период Отечественной войны опосредованное влияние печати на население было довольно значительным. Нельзя четко разделить влияние на россиян устных и печатных источников информации, так как оба источника были тесно связаны.

Более или менее достоверную информацию о войне 1812 г. предоставляли печатные материалы. Пользование ими предполагает умение читать, а уровень грамотности в России 1812 г. был ничтожным. Наиболее подробное и самое близкое к изучаемому периоду исследование грамотности в России состоялось в 1844 г., опросу подверглись 735 874 чел. [19].

**Уровень грамотности подданных Российской империи в 1844 г.
(выборочная статистика)**

Сословие	Число опрошенных	Всего грамотных, %	Умеют только читать, %
Купцы	6 743	42,1	6,2
Мещане	39 372	28,7	7,7
Государственные крестьяне	324 442	2,7	1,3
Церковные крестьяне	34 083	5,6	2,1
Помещичьи крестьяне	330 148	1,2	0,4
Дворовые люди (в городах)	1 086	34,4	11,3

Таким образом, из всех опрошенных грамотных и малограмотных оказалось всего 3,6%. Во Франции даже к концу Старого порядка (1788–1789 гг.) общее число грамотных составляло не менее 40% населения (52% мужчин и около 27% женщин), в период Революции и особенно при Наполеоне было открыто множество новых училищ, образование предоставлялось бесплатно либо за самую умеренную плату.

При Александре Первом много говорили о «просвещении», однако все достижения в этой среде были достигнуты исключительно на словах: общее число учащихся светских учебных заведений России увеличилось с 46 тыс. (1808 г.) до 69 тыс. чел. (1824 г.), цифры настолько ничтожные, что о них едва ли стоит упоминать [20]! Для сравнения: в двенадцатимиллионной Пруссии в 1819 г. только в начальных светских школах обучалось более полутора миллионов человек (уже тогда почти все население школьного возраста получало образование), в 1830 г. это число превысило 2,2 млн чел. [21].

В России начала XIX в. в городах проживало до 2,8 млн чел., основное население городов составляли мещане, купцы и дворовые. Как видно из таблицы, уровень их образования был примерно одинаков, в среднем около 30% из них умели читать, это составляло до 750 тыс. чел. на всю Империю. Средний уровень грамотности среди крестьян не превышал 3%, или около 1 млн чел. Итак, число грамотных в городах в 1812 г. почти равнялось количеству грамотных по всей остальной России.

Кроме того, исключительно в городах располагались книжные лавки (в 1811 г. из имевшихся 115 книжных лавок 85 располагались в Москве и Петербурге), имелась возможность выписывать повременные издания.

Помимо поголовной неграмотности, важнейшим препятствием для распространения печатной продукции, являлась ее высокая стоимость и, разумеется, бедность населения: в 1812 г., как видно из рекламных объявлений, помещаемых в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях», средняя стоимость книги составляла 5–7 руб., а цена годовой подписки на газету или журнал – 15–20 руб., суммы немислимые для большинства россиян.

Для наглядности приведем сведения о зарботке жителей территорий, подвергшихся нашествию наполеоновских войск (хотя эти данные относятся к 1840-м гг., они почти соответствуют реалиям 1812 г.): в достаточно богатой Московской губернии земледelec зарабатывал в среднем 35–47 руб. в год, в Витебской губернии – 12–20 руб., реже – 36 руб., в Смоленской – 10–15, очень редко – до 40 руб. (женщинам и подросткам платили в несколько раз меньше); большинство же городских жителей (мещане) в то время не имели регулярного заработка, доходы их были крайне низкими; в наиболее привилегированном положении были московские кучера, получавшие до 20–30 руб. в месяц (240–360 руб. в год), а также сторожа и дворники, зарабатывавшие по 100–130 руб. в месяц, однако последние составляли крайне незначительную часть населения [22].

Наименьшее влияние на население оказывали отечественные книги.

По оценкам исследователей, общее число активных читателей России на 1820 г. составляло всего 50 тыс. чел. или менее 0,1% от населения Империи [23]. Число изданий было крайне мало [24], они почти не затрагивали каких-либо актуальных тем, большую часть их составляли романы. В наиболее образованной Москве за 1803 г. было продано всего около 20 тыс. книг [25] при населении в 250 тыс. чел., то есть одна книга на десятерых. Предположительно, наибольшее влияние на простонародье эпохи Отечественной войны оказало небольшое сочинение Ф.В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева», изданное в 1807 г. и разошедшееся невиданным тиражом в 7 тыс. экз. [26]. Насколько известно, это наиболее тиражное произведение светской литературы того времени, к тому же это одна из немногих книг, обращенная к народу. Произведение представляет собой монолог подвыпившего дворянина, пытающегося говорить «народным слогом». Фактически это сплошная брань в адрес французов и их подражателей, где французы представлены людьми никчемными и ничтожными. Книга способствовала поддержанию в народе легкомысленных и шапкозакидательских настроений. В течение кампании 1812 г. было выпущено всего несколько пропагандистских книг о войне, они изначально ориентировались на высшие слои общества, в целом влияние их было ничтожным [27].

Более или менее оперативную информацию о событиях предоставляла периодическая печать. В силу цензурных стеснений (несмотря на либеральный цензурный устав 1804 г.) она также почти не касалась актуальных тем, фактически не имела права выражать свою точку зрения по любому вопросу. Ситуация в целом почти соответствовала словам Л.В. Дубельта о правах периодической печати, сказанным в разговоре с Ф.В. Булгариным в 1826 г.: «Театр, выставки, гостиные дворы, толкучки, трактиры, кондитерские – вот твоя область, а дальше ни шагу!».

В 1801–1806 гг. в России существовало всего 27 газет и журналов, к 1810 г. – 60, к 1824 г. – 60 (из них только 30 – на русском языке). Наиболее тиражными повременными изданиями в этот период были газета «Северная почта», имевшая в 1810 г. 1 768, к 1816 г. – 2 306 подписчиков [28]. Журнал «Вестник Европы» в 1802 г. имел тираж 1 200 экз., в 1820 г. эта цифра упала до 1 000 экз. [29]. Пользовавшийся популярностью патристический журнал С.Н. Глинки «Русский вестник», в 1811 г. имел всего 750 подписчиков (из них 300 журналов получали в Москве) [30]. Остальные издания выходили микроскопическими тиражами. При Александре Первом наибольший тираж в 1821 г. имела газета «Русский инвалид» – 4 000 экз. В целом, читающая аудитория российской периодической печати была очень малочисленной, однако, как уже говорилось, она оказывала опосредованное влияние на простонародье.

В российских деревнях 1812 г. газеты и журналы встречались, здесь грамотеи читали их в присутствии всего населения. Следует особо отметить, что доверие к печатному слову у тогдашних простолюдинов было огромным. В 1807–1812 гг. по политическим причинам правительство старательно скрывало свои противоречия с Францией, на страницах газет появлялись лишь краткие корреспонденции, сообщавшие, как правило, об успехах французов. Чрезвычайно ценное свидетельство о влиянии печати на простонародье содержится в секретном донесении начальника канцелярии Особого отдела Министерства полиции М.Я. фон Фока от 15 мая 1812 г.: «люди непросвещенные, внутри Империи живущие, а особливо среднее сословие и простолюдины, привыкшие считать всё то, что напечатано, за неопровергаемую истину, приходят от того в уныние и слыша токмо о победах и завоеваниях Наполеона, все народы порабошающего, теряют дух бодрости, особливо в отдаленных городах и селениях, где каждый дьячок и грамотей есть светилом и каждая напечатанная строка Евангелием» [31].

Сведения предвоенной печати об успехах Наполеона вызвали панику среди российского населения, порожденные ими слухи, многократно все преувеличившие, убедили многих простолюдинов в том, что враг непобедим.

В период войны российские газеты и журналы помещали официальные известия из армии о ходе военных действий, письма, трофейные документы (редко), корреспонденции из разных мест, переводы иностранных статей. В публицистических статьях враг всячески унижался, часто грубым образом, проводилась идея о превосходстве всего русского над иностранным. В течение 1812 г. главным печатным источником информации о войне были летучие листки, издававшиеся при армии походной типографией и рассылавшиеся должностным лицам, тексты этих листовок перепечатывались газетами и издавались в качестве приложений (часто в искаженном виде) [32]. Всего за июль–декабрь 1812 г. было выпущено около восьмидесяти таких листовок [33]. Они содержали поденные записи о передвижениях армии, военных столкновениях, потерях противника и трофеях (всегда сильно преувеличенные), с осени 1812 г. описывали бедственное положение французской армии.

Простому человеку было трудно вникнуть в текст многих листовок, изданных летом – в начале осени 1812 г., так как они содержали массу ничего не говорящих названий населенных пунктов, множество неизвестных ему имен. Листовки читались публично при большом скоплении народа. Из воспоминаний декабриста Д.И. Завалишин известно, как Вологодский губернатор читал известия о военных действиях, а народ слушал его и рыдал*. Все, что можно было понять, так это то, что русская армия отступала, а с октября 1812 г. – наступала.

В Москве большой популярностью пользовались афишки Ф.В. Ростопчина, печатные обращения Главнокомандующего в Москве к жителям, написанные народным слогом, они очень напоминали болтовню подвыпившего Силы Андреевича Богатырева. Всего исследователями выявлены 57 московских «афишек», созданных в июле–декабре 1812 г., из них авторство 23 приписывают Ф.В. Ростопчину. Автор успокаивал и подбадривал жителей, уверяя их, что враг вот-вот будет разбит, глумился над французами, иногда пересказывал содержание официальных известий о военных действиях, приводил астрономические цифры о численности русских войск. Афишки пользовались известностью не только в Москве.

Уже с 1811 г. среди российского простонародья распространялись самые разнообразные слухи о грядущей войне с Наполеоном, среди массы нелепостей циркулировали вполне достоверные сведения о том, что России окажут помощь Англия и Швеция. Однако наибольшее влияние на тогдашних россиян оказали не политические новости, а знаменитая комета

* В 1812 г. Д.И. Завалишин, будучи ребенком, и проезжая Вологду с родителями, запомнил этот город наполненным эвакуированными жителями первопрестольной Москвы. – *Прим. ред.*

1811 г., на которую стали обращать пристальнейшее внимание с августа. Вот что писал об этом Д.И. Завалишин, проживавший в то время в Твери: «Это было в августе и, следовательно, когда шли в церковь, то было еще очень светло. Но вот к концу всенощной, но ранее еще того времени, как народ расходится, сделалось на паперти у дверей церкви необычное движение. Люди как-то выходили и опять входили и, входя, как-то тяжело вздыхали и начинали усердно молиться. Пришло, наконец, время выходить из церкви, но первые вышедшие остановились, и толпа сгустилась так, что нельзя было протиснуться через нее. И вот стоявшие позади, потеряв терпение, стали громко спрашивать: «Да что там такое? Отчего нейдут?» В ответ послышалось: “Звезда”. Мало-помалу толпа, однако, рассеялась, так что и мы могли выйти чуть не позади всех и прямо против себя увидели знаменитую комету 1811 года.

На другой день еще до захождения солнца люди стали выходить на улицу и смотреть на то место, где вчера видели восхождение звезды. В сумерки наша площадь была почти вся уже запружена народом, так что не только экипажам проезжать, но и пешком проталкиваться было очень трудно. На месте вчерашнего появления звезды было, однако же, черное облако. При всем том народ не уходил, а упорствовал в ожидании. В других частях неба было ясно, и появились уже небольшие звезды. Но вот едва пробило девять часов, как облако как бы осело под горизонт, и вчерашняя звезда появилась в еще более грозном виде. Как бы по сигналу все сняли шапки и перекрестились. Послышались тяжелые, где подавленные, где громкие вздохи. Долго стояли в молчании. Но вот одна женщина впала в истерику, другие зарыдали, начался говор, затем громкие восклицания: “Верно, прогневался Господь на Россию”, “Согрешили непутем, ну вот и дождались” и тому подобное. Начались сравнения: кто говорил, что хвост кометы это пучок розог, кто уподоблял метле, чтоб вымести всю неправду из России, и так далее. С тех пор народ толпился на улицах каждый вечер, а звезда становилась все грознее и грознее. Начались толки о преставлении света, о том, что Наполеон есть предреченный Антихрист, указанный прямо в апокалипсисе под именем Аполиона» [34].

Интересные сведения о комете 1811 г. записал современник Отечественной войны москвич Петр Кичеев (по «Annuaire pour l’an 1832»): свет от этой кометы в момент наивысшего напряжения равнялся 1/10 света полной луны, 15 октября 1811 г. комета приблизилась к Земле на минимальное расстояние (47 миллионов лье), диаметр ее ядра составлял 1089 лье, а длина хвоста доходила до 41 миллиона лье (172 миллиона 200 тысяч верст). На небесном своде комета занимала до 23 градусов. Он также отметил огромное впечатление, произведенное кометой на москвичей [35].

Неискушенный россиянин в 1812 г. был убежден, что война – это кара Божия, следовательно, она не может зависеть от ухищрений дипломатов и воли отдельных лиц; следы ее приближения и ее ход он пытался разгадать по всевозможным знаменам (комета 1811 г., частые пожары и т.д.) [36]. В период войны россияне пытались найти ответы на все вопросы в наиболее почитаемом и авторитетном источнике – Библии [37]. Современники вспоминали (например, Д.И. Завалишин), как жители провинции приходили к людям, имевшим славянскую Библию, и спрашивали у них, что там написано о Бонапарте и о том, что он сделает с Россией, глубоко убежденные в том, что там все это описано.

В 1812 г. в народе получили чрезвычайное распространение всевозможные предсказания, откровения, описания знамений и т.д.

Наиболее подробные записи о реакции простонародья на нашествие оставил москвич А. Рязанцев: после известия об объявлении войны московский люд собрался на площади и стал рассуждать. Прежде всего единодушно было решено, что война – это кара Божия и следует усердно молиться, а один купец высказался, что он давно чуял что-то неладное: и каша у него в горшке неладно варилась, и домовый расшалился, и кот Васька стал недобро глядеть.

Стали усиленно распространяться небылицы о французах, вот один из них: «Французы, оставя христианскую веру, обратились в идолопоклонство, изобрели себе какого-то бога Умника и раболепно поклоняются ему, что этот чурбан Умник приказал им всем быть равными и свободными, запретил веровать в истинного Бога и не признавать никаких земных властей. Идолопоклонники, послушавшись своего истукана, возмутились, разграбили свои церкви и обратили их в увеселительные заведения, уничтожили гражданские законы и к довершению своих злодейств убили безвинного доброго, законного своего короля».

Это описание Французской революции почти дословно совпадает с описанием Ф.В. Ростопчина из упомянутой книги «Мысли вслух на Красном Крыльце...», именно поэтому оно более или менее правдоподобно, здесь мы имеем дело с опосредованным влиянием его произведения, что подтверждает его значимость для формирования общественного мнения.

Или: «Французы предались Антихристу, избрали себе в полководцы сына его Апполиона, волшебника, который по течению звезд определяет, предугадывает будущее, знает, когда начать и когда закончить войну, сверх того, имеет жену, колдунью, которая заговаривает огнестрельные орудия, противупоставляемые ее мужу отчего французы и выходят победителями» [38].

Писатель Е.В. Новосильцева записала некоторые народные предания 1812 г., где рассказывалось, что французы боялись креста... [39].

Также А. Рязанцев вспоминал, что летом 1812 г. от всего услышанного его «юное фантастическое воображение рисовало французов не людьми, а какими-то чудовищами с широкой пастью, огромными клыками, кровью налившимися глазами с медным лбом и железным телом, от которого, как от стены горох, отскакивают пули, а штыки и сабли ломаются, как лучины». В конце августа 1812 г. он ходил посмотреть на прибывшую в Москву группу военнопленных, чтобы убедиться «действительно ли неприятельские солдаты не походят на людей, но на страшных чудовищ?» [40]. Смотреть на пленных собралась чуть ли не вся Москва.

В описанных слухах хорошо прослеживается мировоззрение россиян – причудливая смесь языческих и христианских представлений. Языческий элемент, похоже, более силен. Нагляднее всего это подтверждает следующий пример. Московский дворник объяснил причину смерти французских кавалеристов, убитых казаками, так: их домовый передошил, потому что они, ложась спать, Богу не молились [41]. Мемуарист А.Т. Болотов был убежден, что большинство русских крестьян оставались язычниками. Побывавший летом 1839 г. в селе Тимоховка Могилевской губернии А.В. Никитенко записал в дневнике, что местные крестьяне ходят молиться богам и божкам [42].

Оказывала влияние на формирование общественного мнения официальная пропаганда. В 1812 г. Синод, как и до этого в 1807 г., послушно провозгласил Наполеона Антихристом. Для пропаганды в армии профессор Дерптского университета В. Гецель отправил М.Б. Барклаю де Толли статью, в которой доказывал, что Наполеон есть Антихрист, ее содержание он предлагал распространить среди солдат. Для французов это имело самые печальные последствия. Среди российского простонародья и солдат Великая армия в самом буквальном смысле воспринималась как армия дьявола. Мемуарист И.Н. Скобелев в «Солдатской переписке 1812 г.» называет Наполеона «чернокнижником Бунапартом», наполеоновских солдат – «колдунятами», описывая отступление наполеоновской армии, он пишет, что Наполеон рассчитал, когда отступать «по своим черным (колдовским. – Л.А.) книгам».

В провинцию доходили многократно искаженные и совсем нелепые слухи, житель смоленской губернии Ф.И. Левицкий вспоминал: «Страшно было в Москве, а еще страшнее было в уездных городах и селах. Чего-чего не рассказывали в народе! Наслушаешься, бывало, этих толков, так ночью не заснешь» [43]. Многие жители были уверены, что французы... едят людей! Еще в 1807 г., когда Наполеон в первый раз был объявлен Синодом Антихристом, один пленный русский офицер просил французов, чтобы его подчиненных не ели [44]! Подобные нелепые утверждения

основывались на примитивной контрреволюционной пропаганде, всячески изображавшей, что во Франции с 1793 г. наступил чуть ли не конец света [45]. Главнокомандующий в Москве Ф.В. Ростопчин в «Мыслях вслух...» утверждал, что французы в период революции жарили людей и ели [46]! Писатель Ф.Н. Глинка всерьез считал, что французы во время революции без всякой надобности «убили, сжарили и съели много своих мэров. Об этом не молчит их собственная история» [47]. Полковник М.М. Петров считал, что французы во время революции гильотинировали миллионы своих соотечественников [48]. Крестьянка Агафья Игнатьева из села Вольти Смоленской губернии вспоминала, что в 1812 г. она была уверена, что французы ее съедят (ей тогда было девять лет), поскольку так считали все крестьянские дети [49]. Между тем французы – природные французы, а не их союзники – почти никогда не обижали детей и обращались с ними очень ласково.

В ряде населенных пунктов о войне вообще ничего не знали. Это обуславливалось тем, что в 1812 г. на территории Белоруссии и центральной России (основной театр военных действий) абсолютное большинство селений располагалось вдали от дорог, миграции населения были минимальными, многие села находились в непроходимой глуши, где никогда не ступала нога постороннего.

В России начала XIX в. у основной массы населения не было решительно никакого опыта общения с иноземцами, на исконно русских территориях враг не появлялся в течение почти 200 лет, на что вполне справедливо указывал М.И. Кутузов в разговоре с французским послом Лористоном осенью 1812 г.

Русские крестьяне жили замкнуто и традиционно, все новое было им решительно чуждо. Как видно из ряда воспоминаний, для многих жителей российской глубинки встреча с наполеоновским солдатом была событием более удивительным, чем встреча с инопланетянином для современного человека. Как показано выше, воображение крестьян подогревалось самыми чудовищными слухами о неприятеле, очень часто именно страх перед неприятелем как таковым заставлял их покидать свои жилища. Наполеоновский офицер итальянец Ч. Ложье в своем дневнике описывал занятие Великой армией Смоленска: местные жители большей частью бежали, те же, что остались, попрятались в церквях и усердно молились, надеясь, что святое место защитит их от неприятеля. Итальянские солдаты, вошедшие в церковь, желая раздать им еду, сами остолбенели от страха, когда находившиеся там стали издавать дикие крики ужаса, это был поистине животный страх [50].

В августе 1812 г. дьяконица из села Новый Двор в Смоленской губернии, увидев французских кавалеристов, лишилась чувств и долго не прихо-

дила в себя... Ее представили Наполеону, а она, дрожа, непрерывно крестилась и молилась, убежденная, что французы – это вышедшие из ада черти [51]. Бывшая дворовая девка Н.Г. Купцова вспоминала, что упала в обморок, впервые увидев французского солдата в сентябре 1812 г. Он ужасно перепугался за нее, привел в чувство, снабдил ее хлебом и мясом, после чего отпустил [52]. Трудно переоценить благородный поступок солдата, если учесть, что в сентябре 1812 г. даже для генералов Великой армии хлеб был лакомством [53]. Москвич Аполинарий Дмитриевич Сысоев, из купеческой семьи, вспоминал о том, как отреагировали на французов его родственники 2 сентября 1812 г.: «Мать заплакала, бабушка чуть со стула не упала от страха, а дед побежал запирать ворота» [54]. Одна экзальтированная московская монахиня, завидев французов, бросилась в реку топиться – ее спас нырнувший за ней французский кавалерист [55].

Разумеется, не все представители простонародья воспринимали французов столь примитивно: старуха-крестьянка из села Старая Руса, что в восьмидесяти верстах от Москвы, не боялась французов, говоря: «Они меня, старуху, не тронут. Да и какая им корысть меня убивать? Ведь они тоже не звери, какие» [56].

О том, насколько по-своему воспринимал народ войну 1812 г., рассказывает житель Смоленска Кузьма Егорович Шматиков, так он описывает штурм Смоленска в августе 1812 г.: «Не могу рассказать, в каком страхе мы были, ведь мы до тех пор и не предполагали, как это будут город брать. Ну, положим, мы были дети и около нас все женщины. Да иные мужчины не умнее нас рассуждали: они думали, что армии пойдут одна на другую кулачным боем. Многие взобрались на деревья, чтобы на это посмотреть» [57]. Комментарии здесь вообще излишни. Когда армия Наполеона вступала в Москву, толпы народу около двух часов (ровно столько вступали французские войска в столицу) спорили, шведы это или англичане, пришедшие к нам на помощь.

Обработав большой массив материалов, сделаем вывод, что поведение жителей центральной России в течение 1812 г. можно разделить на четыре основных типа:

- 1) паника;
- 2) совершенное спокойствие и высокомерные шапкозакидательские настроения;
- 3) стремление сбросить с себя крепостное иго, надежда на помощь Бонапарта;
- 4) абсолютное неведение или безразличие.

Высокомерные настроения, убежденность в абсолютном превосходстве над врагом были чрезвычайно распространены в народной среде, особенно на территориях, не подвергшихся нашествию.

Подобные настроения были даже у наиболее образованных слоев населения. Например, Главнокомандующий 2-й Западной армией П.И. Багратион был глубоко убежден в том, что французов разобьют моментально, 8 июня 1812 г. он написал царю, умоляя его позволить русским наступать и самим вторгнуться в Польшу [58]. В июле он призывал Барклая наступать со словами: «Ей-Богу, шапками его закидаем!» [59]. Друг Багратиона Ф.В. Ростопчин в своих воспоминаниях признавал, что Багратион был человеком недалеким и, если бы ему доверили командование, он, без сомнения, погубил бы армию.

В августе 1812 г. отступающие русские войска призывали жителей села Семлево в Смоленской губернии уходить, так как приближается неприятель, в ответ они услышали: «Ну, пусть идет, шапками его закидаем!» [60]. Одна из московских мещанок упрямо говорила: «Ни за что не поеду! Нечего француза бояться! Мы его шапками закидаем!» [61]. Мещанин Петр Кондратьев также вспоминал, что в Москве «всё куражились да посмеивались, да обещали неприятеля шапками закидать. Да недолго покуражились» [62].

Многие другие воспоминания также фиксируют подобные шапкозакидательские настроения, их активно поддерживала печать, особенно афишки Ф.В. Ростопчина. Дед П. Кичеева свято верил им и потому остался в Москве [63], один московский священник в самый день сдачи Москвы смеялся над своей женой, утверждавшей, что в городе французы, его аргумент был следующим: «Дьячихе веришь, а генерал-губернатору не веришь!», когда в его дом пришли французы, он замолк и изорвал афишку [64].

Надо сказать, что подобные настроения моментально исчезали с приближением неприятеля, нахальная самоуверенность моментально сменялась паникой и апатией, что подробно описано в мемуарах.

В России 1812 г. было немало людей, думавших о возможности освободиться от крепостного ига, удачную возможность для этого предоставляла война. В 1812 г. крепостное крестьянство составляло около 44% населения Империи (23 млн чел.) [65], условия жизни большинства крепостных были чудовищными как в материальном, так и в моральном отношении. В последнее время в историографии активно замалчивают реалии крепостного права, всячески стараясь его приукрасить. Наиболее подробно и точно жизнь крепостных начала XIX в. описана в воспоминаниях А.В. Никитенко, его дополняют мемуары хирурга Ф. Мерсье, проведенного два года в русском плену. Абсолютное большинство российских помещиков были мелкопоместными и владели, как правило, несколькими десятками крестьян, а для того, чтобы жить «прилично званию», им требовались сотни, а то и тысячи рублей в год. Зная размеры заработка крестьян, нетрудно подсчитать, что большую часть заработанных денег крепостной

отдавал помещику, который высасывал из него все соки. Добавьте к этому грабеж управляющих имениями, которых фактически никто не контролировал, притеснения со стороны богатых крестьян... Для думающих людей, таких, каким был отец А.В. Никитенко, самым ужасным в их положении были совершенное бесправие и сопряженные с ним страшные унижения, которым этот благородный человек подвергался до самой смерти. О размахе зверств помещиков по отношению к крепостным дает представление следующая цифра: только за 1834–1845 гг. за жестокое обращение с крестьянами к суду было привлечено 2 838 помещиков, из них осуждено 630 чел. [66]. При этом абсолютное большинство преступлений помещиков оставалось безнаказанным.

По подсчетам историков, только за 1796–1825 гг. в России произошло более 1 200 крупных крестьянских выступлений, эти цифры далеко не полные. С 1961 г. считается, что в 1812 г. было 60–67 антикрепостнических восстаний, цифра эта сильно занижена и нуждается в уточнении. Здесь почти совсем не учтены сведения о восстаниях на оккупированных территориях, которые в наибольшей степени были затронуты антикрепостническим движением [67]. Как отмечают современники, в частности бригадный генерал Великой армии Дедем де Гельдер, интендант Витебской провинции А. Пасторе (чиновник французской оккупационной администрации), действовавший в тылу французов партизан А.Х. Бенкендорф, вся Белоруссия (территории Витебской, Минской и Могилевской губерний) была охвачена антикрепостническим пожаром, крестьяне здесь взбунтовались против своих помещиков повсеместно.

Иногда антикрепостнические восстания случались «не без подстрекательства со стороны неприятеля», как, например, крупное восстание в имении Барышниковых Дорогобужского уезда [68].

Воины Великой армии были шокированы нищетой и забитостью российского населения, генерал Ж.Д. Компан писал, что свиньи во Франции живут лучше и чище белорусских крепостных [69], А. Пасторе писал о том, что «грустно наблюдать эту иерархию рабства, это постепенное вырождение человека на общественной лестнице» [70], местных польских помещиков он определил как «жадных паразитов и корыстолюбивых льстецов». О крайней забитости крепостных свидетельствует случай, произошедший летом 1812 г., описанный А.Х. Бенкендорфом: после освобождения деревни, принадлежавшей княгине Голицыной, «один из крестьян, обратившись от имени всех, просил позволения утопить одну из женщин деревни». Оказалась, что она указала мародерам место, где было спрятано добро госпожи, несчастную женщину долго секли, и она была очень больна от этого, но, как сказал крестьянин, «разве это может оправдать нарушение интересов нашей гос-

пожи?»). А.Х. Бенкендорф предположил, что крестьяне очень любят свою госпожу, и с изумлением узнал, что они ее ненавидят [71]. Вот до какого состояния были доведены люди. Мемуарист А.В. Никитенко с грустью отмечал, что большинство крепостных жили тогда исключительно интересами своих господ и более ничем. От таких людей трудно ожидать патриотического чувства в современном его понимании.

Ненависть к дворянам продолжала тлеть в народной среде, со времен пугачевщины в 1812 г. прошло всего 37 лет. Сами дворяне инстинктивно чувствовали эту ненависть и боялись ее чрезвычайно. Числом восстаний нельзя оценить размах антикрепостнических настроений в 1812 г., из мемуаров видно, что надежда на волю от Бонапарта была чрезвычайно распространена. Мемуарист из московского простонародья собственными ушами слышал от подмосковных крестьян, которым баре приказывали заготовить лошадей: «Как же! Станем мы лошадей готовить про господское добро. Придет Бонапарт, нам волю даст, а господ мы более знать не хотим!», лишь убедившись, что французы грабят, а воли не дают, эти крестьяне ушли в лес [72]. Бывшая крепостная А.А. Сазонова вспоминала, что «народ очень на господ роптал» [73], москвич Г.Я. Козловский, переживший оккупацию Москвы, утверждал, что он боялся русских мужиков гораздо более французов. Д.М. Волконский в своем дневнике 10 сентября 1812 г. с ужасом отметил, что народ уже готов к волнению [74]. Маршал Л.Г. Сен-Сир был совершенно прав, когда писал, что война 1812 г. продемонстрировала внутреннюю слабость России [75], просто французы ею не воспользовались [76].

Об отношении к войне в провинции ценное свидетельство оставил А.В. Никитенко (в 1812 г. жил на Украине): «Странно, что в этот момент сильных потрясений, которые переживала Россия, не только наш тесный кружок, за исключением молодого Татарчукова, но и все окрестное общество равнодушно относилось к судьбам отечества. ...Никогда я не слышал в их разговорах ноты теплого участия к событиям времени. Все, по-видимому, интересовались только своими личными делами. Имя Наполеона вызывало скорее удивление, чем ненависть. Словом, общество наше поражало невозмутимым отношением к беде, грозившей России. Это отчасти могло происходить от отдаленности театра войны... Но главная причина тому, я полагаю, скрывалась в апатии, свойственной людям, отчужденным, как были тогда русские, от участия в общественных делах и привыкшим не рассуждать о том, что вокруг делается, а лишь беспрекословно повиноваться приказаниям начальства» [77].

В отечественной историографии часто повторяют миф о том, что в 1812 г. народ с радостью шел в армию. Основан он на воспоминаниях представителей дворянства.

Приведем ценнейшее свидетельство из дневника ростовского чиновника М.И. Маракуева, где 12 июля 1812 г. записано: император Александр приехал в Кремль, собралось огромное количество народа, вдруг распространился слух о том, что прикажут «запереть все ворота и брать каждого силой в солдаты. Едва эта молва промчалась, как чернь ринулась вон и в несколько минут Кремль опустел. Из Кремля разнеслось эхо по всей Москве и множество черного народа из нее разбежалось». Это произошло в присутствии самого императора! На следующий день за Москвой он встретил толпы мужиков, бежавших из столицы. Они спрашивали его, не берут ли в Москве в солдаты [78].

П. Назаров, призванный в армию в сентябре 1812 г., писал, что никто из его деревни служить не хотел [79]. Во время войны власти неоднократно успокаивали ополченцев, подтверждая, что они служат в армии лишь временно. Война рано или поздно заканчивается, а служить придется двадцать пять лет, если тебя не убьют, ты будешь инвалидом, скорее всего без пенсии. П. Назаров за военную службу сроком в четверть века и несколько тяжёлых ранений получал пенсию 20 рублей в год, этого едва хватало на пропитание.

Вот что говорили сами солдаты о своих проблемах (из воспоминаний Д.И. Завалишина): «Истину говорю, что даже после 14 декабря солдаты тех полков и отрядов, где не было членов общества и не были, следовательно, им объяснены цели переворота, вступали охотно с нами в разговоры... рассуждая о двойной присяге Константину и Николаю, постоянно говорили нам одно и то же: “Нам всё равно было, что тот, что другой. Вот если бы, господа, вы нам тогда сказали, что будет сбавка службы, да не будут загонять в гроб палками, да по отставке не будешь ходить с сумой, да детей не будут бесповоротно брать в солдаты, ну за это бы и мы пошли”» [80]. Только за 1815–1825 гг. в русской армии произошло пятнадцать восстаний.

Таким образом, в результате проведенного исследования наметились некоторые перспективы изучения темы восприятия Отечественной войны в народной среде.

Литература и источники

1. Дубровин Н. Наполеон в современном ему русском обществе и русской литературе // Русский вестник. 1895. № 2, 4, 6–7.
2. См.: Бильбасов В.А. Записки П.Л. Боволье о 1812 годе // Русская Старина. 1893. № 1. С. 2.
3. Отечественная война и русское общество. М., 1911–1912. Т. 1–7.
4. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сборник статей. Пг., 1923.
5. Гуковские З. и Г. Крестьяне в 1812 г. М., 1932.

6. Предтеченский А.В. Отражение войны 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 222–244; Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3.

7. См.: Бойцов М.А., Ильин В.В. Отечественная война 1812 года в эпистолярном наследии современников (первая треть XIX века) // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века: Сборник статей. М., 1998. С. 266–320.

8. См.: Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М., 1986. Крупнейшая публикация его «Записок» осуществлена в 1891–1893 гг. (общий объем более 1500 страниц), однако и это далеко не полный вариант его воспоминаний. Отрывки из дневника А.Т. Болотова за 1812 г. были опубликованы в 2000 г.

9. См.: Рязанцев А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862.

10. См.: Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников, 1812–1815. СПб., 1882; К чести России: Из частной переписки 1812 года. М., 1988.

11. См.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика первой половины XIX в. М., 1991. С. 23.

12. См.: Назаров П. Записки солдата Памфилия Назарова, 1812–1836 // Русская Старина. 1878. Т. 22. № 8. С. 529–557.

13. См.: Скобелев И.Н. Солдатская переписка 1812 г.; Рассказы безрукого инвалида // 1812 год в воспоминаниях, рассказах и переписке современников. М., 2001.

14. См.: Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе // Никитенко А.В. Записки и дневник. В 3 т. М., 2005. Т. 1.

15. Первое отдельное издание воспоминаний простонародья о войне 1812 г., собранных Е.В. Новосильцевой (Т. Толычевой), вышло в 1872 г.: Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М., 1872. Весьма примечателен тот факт, что часть этих воспоминаний была переведена на французский язык известным историком А. Рамбо: Rambaud A. N. La Grand Armee a Moscou. Recits de temoins oculaires russes. D'apres l'ouvrage par T. Tolytchef // Revue des Deux mondes. 1873. 1 Juillet (Рамбо А. Великая Армия в Москве. Рассказы русских очевидцев / Из произведения Т. Толычевой). Таким образом, по крайней мере, часть воспоминаний русского простонародья стала доступной для западных исследователей. В частности, на это издание ссылается П.Б. Остин, современный английский историк. А. Замойский использовал оригинальное русское издание «Рассказов», однако иностранных авторов не интересовала исследуемая нами проблема. См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 61.

16. См.: Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11; Толычёва Т. Рассказы о Двенадцатом годе. М., 1877; Она же. Рассказы и предания Смоленска о Двенадцатом годе // Русский вестник. 1880. № 11; Она же. Рассказ о Двенадцатом годе богадельника Набилковского заведения Памфилия Федоровича Герасимова. СПб., 1882; Она же. Рассказ старушки о Двенадцатом годе. М., 1894; Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе, собранные Т. Толычёвой. М., 1912; Евдокия С-ва. Рассказ Евдокии С-вой // Наполеон в России глазами россиян. М., 2004. С. 142–155.

17. См.: Рассказы о Двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 1–6.
18. См.: Рассказы о 1812 годе // Вестник Западной России. 1869. Т. 4. Кн. 12. С. 120–124.
19. См.: Богданов Ю.А. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР: (Историко-статистические очерки). М., 1964. С. 20.
20. См.: Кеппен П. Материалы для характеристики просвещения в России // Библиографические листы. 1825. № 29. Стб. 413–423.
21. См.: Постановка образования в Пруссии // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. 67–77
22. См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1853. Т. 4. Ч. 1: Московская губерния. С. 160–161; СПб., 1852. Т. 8. Ч. 1: Витебская губерния. С. 174–175; СПб., 1852. Т. 8. Ч. 2: Смоленская губерния. С. 107.
23. См.: Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. С. 28–29.
24. За весь XVIII век в России издали 9 513 книг. Об этом см.: Корнилов А. Курс истории России XIX века. В 3 ч. М., 1918. Ч. 1. С. 35–36. За 1801–1825 гг. вышло 12 000 книг, во Франции же только за 1789–1799 гг. издали более 42 000 книг. Об этом см.: Martin A., Walter G. Catalogue de l'histoire de la Revolution Française: Ecrits de la period revolutionnaire. P., 1955. Т. 4. P. 912. Авторство 27 407 произведений установлено: Ibid. P., 1940. Т. 3. P. 607. Известно, что только за 1764 г. на французском языке было издано 1 548 книг. Об этом см.: Шартъе Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 84.
25. См.: Карамзин Н.М. О книжной торговле и любви ко чтению в России // Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 231.
26. См.: Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырёва // Ростопчин Ф.В. Ох, французы!: Собрание сочинений. М., 1992. С. 148–153; Горностаев М.В. Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин: Страницы истории 1812 года. М., 2003.
27. См.: Предтеченский А.В. Отражение войны 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 222–244.
28. См.: Вергинский Н.С. Газета в России и СССР. М.; Л., 1931. С. 33–34.
29. См.: Сводный каталог сериальных изданий России, (1801–1825). М., 1997. Т. 1. С. 189.
30. Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 628.
31. Война 1812 года и русское общество («Осведомительные письма» тайной полиции) / Публ. С.Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования. М., 2001. С. 269.
32. См.: Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967.
33. См.: Тартаковский А.Г. Русская армейская публицистика 1812 года: (опыт источниковедческого изучения) // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 164. Наиболее полную публикацию листовок см.: Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сборник документов. М., 1962 (приведены тексты 40 листовок).

34. Завалишин Д.И. Воспоминания. М., 2003. С. 15–16.
35. См.: Кичеев П. Воспоминания о бытности неприятеля в Москве в 1812 году. М., 1856. С. 15.
36. См.: Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 56 и др.
37. До 1890-х годов религиозная литература составляла основу крестьянских библиотек. Подробнее об этом см.: Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике: Цифры, факты, размышления // Рубакин Н.А. Избранные произведения. М., 1975. Т. 1. С. 93–95.
38. Рязанцев А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году... С. 12–13.
39. Рассказы о Двенадцатом годе, собранные Т. Толычевой. М., 1912. С. 113–115.
40. Рязанцев А. Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году... С. 42.
41. Там же. С. 216.
42. См.: Никитенко А.В. Дневник // Никитенко А.В. Записки и дневник. М., 2005. Т. 1. С. 400.
43. Толычева Т. Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 300.
44. См.: Шиканов В.Н. Первая польская кампания, 1806–1807. М., 2002. С. 186.
45. После свержения якобинской диктатуры во французской печати появились сильно завышенные цифры жертв террора (более 2 млн погибших). О терроре в период Французской революции см.: Greer D. The incidence of the Terror during the French Revolution. Cambridge, 1935; Революционный Трибунал в эпоху Великой Французской революции: Сборник материалов. Пг., 1918. Ч. 1–2; Генифе П. Политика революционного террора, 1789–1794. М., 2003.
46. См.: Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырёва... С. 151.
47. См.: Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... С. 96.
48. Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трёх родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 203.
49. См.: Толычева Т. Рассказы и предания Смоленска о Двенадцатом годе // Русский вестник. 1880. № 11. С. 217–218.
50. См.: Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912. С. 105.
51. См.: Рассказы о Двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 5. С. 267–270.
52. См.: Рассказы о двенадцатом годе. М., 1877. С. 7–8.
53. См.: Корбелецкий Ф.И. Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной с 31 августа по 27 сентября 1812 г. СПб., 1813. С. 30. Мелкий чиновник Корбелецкий был взят в плен французами в районе Можайска в августе 1812 г. По ошибке он был принят за высокопоставленное лицо и включен в качестве сопровождающего в свиту Наполеона. Присутствовал на банкете для высших чинов Великой армии, где отметил крайнюю нужду в провизии.

54. Толычева Т. Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 270.
55. См.: Рассказы о двенадцатом годе, собранные Т. Толычевой. М., 1912. С. 102.
56. Толычева Т. Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 302.
57. Толычева Т. Рассказы и предания Смоленска о Двенадцатом годе // Русский вестник. 1880. № 11. С. 223.
58. См.: Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников, 1812–1815. СПб., 1882. С. 9.
59. Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002. С. 26.
60. См.: Рассказы о Двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 4. С. 202.
61. Рассказы о двенадцатом годе, собранные Т. Толычевой. М., 1912. С. 59.
62. Толычева Т. Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 275.
63. Кичеев П. Воспоминания о бытности неприятеля в Москве в 1812 году... С. 4–5.
64. Рассказы о двенадцатом годе, собранные Т. Толычевой. М., 1912. С. 48–49.
65. См.: Кабузан В.М. Крепостное население России XVIII – 50-х гг. XIX в. СПб., 2002.
66. См.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX вв.: Традиции и новации. М., 2003. С. 228.
67. См.: Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сборник документов. М., 1961. С. 18–20; 280–310; 856–861.
68. См.: Савин Н.И. Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Дорогобуж, 1926.
69. См.: Попов А.И. Белорусский эксперимент Бонапартия // Родина. 2002. № 8. С. 58.
70. Пасторе А. Записки маркиза Пасторе о 1812 г. // Русский Архив. 1900. Кн. 3. № 12. Стб. 498.
71. См.: Бенкендорф А.Х. Записки Бенкендорфа: 1812 год: Отечественная война; 1813 год: Освобождение Нидерландов. М., 2001. С. 50–51.
72. Рассказы о двенадцатом годе, собранные Т. Толычевой. М., 1912. С. 33.
73. См.: Толычева Т. Рассказы очевидцев о Двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 290–291.
74. Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 год: Военные дневники. М., 1990. С. 146.
75. См.: Попов А.И. Великая армия в России: Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 190.
76. См.: Попов А.И. Наполеон и крепостное право в России в 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Бородино, 2001. С. 174–186.

77. Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе // Никитенко А.В. Записки и дневник. М., 2005. Т. 1. С. 60.

78. Маракуев М.И. Записки // Наполеон в России по воспоминаниям россиян. М., 2004. С. 21–22.

79. См.: Назаров П. Записки солдата Памфилия Назарова, 1812–1836 // Русская Старина. 1878. Т. 22. № 8. С. 530–531.

80. Завалишин Д.И. Воспоминания... С. 137–138.

М.В. Губина*

ОБРАЗЫ ПРОТИВНИКОВ В ВОСПРИЯТИИ ПОКОРИТЕЛЕЙ ЕВРОПЫ. (1805–1812)

Погода была ясная и мягкая, слышно было, как пели соловьи, и пейзажные виды вызывали желание попасть скорее на деревенский праздник, чем участвовать в смертельных сражениях.

Ф. Пильс. Походный дневник гренадера [1].

Десять месяцев назад я купался в водах Немана; [а] сегодня я ринулся в воды Тахо.

М. Ташер. Заметки о кампаниях, (1806–1813) [2].

Изучение роли наполеоновской эпохи в развитии взаимных представлений европейских наций и, в частности, в эволюции французских представлений о Другом, все более привлекает внимание историков. В ходе наполеоновских войн сотни тысяч французов побывали в других странах и столкнулись с армиями противников на полях сражений, а также соприкоснулись с мирным населением завоеванных территорий. «Вырванный военным призывом из узкого мирка родной деревни, крестьянский сын смотрел на проходившие перед его взором монотонные равнины Германии, обожженные горы Испании, ледяные степи России; он знакомился с Веной, Берлином и Москвой, Венецией и Мадридом. Ни один путешественник XVIII в. не прошел по стольким европейским дорогам, сколько их одолел капитан Куане» [3].

Эта статья посвящена сравнительному анализу многогранного образа противника, сформировавшегося в сознании наполеоновских солдат и офицеров, чья способность к восприятию особенностей более или менее незнакомых территорий уже доказана [4]. Выбор хронологических рамок исследования объясняется двумя причинами. С одной стороны, речь идет о внутрисполитической цельности отрезка 1805–1812 гг., который приходится на период существования одного режима – Империи. С другой – это период наивысшего военно-политического могущества наполеоновской Франции, даже если война в Испании и являлась ее слабым местом. Действительно, именно поражение в Русской кампании повлечет за собой

* Губина Майя Владимировна (Париж, Франция) – доктор истории, сотрудник Межуниверситетской библиотеки Сорбонна (Париж), преподаватель университета Париж XII (Paris-Est Creteil).

потерю Наполеоном всех его завоеваний и крах Империи. За указанный же период Наполеон провел войну против Третьей коалиции (1805 г.), Прусскую кампанию (1806 г.), Первую Польскую (1806–1807 гг.) и Испанскую войны (1807–1814 гг.), Австрийскую (1809 г.), Португальскую (1807–1808 гг.) и Русскую кампании (1812 г.).

Исследование основано на анализе документов личного происхождения. Однако в целях получения наиболее достоверного результата корпус источников ограничивался по трем критериям. Во-первых, анализировались тексты только строго современные описываемым событиям (переписку и военные дневники [5]), исключив все мемуары, созданные позже, даже если они и были написаны на основе ежедневных записей всего год или два спустя после описываемых событий.

Представляется очевидным, что восприятие французами одних и тех же событий до и после краха наполеоновского режима могло сильно различаться. Во-вторых, изучались записки только французов, в расчет тексты, созданные другими участниками наполеоновских походов, не брались. В-третьих, намеренно не анализировались в рамках данного исследования записки военнопленных, чей статус и более продолжительное пребывание на территории противника могут, на наш взгляд, помешать поиску и анализу непосредственных впечатлений французов от встречи с Другим.

Наконец, напомним также об обстоятельствах, которые обуславливали настрой французских военных и их восприятие Другого. Во-первых, этим обстоятельством была, конечно же, их позиция в армейской иерархии. Во-вторых, необходимо учесть специфику их воинских обязанностей. Очевидно, что отношение к действительности (и соответственно ее восприятие) будут разными у обычного солдата, у военного врача или у адъютанта Генерального штаба и т.д. В-третьих, обстоятельства чисто военного толка (периоды осады или наступления), а также положение полков, к которым относились авторы анализируемых записок (активное участие в том или ином сражении или ожидание на задних линиях резерва и т.д.), играли важную роль в формировании настроений авторов записок. Наконец, обстоятельства личного характера (прежде всего, состояние здоровья, вести от родных и т.п.) также бесспорно влияли на складывание у французских военных того или иного восприятия событий и наблюдаемых реалий.

«Механика» знакомства с Другим

Знакомство с Другим, особенно в специфических условиях военных действий, требует от современников не только наличия определенных способностей, но и вполне конкретных личных качеств. Любопытно, что, ослепленное своим желанием поддерживать «динамику» завоеваний, им-

ператорское правительство косвенно способствовало все более широкому знакомству своих подданных с культурой других народов.

Одним из ярких подтверждений этому является публикация словарей языков тех стран, на территории которых велись эти войны. В фондах Национальной библиотеки Франции хранится множество таких изданий, а проанализированные источники содержат конкретные примеры использования французскими военными словарей и разговорников: «У меня в кармане всегда был разговорник испанского языка, благодаря которому мне удавалось объясняться» [6].

Многие военные признают и осознают важность владения иностранными языками. И если герцог Сен-Симон подчеркивает особый смысл, который приобретают лингвистические дарования в военных условиях, когда владение языком местных жителей позволяет, как ему пришлось испытать это на собственном примере [7], избежать худшего варианта развития событий, то некоторые из его братьев по оружию ведут себя почти как просто любопытные путешественники. Так, вступление на территорию каждой новой страны отмечено в дневнике Шодерло де Лакло списком самой употребляемой лексики с переводом на местный язык, а на страницах, посвященных пребыванию автора на польских территориях, находим даже целые выражения и короткие фразы на французском и польском [8]. Морис де Ташер пользуется мирными загишьями во время Прусской кампании 1806 г., чтобы... выучить немецкий язык. «Я тут живу спокойно [...] благодаря рыбалке и изучению немецкого языка время проходит незаметно» [9]. Спустя два года, во время испанской кампании, тот же Ташер будет сожалеть о своей неспособности задать вопросы по-испански во время своего пребывания в Бургосе [10]. Наконец, Ж. Брзо де Марло попытается своеобразным образом воспользоваться двойной удачей, выпавшей на его долю во время войны 1812 года: ему посчастливилось попасть на постой в дом, чьи хозяева не только не сбежали, но и к тому же владели французским языком: «Я квартировал в доме, чьи обитатели были французского происхождения [...] Я умолял этих дам [...] рассказать мне немного о русских обычаях» [11]. Наконец, очень многие военные объясняют в своих записках значение географических названий «посещаемых местностей».

Документы личного происхождения содержат следы комплекса превосходства, который был свойственен солдатам и офицерам наполеоновских армий. Так, по мнению уже упоминавшегося Шодерло де Лакло, венские кафе отстают по своему шику и элегантности «от парижских по меньшей мере на век» [12]. Однако это обстоятельство вовсе не означает отсутствия у французских военных не только желания и способности к наблюдениям, о чем в первую очередь свидетельствует насыщенность

их текстов информацией, но и способности к объективным суждениям. Тот же Шодерло де Лакло констатирует, что деревенские жители окрестностей Тильзита одинаково пострадали от постоа как русской, так и французской армий [13].

Наконец, некоторые авторы выражают свое сожаление по поводу того, что обязанности службы не позволяли им задержаться в том или ином месте, чтобы получше осмотреть местные достопримечательности. Некоторые даже специально упоминают это обстоятельство, чтобы объяснить особую краткость своих записей. «Проехать через маленький красивый городок Ипс [...] и не осмотреть его было для меня немного жестоко, но пришлось подчиниться обстоятельствам» [14]. Таким образом, многие из служивших в наполеоновских армиях не только осознают свою роль посредников в диалоге между культурами, которую они могут играть по отношению к соотечественникам – адресатам их писем или читателей военных дневников, но и отдают себе отчет в своей «обязанности» рассказывать об увиденном, которую эта роль на них возлагает. «Мне нет необходимости описывать эту столицу [Вену], которая и так достаточно известна» [15].

Страны и территории

а) География: погода и климат, пейзажи и дороги

Упоминания о климате, погоде и дорогах исключительно часто встречаются в записках французских военных – идет ли в них речь о наступлениях или о периодах затишья, о стоянии на бивуаках или пребывании на постое в городах. Даже если изначальный интерес военных к этим реалиям носит практический (стратегический и тактический) характер, регулярность и частота заметок на эти сюжеты позволяют считать их дополнительным доказательством как культурологического аспекта наполеоновских войн, так и способности наполеоновских военных к знакомству с Другим [16]. Участники Русской кампании, например, рассказывают об особенностях северного климата и, в частности, о неизвестных во Франции «белых» ночах: «Ночи почти нет, наступают просто сумерки в течение около двух часов» [17]. Кроме того, документы личного происхождения французских участников войны 1812 г. показывают, что играла важную роль в развертывании военных событий и оказала существенное влияние на состояние духа солдат Великой армии погода с самого начала кампании, а ноябрьские морозы стали всего лишь апогеем, но не единственным проявлением значимости этого фактора.

Описания пейзажей Центральной Европы, Испании и Португалии выполнены в характерном для эпохи романтизмом стиле: образы «горных

ущелий», «широких равнин» и «удачно расположенных» деревень наполняют записки военных. Последние совершают даже вылазки за пределы бивуака, желая познакомиться с еще не осмотренными ими природными видами. Так, Шодерло и Дюрьо совершают, каждый со своими товарищами, прогулку на балтийское побережье [18]. Заметки о флоре, фауне и особенностях сельского хозяйства (качество земель и выращиваемые культуры) территорий, по которым проходили французские военные, дополняют пейзажные зарисовки. «Окрестности города со множеством виноградников и небольших садов – прелестны» [19].

Монотонность русских пейзажей, усугублявшаяся постоянными пожарами, устраиваемыми самими русскими, удручала участников Русского похода Великой армии. Тем более примечательно, что французы способны были восхищаться видами русских дорог. Посвященный этой теме текст Ж. Брэо особенно красноречив. Примечательно, что подробное описание им вполне мирного пейзажа следует сразу после жутких картин Бородинского сражения. «Дорога, которая ведет к Москве, является настоящим шедевром искусства. На ней могут уместиться до десяти повозок одновременно. С каждой стороны ее обрамляют по два ряда очень высоких деревьев, между которыми есть тропинки для пешеходов. Эти деревья очень похожи на плакучие ивы; летом их приветливая тень защищает от сильной жары, а зимой, когда снег заполняет часто встречающиеся овраги и когда небо не отличишь от поверхности земли, они указывают дорогу» [20]. В ходе кампании 1812 г. французским военным пришлось на собственном опыте убедиться в справедливости общеизвестного стереотипа о безграничности русских просторов.

б) Города

Успешность военной кампании или трудности, встречавшиеся на пути завоевателей, по-разному отражены в источниках. Указания на присутствие или на отсутствие местных жителей являются одним из косвенных свидетельств о меньшей или большей тяжести кампании.

Действительно, привычка приводить подобную информацию складывается у участников именно португальского и русского походов, а также Испанской войны, но не у тех их коллег по оружию, кому в Пруссии или в Австрии не приходилось наткнуться на обезлюдившие селения. Однако авторы всех проанализированных текстов с одинаковым «старанием» отмечают все этапы следования по чужим территориям, не забывая давать им каждый раз хотя бы самую краткую характеристику («красивый городок», «неприятная деревня»), не говоря уже о подробных описаниях крупных и известных населенных пунктов.

Заметим, что та дотошность, с которой солдаты наполеоновских армий составляли эти описания, проявляется даже в записках о Москве, большая часть которой утонула в пламени сразу после вступления французов в город. Картина пугающего великолепия гигантского пожара, охватившего старинную русскую столицу, стала для французов прежде всего неоспоримым доказательством глубочайшей разницы между их собственным менталитетом и менталитетом русских. «Это самый величественный и самый ужасный спектакль, который я видел и который мне придется когда-либо еще увидеть за свою жизнь [...] Русские – настоящие варвары» [21]. Примечательно, однако, что французы пытаются при этом описать Москву как таковую или, скорее, восстановить ее образ по тому, что от нее осталось. «Москва была крупным и красивым городом. Ее архитектура не была столь единообразной, какой она является в Париже, но зато этот город был крупнее Парижа, и там было, по меньшей мере, на пятьсот дворцов больше, чем в Париже, а также крупнейшие склады» [22].

Если у свидетелей пожаров и разграбления Москвы и Смоленска, у очевидцев тех жестокостей, которыми взаимно обменивались испанские партизаны и французские войска, хватало желаний, присутствия духа и способностей создавать красочные и довольно точные описания достопримечательностей русских и испанских городов, то это тем более удавалось тем их товарищам по оружию, которые «посетили» Вену и Берлин, рассказу о которых посвятили многие страницы своих записок. Французские военные давали оценки городской инфраструктуре и архитектурным стилям. Так отмечалось, что город Данциг «выстроен по вполне немецкой методе» [23]. Театры и музеи, места публичных гуляний и крепостные сооружения были не только более или менее подробно описаны, но и проанализированы по многим критериям: современность и комфорт, эстетические достоинства и география местоположения, материальный уровень и исторические сведения. Так, рассказывая о крепостных сооружениях баварского городка Вюрцбург, Ф. Дюрью признается: «Если бы я посмел, я бы сказал, что этот город нельзя завоевать (несмотря на то, что такое выражение исключено из французского словаря)» [24]. Подчеркнем объективность мнения военного наполеоновской армии... Наконец, французы посещают и описывают исторические памятники своих противников, например, усыпальницу австрийской императрицы Марии-Терезы в Вене [25] или «Фридриха Великого на его бронзовом коне» в Берлине [26]. Таким образом, культурологический аспект зарубежных походов наполеоновских войск лучше всего прослеживается на материале записок, посвященных городам.

в) Нравы, обычаи и национальный характер местных жителей

Очевидно, что французы могли «знакомиться» с нравами и обычаями местных жителей, главным образом, во время своих постоев в городах и селениях. Французы описывают ужины и вечера (с играми и танцами), устраивавшиеся хозяевами их квартир. Страницы дневника Ж. Дюма, посвященные пребыванию автора в Вене зимой 1805/6 г. после Аустерлицкого сражения, содержат особенно много сведений на эту тему. «Вена, 6 января (Богоявление). – Праздничный ужин у наших хозяев. Мы выбрали пирожного короля [27]. Шесть барышень Фунткиршен, а также другие дамы были в числе приглашенных; вечер прошел прелестно» [28]. Случаи амурных историй (многие из которых не заканчивались с окончанием поста) особенно ярко иллюстрируют процесс частичной «социальной интеграции» завоевателей в общества покоренных стран. Подобные условия «цивилизованных» кампаний позволяют французам подмечать и анализировать черты национальных характеров жителей Австрии и немецких земель. Одни настаивают на «холодном, даже сумрачном характере» [29] немцев, другие признают некоторую приятность немецких манер [30], но предупреждают об их неискренности. Французские военные проводят сравнения между местными обычаями разных стран. «В Вене очевидно приятнее, чем в Берлине. В столице северной Германии слишком много курят трубки и пьют слишком много пива» [31]. Дюрью так описывает традиционное времяпрепровождение жителей Берлина и его окрестностей: «Пока женщины пьют чай и вяжут, мужчины курят трубки, пьют кофе и пиво и всюду разглагольствуют о политике» [32]. Наконец, М. де Ташер особенно интересуется темой национальных костюмов и в его дневнике содержится большое количество более или менее подробных описаний на эту тему, включающих также отдельные заметки антропологического характера. Так, описывая свое пребывание в Пруссии, он задерживается на сравнительном описании традиционных костюмов женщин католического и протестантского вероисповедания [33].

Условия испанской кампании и тем более отношения с местным испанским населением складывались, конечно, не в пример сложнее.

Однако и в Испании французы делали некоторые наблюдения этнографо-антропологического характера. «У кастильцев великолепный вид» [34]. А де Сен-Симону удалось воспользоваться затишьем в Мадриде, чтобы четырежды (!) посетить там Итальянский театр [35].

Необычная для французов ситуация сложилась в 1812 г. в России. Русские войска отступали, уничтожая запасы и ресурсы страны, а гражданское население покидало селения, уходя вслед за армией. Подобная «изоляционистская» политика русских свела практически к нулю возмож-

ности контакта с местным населением. Военные Великой армии регулярно упоминают об отсутствии у Русской кампании «салонного» характера. «После польских почтовых хозяек мы не встретили ни одной женщины, но зато мы теперь большие специалисты по пожарам» [36]. Таким образом, в 1812 г. французам пришлось познакомиться с такими глубинными чертами русского национального характера, как упорство (если не упрямство) и жертвенность, и осознать глубокое различие между их собственным менталитетом и системой ценностей русских. Французам приходится признать, что русским удалось превратить эту войну в столкновение «не просто империй, но разных культур, разных базовых ценностей» [37]. Заметим также, что упорное сопротивление русских и становившееся все более непредсказуемым развитие войны поставили под вопрос комплекс превосходства, афишировавшийся военными Великой армии в начале кампании.

з) Материальная культура

Во время «нецивилизованных» кампаний (Русская кампания 1812 г., Испанская и Португальская кампании, а также Первая Польская война 1807 г.), когда местные жители покидали селения перед приходом французов, заметки касались в большей мере материальной культуры противника. Удивительно, что Жиро использует образ материальной культуры Другого для того, чтобы лучше объяснить хорошо известную ему реальность. Так, описывая свой отпуск в Париже, он рассказывает, что ночами он спал так же хорошо, «как на кроватях богатых польских аристократов» [38]. Внимательное прочтение его записок позволяет утверждать, что речь здесь вовсе не идет о какой-либо иронии.

Участники же Русской кампании регулярно упоминали особняки русского дворянства, поразившие их своими богатствами. Мебель, произведения искусства, библиотеки и винные запасы московских аристократов особенно привлекали внимание военных Великой армии. Более или менее подробные описания домов русской и польской аристократии явно выходят за пределы примитивного интереса участников военного похода к условиям постоя. И если этот интерес более явно выражен в описаниях жилищ простого люда, все же и они несут отпечаток познавательного интереса французских военных к чужестранной действительности. Так, несмотря на тяжелые условия Русской кампании, некоторые военные Великой армии были способны увидеть и отметить незнакомую дотоле им красоту русских изб: «Красота деревень, их ровные линии, кружево деревянного декора» [39]. А на другом конце Европы их сослуживцы описывали функциональные особенности жилищ бедных жителей португальских гор. «Мы там нашли много высушенных каштанов, лежавших на решетках, подерживаемых потолочными балками. [...] Каминами в этой стране вовсе

не пользуются [40]. Мы зажгли огонь в [самой] середине помещения и дым от него проходил через полуу черепицу потолочных балок и способствовал сушке каштанов» [41].

Кроме того, записки участников Русской кампании не только явно вписываются в традицию французского восприятия русской религиозной архитектуры, но и являются важным, не замеченным историками культуры этапом в его развитии [42]. Действительно, западноевропейские путешественники XVI–XVII вв., «за редким исключением, не сумели разглядеть красоту этого [религиозного православного] искусства. Все дело, без сомнения, в привязанности к эстетическим канонам; только в XIX веке проявится интерес [к этому искусству]» [43]. Именно наблюдения военных Великой армии открывают эпоху этого интереса: французские военные описывают элементы внешнего и внутреннего убранства церквей, их колокольни и кресты, иконы и распятия. Регулярность заметок о наличии церквей в городах и селениях позволила нам также задаться вопросом о возможности других, помимо эстетического интереса, причин такого восприятия их французами. Действительно, если учесть тяжелые условия кампании и отсутствие церквей в деревнях, то кажется возможным предположить, что при виде колоколен у французов появлялась надежда на постой и отдых в крупном селении или городе [44]. Другими словами, наличие или отсутствие силуэтов колоколен на горизонте имело, возможно, жизненно важное значение для военных Великой армии. Подтверждение справедливости высказанной гипотезы находится в записках участников другой тяжелой наполеоновской кампании. «Отсюда прекрасно видно Сарагосу и, судя по количеству колоколен и высоких зданий, можно заключить, что это большой и красивый город» [45].

д) Войска противника и гражданское население

Французы мало описывали армии стран, против которых они вели войны. Шодерло де Лакло воспользовался, однако, своим пребыванием в Тильзите летом 1807 г., чтобы посмотреть на русских и записать свои впечатления о них. Сначала он достаточно подробно описал гвардейцев Императора Александра, их форму и поведение в присутствии высших чинов. Затем Шодерло не постеснялся «задержаться» перед окнами здания, где находился сам император, чтобы... его рассмотреть: «Это высокий и красивый мужчина, с интеллигентным лицом, блондин, крупный. Пока я его рассматривал, он читал какую-то бумагу, которую потом медленно разорвал. Его лицо выражало равнодушие. Затем он взял лорнет, чтобы в свою очередь рассмотреть меня» [46]. Несколькоими строчками ниже француз сообщает о впечатлении, которое произвел на него Великий Князь Константин [47]. Затем Шодерло отправляется понаблюдать за русским ла-

герем – сначала с противоположного берега Немана, а потом, вечером того же дня, переправившись через реку, пытается рассмотреть русские части поближе. Он описывает «дикий и варварский вид всем известных калмыков», отмечая, однако, что поскольку «пока не было сражения, в котором эти войска сразились бы с французами», «он не знает, столь же они смелы, как казаки» [48]. Встретив одного офицера регулярных частей, он с удво-вольствием общается с ним по-французски.

В заключение этого параграфа заметим, что, несмотря на трудности войны 1812 г., французы, в большинстве своем, отдавали должное военным качествам противника, отмечая, что, прежде чем отступить, русские сражаются решительно и упорно. Прусские и австрийские войска были намного более знакомыми противниками для французов, которые не брали на себя труд делать заметки по их поводу. Однако, с уважением отзываясь о местах собственной боевой славы, французы упоминали и таковых у своих противников: «Там можно видеть пирамиду, которая была возведена в память одного полковника австрийских гусар, убитого на этом месте в войну VIII и IX годов [1799–1800 гг.]» [49].

Важно, наконец, отметить, что образ гражданского населения, тяжело страдавшего от нескончаемых войн, также присутствует в записках наполеоновских воинов. Действительно, несмотря на весь их энтузиазм в стремлении к славе, обещанной им гениальным полководцем, французы видели горести мирного населения и признавали, что оно желает только мира. Размышления и заметки на эту тему присутствуют в большинстве изученных нами текстов, кроме записок о 1812 г., где их существенно меньше. Это является лишним доказательством того, что отсутствие мирного населения и совершенно непредсказуемое развитие событий поколебали ценностные ориентиры наполеоновских солдат и офицеров в России 1812 г.

Заключение

Это исследование дополнительно иллюстрирует тот факт, что наполеоновские походы превращали их участников в своего рода путешественников. Создание текстов, описывающих пребывание на той или иной территории, а также способность «осознать свое перемещение в пространстве, проявить наблюдательность во время трудных переходов и событий, быть способным к встрече с Другим являются теми определяющими факторами, которые позволяют квалифицировать то или иное передвижение как путешествие» [50]. Записки наполеоновских солдат и офицеров ярко свидетельствуют о том, что нестандартность их «путешествий» не помешала им проявлять наблюдательность настоящих путешественников: описания

природных красот и специфики местных культур соседствуют и перемежаются в их записках с рассказами о пламени пожаров и ужасах сражений.

В исследовании был осуществлен сравнительный анализ французского восприятия врага в нескольких наполеоновских войнах и кампаниях, в том числе и в войну 1812 г. Такой подход к комплексному изучению французских источников противостоит тенденции раздельного изучения «победных» войн Наполеона и его Русской кампании. Действительно, последняя изучается в лучшем случае в сравнении с войной в Испании. Эта тенденция порождена традицией исследования наполеоновских войн с точки зрения развития их событий и особенно с точки зрения их результатов. Для расширения знаний о менталитете европейцев и, в частности французов той эпохи, представляется, однако, необходимым осуществлять сравнительное и одновременное изучение нескольких наполеоновских кампаний в их хронологической последовательности и историческом единстве. Другими словами, необходимо попытаться взглянуть на них глазами их современников, которые не могли знать ни результатов, ни последствий этих кампаний. Данная статья является первой попыткой движения в этом направлении.

Литература и источники

1. Pils F. Journal de marche du grenadier Pils (1804–1814). P., 1895. P. 42.
2. Tascher M. de. Notes de campagnes (1806–1813). Châteauroux, 1932. P. 88.
3. Tulard J. Preface // Tulard J. Nouvelle bibliographie critique des memoires sur l'epoque napoleonienne crits ou traduits en français. Genève, 1991. P. 7. Капитан Куане (Jean-Roch Coignet, 1776–1865 ?), чье имя стало почти нарицательным, является одним из самых известных участников и мемуаристов наполеоновских походов (Les cahiers du capitaine Coignet).
4. См. труды наших российских (В.Н. Земцов, Н.В. Промыслов) и французских (М.-П. Рей, Н. Петито) коллег. Этой тематике посвящены также многие наши статьи и наша диссертация на соискание научной степени доктора исторических наук Сорбонны, защищенная в 2007 г.
5. С этой точки зрения, данное исследование существенно отличается от статьи Н. Петито. Ограничение источниковедческой базы строго современными описываемым событиям текстами позволяет внести некоторые уточнения в картину, воспроизведенную французской исследовательницей. Кроме того, мы активнее и шире используем документы, отражающие войну 1812 г. См.: Petiteau N. Les voyages des hommes de la Grande Armee: de la vie militaire aux pratiques de la mobilite geographique // Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal. Contraintes nationales et tentations cosmopolites, 1790–1840 / Sous la dir. de Bourguinat. N., Venayre – S. P., 2007.
6. Pereuse. Campagne de Portugal, (1810–1811) // Revue retrospective. 1889. Vol. 10. P. 2.
7. Saint-Simon H.-J.-V. de. Carnet de campagne du duc de Saint-Simon // Carnet Historique et Litteraire. 1899. Vol. 4. P. 244, 246; Campagne d'Espagne de 1808–1809 // Ibid. 1899. Vol. 4. P. 439–441.

8. См.: Choderlos de Laclos E. F. Le fils de Laclos. Carnets de marche du commandant Choderlos de Laclos, an XIV–1814. Lausanne, P., 1912. P. 71–73. Автор этого дневника был сыном писателя, написавшего роман «Опасные связи». Замечим, что Шодерло старается орфографически точно воспроизвести польскую лексику.

9. Tascher M. de. Op. cit. P. 23–24. Об изучении им немецкого языка см. также: Ibid. P. 38.

10. См.: Ibid. P. 75.

11. Breaut des Marlots J. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie // Breaut J. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie; Denniee P.-P. Itineraire de l'empereur Napoleon pendant la campagne de 1812. P., 1997. P. 8.

12. См.: Choderlos de Laclos E.F. Op. cit. P. 38.

13. См.: Ibid. P. 121.

14. Duriau F. Carnet de route // Memoires de la Societe dunkerquoise pour l'encouragement des sciences, des lettres et des arts. Dunkerque, 1907. Vol. 46. P. 42.

15. Choderlos de Laclos E. F. Op. cit. P. 37.

16. Выскажем свое несогласие с М.-С. Торалем, который определил этот жанр просто как «хронику бивуачной жизни», противопоставляя его путевым запискам собственно путешественников, содержащим якобы более полную информацию (какая погода стояла в стране, через которую проезжали, какой тип климата там преобладает). Однако на самом деле многие ли путешественники той эпохи упоминали не только о погоде, в которую им посчастливилось или не посчастливилось ехать, но и приводили более полные сведения о пересекаемых ими странах? См.: Thorat M.-C. Sur les routes avec les hommes de Wellington: le «voyage» des militaires anglais en France en 1813–1814 // Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal. P. 289.

17. Ledru des Essarts F. R. Un grand patriote sarthois meconnu: la vie de ce soldat courageux qui n'aimait que la paix. Le Mans, 1988. P. 82.

18. Choderlos de Laclos E.F. Op. cit. P. 137; Duriau F. Op. cit. P. 49.

19. Duriau F. Op. cit. P. 59.

20. Breaut des Marlots J. Op. cit. P. 6.

21. [Lettre de] Baurvott [...] à sa femme, à Rostock, Moscou, le 29 septembre 1812 // Lettres interceptees par les Russes durant la campagne de 1812 / Ed. par Goriaïnow S. E. M. [et al.]. P., 1913. P. 58.

22. Breaut des Marlots J. Op. cit. P. 8.

23. Choderlos de Laclos E.F. Op. cit. P. 135–136.

24. Duriau F. Op. cit. P. 45.

25. См.: Choderlos de Laclos E. F. Op. cit. P. 46–47. Шодерло де Лакло сравнивает этот памятник с пышным надгробием над могилой Морица Саксонского, которое он осмотрел в Страсбурге.

26. Lejeune C.-H. Route faite par moi, Lejeune, à compter du 15 novembre 1805 / Souvenirs du Cavalier C.-H. Lejeune du IIe regiment de chasseurs à cheval (1805–1810) // Carnet de la Sabretache. 1910. P. 518.

27. Выборы пирожного короля или короля пирога – один из атрибутов празднования Богоявления, которое в католической традиции связывается с поклонением младенцу Иисусу трех волхвов (трех царей). Ранее праздновалось 6 января

(теперь – во второе воскресенье после Рождества). Для праздника готовится специальный пирог, в который запекается какой-то очень маленький предмет. Тот из гостей, кто находит его в своем куске, назначается «королем» вечера.

28. Dumas J. Journal historique de la division des grenadiers d'Oudinot // *Carnet de Sabretache*. 1910. P. 557.

29. Vial J.-L.-A. Journal d'un mois de campagne à la Grande Armée // *Carnet de Sabretache*. 1901. P. 454.

30. Giraud J.-B. Le carnet de campagne du commandant Giraud. P., 1898. P. 160–161.

31. Lettre du capitaine Marion, beau-frère de J.-B. Giraud, Berlin, le 25 octobre 1806 // Giraud J.-B. Op. cit. P. 125.

32. Duriau F. Op. cit. P. 52.

33. См.: Tascher M. de. Op. cit. P. 14–15.

34. Giraud J.-B. Op. cit. P. 256.

35. См.: Saint-Simon H.-J.-V. de. Op. cit. P. 249–250.

36. [Lettre de] H. Beyle à la comtesse Daru, Moscou, le 16 octobre [1812] // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P. 160.

37. См.: Земцов В. Н. Наполеон в Москве // *Французский ежегодник*, 2006. М., 2006. С. 199–218.

38. Giraud J.-B. Op. cit. P. 167.

39. Tascher M. de. Op. cit. P. 311.

40. Заметим, что записки участников Русского похода содержат совершенно идентичные замечания об отсутствии каминов в России.

41. Pereuse. Op. cit. P. 19.

42. См. углубленный анализ этого вопроса в нашей диссертации.

43. Mervaud M. La Russie vue par les voyageurs français du XVIe et du XVIIe siècles // Mervaud M. Uneinfinie brutalité: l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. P., 1991. P. 65.

44. Выражаем благодарность преподавателю кафедры отечественной истории XIX – начала XX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.П. Швыреву, нашему учителю и научному руководителю, который подсказал возможность подобной трактовки изложенных фактов и наблюдений.

45. Saint-Simon H.-J.-V. de. Op. cit. P. 246.

46. Choderlos de Laclos E. F. Op. cit. P. 121.

47. См. также описание Константина: Tascher M. de. Op. cit. P. 52.

48. Choderlos de Laclos E. F. Op. cit. P. 122–123.

49. Vial J.-L.-A. Op. cit. P. 452.

50. Bourguinat N. Presentation. Un temps de rupture dans l'histoire des pratiques du voyage // *Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal*. P. 10.

А.В. Чудинов*

С КЕМ ВОЕВАЛ РУССКИЙ МУЖИК В 1812 ГОДУ? ОБРАЗ ВРАГА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

*Вот затрещали барабаны
И отступили бусурманы.*

М.Ю. Лермонтов «Бородино»

*...Дубина народной войны поднялась со всею своею
грозною и величественной силой и, не спрашивая ничь-
их вкусов и правил, поднималась, опускалась и гвоздила
французов до тех пор, пока не погибло все нашествие.*

Л.Н. Толстой «Война и мир»

С кем воевали русские в 1812 г.? На первый взгляд вопрос этот может показаться странным, ведь даже школьнику известно, что в сей год «Москва, спаленная пожаром, французам отдана». Однако после небольшого размышления тот же школьник, если он, конечно, не завзятый двоечник, признает, что ответ, пожалуй, не столь однозначен. Россия в 1812 г. подверглась, как говорили уже в XIX в., «нашествию двенадцати языков», и взявший Москву «француз», помимо своей «титულიной» национальности, мог принадлежать еще к двум десяткам других, представители которых составляли ровно половину Великой армии Наполеона.

Еще сложнее будет ответить на этот вопрос, если вспомним, что современники разных эпох нередко вкладывали в одинаковые этнонимы разные смыслы. Так, до XVIII в. «немцами» на Руси называли практически всех выходцев из Западной Европы, и только после петровских реформ это слово постепенно приобрело современное значение, став синонимом «германца» [1]. Этноним один – содержание разное.

Иными словами, чтобы исчерпывающе ответить на поставленный вопрос, мало констатировать, что в 1812 г. врагами русских были французы (и их союзники), но необходимо прояснить, какой смысл вкладывали в понятие «французы» те русские люди, кто непосредственно пережил вторжение, попытаться их глазами увидеть образ этого врага.

Насколько осуществима подобная задача? Интересующая эпоха оставила после себя огромное, почти неисчислимое количество источников: официальные документы, прессу, частную корреспонденцию, всевозмож-

***Чудинов Александр Иванович** (Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ные дневники и мемуары, в которых так или иначе проявилось мнение их авторов о неприятеле. Казалось бы, вот она более чем достаточная основа для реконструкции образа врага. Однако все эти письменные свидетельства были по определению делом рук людей грамотных, в основном дворян и мещан, т.е. отражали представления достаточно узкого слоя общества, ибо более 85% населения России начала XIX в. грамоты не ведало [2]. И как же тогда узнать, что думало о происходившем, то «безмолвствующее большинство», которое само письменных текстов не производило, но чьими собственно усилиями и была приведена в действие прославленная Л.Н. Толстым «дубина народной войны»?

Бесценным источником для историка здесь является фольклор – тексты устной традиции, создававшиеся народной массой и отражавшие ее мировосприятие. Изучение фольклора о войне 1812 г. в данном ракурсе представляется особенно перспективным. Письменная фиксация произведений народного творчества была поставлена на регулярную основу российскими этнографами и фольклористами именно в первой половине XIX в., когда еще живы были очевидцы наполеоновского нашествия. Соответственно исследователи обладают многочисленными записями фольклорных текстов об Отечественной войне 1812 г., полученными, можно сказать, из первых рук – от ее современников. Заметим также, что наиболее «историчный» из жанров фольклора – историческая песня – тогда еще переживал свой расцвет, сменившийся с середины XIX в. постепенным угасанием [3]. Таким образом, попытаемся, обратившись к фольклору о войне 1812 г., понять: с кем же именно, согласно представлениям «низов» русского общества, прежде всего крестьян, они воевали в тот памятный год и каким виделся им этот враг.

Архетип иноземного захватчика

Сталкиваясь в своей жизни с чем-то необычным, человек неизбежно пытается сопоставить этот новый опыт с уже пережитым ранее, сравнить с тем, что хорошо знает, вписать в привычную для себя систему координат. Так же происходит и с массовым сознанием: оно тоже стремится адаптировать всякий новый феномен к уже имеющемуся коллективному историческому опыту, хранилищем которого служит историческая память.

Для поколения русских людей 1812 г. вторжение Великой армии в самое сердце России, безусловно, оказалось беспрецедентным потрясением. Если в эпоху Древней Руси проникновение вражеских сил вглубь русских земель случалось достаточно часто и даже в XVI в. крымские татары еще доходили до самой Москвы, то после трагических событий Смутного времени Российское государство вело войны, лишь на своих границах. Даже

нашествие Карла XII на Россию в 1708–1709 гг. коснулось лишь ее окраины – Украины. И вот теперь, два века спустя после изгнания из Москвы поляков – последних иноземных неприятелей, побывавших в древней российской столице – вражеские войска вновь расположились под сенью башен Кремля. Чтобы понять, как в массовом сознании россиян эта новая шокирующая реальность могла сопрягаться с предшествующим историческим опытом, мы, до того как обратиться к особенностям восприятия «безмолвствующим большинством» собственно событий 1812 г., сначала попробуем хотя бы в общих чертах понять, что хранила в себе историческая память этого поколения к моменту наполеоновского нашествия. И здесь главным источником также станет фольклор.

О том, какие представления об историческом опыте прошлого бытовали в массовом сознании людей начала XIX в., можем судить по содержанию исторических песен и былин (на разные жанры их разделили фольклористы, народные же сказители называли то и другое «старины» [4]), которые имели широкое хождение в народе, а также по преданиям, более узко локализованным. Хотя по своему происхождению эти произведения народной культуры (особенно былины) восходят к глубокой древности, большинство их текстов, находящихся в нашем распоряжении, было записано именно в XIX в., а потому может рассматриваться как своего рода слепок исторических представлений, бытовавших в массовом сознании того периода.

Отечественные специалисты ведут между собой давний спор о соотношении былинных образов и исторических событий. Более того, еще относительно недавно один из наиболее авторитетных в нашей стране специалистов по данной тематике констатировал, что «проблема отражения исторической действительности народным эпосом остается центральной в исследовательской интерпретации былин» [5]. Однако нас сейчас интересует не то, насколько изложенное в фольклорных текстах согласуется с содержанием летописей, а то, какую именно картину прошлого рисовали эти произведения устной культуры, отражая и одновременно формируя представления тех, кому из-за своей неграмотности были недоступны какие-либо другие источники знаний об истории.

Картина сия была довольно специфична и весьма отличалась от тех исторических представлений, которыми обладали тогда люди, приобщенные к книжной культуре и читавшие труды по русской истории, скажем, В.Н. Татищева или П. Левека. Хотя в этой картине коллективной памяти и были отображены основные события истории России с древних времен, но без какой бы то ни было детализации – крупными штрихами, нередко в утрированном и даже фантастическом виде. Так, из многочисленных

иноземных недругов Древнерусского государства – хазар, печенегов, половцев, тюрков и других народностей – народная память сохранила лишь одного – татар. В былинах Киевского цикла, составляющих наиболее древний пласт исторического фольклора, русские богатыри сражаются практически исключительно с татарами (не считая мифических чудовищ). Именно татарские рати постоянно вторгаются там в православные земли, подступая к Киеву, Чернигову и даже Царьграду и поражая воображение своими гигантскими размерами:

*Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарским
Посмотреть на войска на татарские:
Нагнано-то силы много-множество,
Как от покрику от человеческого,
Как от ржания от лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старый казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-края силушке наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую,
Конца-краю силы насмотреть не мог [6].*

Очевидно, тот шок, который Русь испытала от татаро-монгольского нашествия XIII в., оказался столь силен, что травмирующие воспоминания о нем вытеснили из коллективной памяти народа образы всех других иноземных захватчиков, до того приходивших в русские земли. Характерно, что возглавлявший татаро-монгольские войска Бату-хан, известный на Руси как хан Батый, вошел в русский фольклор под именами Батыя Батыевича, Батыря, Батура Батвесова, Батыги, Батырина, Бузыгина и прочими как один из наиболее колоритных негативных персонажей:

*Из-за моря, моря синего.
Из-за синего моря, из-за Черного,
Подымался Батый-царь сын Батыевич
<...>
Подошел собака под стольный Киев-град,
Спускал собака якори булатные,
Выпускал шеймы [7] шелковые,
Выметывал сходенки дубовые,
Выходил на круг-красён бережок,
Раздернул бел-полотняный шатер,*

*Поставил в шатер дубовый стол.
Писал ярлыки скорописчаты.
Скрычал зычным голосом богатырским.
Созывал своих мурзов-бурзов, татаровей... [8].*

Шокирующие воспоминания XIII в. были еще прочнее закреплены и углублены в исторической памяти русского народа двумя последующими столетиями татаро-монгольского ига, которые, помимо изнурительного фискального гнета Золотой Орды, запомнились также новыми опустошительными походами татар на Русь, а после падения ига и краха в XV в. Золотой Орды – еще тремя столетиями борьбы против татар казанских (XVI в.) и крымских (XVI–XVIII вв.). Неудивительно, что в результате столь длительного опыта вооруженного противостояния двух народов этноним «татары» фактически стал синонимом иноземного врага в русском фольклоре, посвященном ранним этапам истории.

Вместе с тем при внимательном рассмотрении текстов устного народного творчества не трудно заметить, что образ «татар» в фольклоре XIX в. отнюдь не совпадает с образом одноименного исторического этноса, представленным в книжной культуре того же времени, а оказывается значительно шире него. образу былинных «татар» присущи черты не только тех татар, что реально существовали в истории и о которых знаем по документальным источникам, но и других народов, в разное время выступавших военными противниками русских.

Одним из наиболее опасных врагов домонгольской Руси были половцы. Летописи изобилуют сообщениями о набегах половецких ханов на русские земли и о военных походах русских князей в половецкую Степь. В фольклоре же XIX в. можем найти лишь считанные, едва различимые следы этого великого противостояния, продолжавшегося с XI по XIII в. Непосредственно производное от этого этнонима – «половецкая земля» – встречается в фольклорных текстах, как отмечает известный специалист по данной теме Ф.М. Селиванов, лишь единожды [9], а именно в былине «Царь Саул Леванидович»:

*Царь Саул Леванидович
Поехал за море синее,
В дальну Орду, в Половецку землю,
Брать дани и невыплаты [10].*

В искаженном виде это прилагательное использовано и в одном из вариантов былины «Добрыня Никитич и Василий Казимирович»:

*Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Поленецкую.
К царю Батуру ко Батвесову?*

*Кто бы свез ему дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена – за двенадцать лет?* [11]

Еще одним едва различимым «половецким» следом в фольклоре являются имена собственные некоторых героев былин: Тугарин (Тугарище), которое традиционно считается производной формой от имени половецкого хана XI в. Тугоркана [12], и Кудреван (Кудреванко), прототипом которого некоторые ученые считают половецкого хана XII в. Шарукана [13].

Однако все эти «половецкие» следы являются всего лишь штрихами доминирующего образа – «татар». Хотя царь Саул Леванидович и поехал в землю Половецкую, последовавший за ним его сын Костентинушко Саулович вынужден был вступить в сражение с «татарами». Земля «Поленецкая», куда направились Добрыня и Василий Казимирович, тоже населена «татарами», а правит ими царь Батур Батвесов, то есть все тот же Батый. В других же версиях этой былины героев и вовсе без обиняков отправляют «Во Большу де орду да прокляту землю, А к тому же ко Батею сыну Батеевичу» [14]. Что касается двух злодеев-супостатов Тугарина и Кудревана, то если их прототипами когда-то и были половецкие ханы, это давным-давно забылось, и в былинах они предстают «татарами». В некоторых вариантах былины «Мамаево побоище» Кудреван и вовсе занимает место исторического Мамая во главе татарского войска, а его посол Тугарище доставляет татарский ультиматум в Киев [15].

Итак, в русском фольклоре образ «татар» оказывается шире исторического образа одноименного народа, поскольку включает в себя также образы противников Русского государства домонгольской эпохи. Но и этим дело не ограничилось: точно такой же абсорбции подверглись в народном творчестве и образы других врагов Руси – современников татаро-монгольского нашествия. В данном отношении весьма характерна народная песня «Александр Невский», записанная в XIX в. Как известно из истории, сей князь прославился своими победами над шведами и рыцарями Ливонского ордена, воевал он и против литовцев, а вот с татарами, напротив, вполне успешно находил общий язык, проявляя незаурядные дипломатические способности. Однако в указанной народной песне Александр Невский сражается именно с татарами, причем с ...крымскими, и побеждает их:

*И наслал Бог на них
Казни лютыя,
Казни лютыя, смертоносныя:
Он наслал-то на святую Русь
Нечестивых людей,
Нечестивых людей, татар крымских.*

*Как и двинулось погано племя
От севера на юг,
Как сжигали-разбивали
Грады многие,
Пустошили-полонили
Земли русския.
Добрались-то они до святого места,
До славнаго Великаго Новгорода.
Но в этом-то граде
Жил христианский народ:
Он молил и просил
О защите Бога Вышняго.
И вышел на врагов
Славный новгородский князь,
Новгородский князь Александр Невский.
Он разбил и прогнал нечестивых татар... [16].*

Собирательность образа врага проявляется здесь не только в явном анахронизме – переносе появившегося лишь в XV в. народа крымских татар в XIII в., когда жил Александр Невский, но и в маршруте, которым «погано племя» добралось до Новгорода – «от севера на юг». Таким путем туда могли прийти только шведы. Иными словами, фольклорный образ «татар» вобрал в себя также тех иноземцев, кто угрожал русским землям с запада и с кем реально сражался князь Александр Ярославович.

Впрочем, и этим «абсорбирующие способности» представленного в фольклорной традиции образа «татар» не исчерпываются. Он вбирает в себя и образы тех иноземных врагов Русского государства, которые вышли на историческую сцену уже после татаро-монгольского нашествия. В XIV–XVI вв. таким соперником московских князей в борьбе за гегемонию над бывшими землями Киевской Руси было Великое княжество Литовское. Отголоском их многовекового конфликта стало употребление в русском фольклоре понятия «литва» (со строчной буквы!) как собирательного наименования врагов Руси. Любопытно, что, хотя своим происхождением оно было обязано совсем другому народу, чем татары, причем народу с татарами нередко воевавшему, в коллективном воображаемом народной культуры оно оказалось тесно связано с фольклорным образом «татар», став фактически синонимом слова «орда». Так, встречая нового человека, былинные герои, чтобы узнать, откуда он, спрашивают: «Ты из какой орды, из какой литвы?» [17]. В некоторых вариантах вышеупомянутой былины о Добрыне и Василии Казимировиче этих богатырей посылают везти дань не в «поленецкую землю», а в «литовскую»:

*Ну уж вы думайте-тко думу, не продумайте,
Нам кого послать во землю во литовьскую,
Отвести туды да дани-выходы,
За все стары годы да за нынешни... [18].*

И хотя столица этой «земли литовской» находится почему-то в «Ярослав-городе», там их точно так же, как и в «поленецкой», поджидают «татарь» с «князем Ботияном Ботияновичем» (еще одно имя Батья) во главе [19]. В былине «Царь Саул Левонидович» коварные мужички из Углича заманивают Костентинушко Сауловича в ловушку такими посулами:

*А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,
Мы тебя поставим царем в Орду, королем в Литву [20].*

И, напротив, в народной песне о смерти жены Ивана Грозного та перед своей кончиной предостерегает супруга:

*Не женись-ко-се ты в проклятой Литвы,
В проклятой Литвы, орды поганья... [21].*

В былине же «Потап Артамонович» слово «литва» и вовсе синоним татарского войска:

*Въехал он в силу, в прокляту литву,
Сколько-то силы он саблей секет,
Вдвое-втрое он конем топчет.
Первый перекоп конь перескочил,
Второй перекоп конь перенес,
А в третьем перекопе конь обрушился,
Пал-то конь да во глубок погреб.
Наскакало татар да много-множество... [22].*

После заключения в XVI в. унии между Великим княжеством Литовским и Польским королевством на западных рубежах России возник новый опасный соперник – Речь Посполитая, с которым русским на протяжении всего XVII в. не раз приходилось скрещивать оружие. Появление нового врага отмечено в русском фольклоре использованием еще одного слова для обозначения иноземного неприятеля – «паны». Однако и этот термин не был отделен в народном сознании от ранее существовавшего образа врага, а стал еще одним из его дополнений. Понятия «татарь», «литва» и «паны» практически не разделялись в устном народном творчестве, а употреблялись вперемежку. Так, в былине «Данило Игнатьевич и сын его Михайло» уже знакомый нам «татарский» царь Кудреван следующим образом обращается к своим приближенным:

*Уж вы ой еси, пановья мои улановья!
Еще все мои мурзы-татаровья!*

*Еще кто из вас съездил бы в красен Киев-град
Да свез бы ярлыки да скорописчаты
Ко тому же ко князю да ко Владимиру? [23].*

Интересно заметить, что смешение польского и татарского здесь проявляется не только в том, что «татарский» царь использует польское обращение «пановья», но и в употреблении польско-татарского термина «улары» («улановья») – так изначально именовалась легкая татарская кавалерия, состоявшая на службе у польского короля.

Столь же синкретичен образ иноземного врага и в таком специфическом жанре фольклора, как предания. Как отмечает изучавшая их В.К. Соколова, «“Татары”, “литва”, “паны” характеризуются в общем одинаково; в разных местах о них часто рассказывают одно и то же. Краткость и обобщенность таких преданий является в значительной мере результатом забвения конкретных исторических деталей – все это рисуется как давно прошедшее» [24].

Впрочем, в фольклоре XIX в. этническая идентичность иноземного неприятеля оказывается размыта и когда речь идет о событиях не столь отдаленных. С начала XVIII в. наиболее часто военным противником России была Османская империя. На протяжении только этого столетия имели место четыре русско-турецкие войны, в следующем веке еще столько же. Однако в народной культуре образ нового недруга так же, как и всех предшествующих, не занял какого-либо отдельного места, а «соединился» с уже существующим синкретичным образом внешнего врага. В результате фольклорные тексты наполнились самыми неожиданными вербальными конструкциями, такими, например, как обращение к султану «Турецкий пан» в былине «Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле»:

*Как издалече-далече, из чиста поля
Зазрил, засмотрел Турецкий пан,
Турецкий пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович [25].*

Характерно, что в другом варианте этой же былины место подобного злодея со смешанной «польско-турецкой» идентичностью легко занимают «крымские татары» и «калмыки»:

*Нападали на Сокол-корабль черны вороны,
Ну крымские татара со калмыгами,
Ну хотели-то Сокол-корабль разбить, разгромить,
Ну разбить, разгромить и живком задавить [26].*

И, напротив, в популярной у народа песне «Авдотья Рязаночка» «турки» столь же органично подменяют собою «татар»:

*Подступал тута царь Бахмет турецкий,
И разорял он старую Казань-город подлесную,
И полонил он народу во полон сорок тысячей,
Увел весь полон во свою землю [27].*

Специалисты по фольклору спорят, идет ли речь в этой песне о разорении татаро-монголами Рязани в XIII в. или о каком-либо эпизоде противостояния Московского государства и Казанского ханства в XVI в. [28], однако бесспорно, что «турецкая» тема оказалась привнесена в текст песни гораздо позднее. Но то, что она безболезненно для архитектоники самого произведения заменила тему «татарскую», убедительно показывает, что этническая характеристика неприятеля не имела для народных сказителей какого-либо значения – речь шла всего лишь о разных именах единого, собирательного образа иностранного врага.

Настоящим апофеозом подобного синкретизма является хорошо известная фольклористам народная песня «Михаил Скопин» [29], повествующая о князе М.В. Скопине-Шуйском. Этот талантливый русский военачальник периода Смутного времени успешно сражался во главе русско-шведских сил против поляков. Однако врагами фольклорного героя оказывается широкий спектр народов, против которых русским приходилось воевать начиная с эпохи Средневековья и по XVIII в.: от былинной «сорочкины» (сарацин) до живущих на Камчатке коряков («олюторов»).

*Кругом сильна царства Московского
Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила – сорочина долгополая,
И те черкесы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши с олюторами [30].*

Очевидно, по мере бытования песни к тем народам – противникам Московского царства, что были упомянуты в ней изначально, постепенно прибавлялись новые, более «актуальные» для последующих эпох, но о которых во времена Скопина и слыхом не слыхивали. Схожий и столь же «составной» образ врага присутствует и в том варианте былины о Добрыне, что записал в XVIII в. Кириша Данилов:

*И поехал Добрыня Никитич млад
В славныя орды немирныя.
А и ездит Добрыня неделю в них,
В тех ордах немирных,
А и ездит уже другую,
Рубит чудь белоглазую*

*И тое сорочину долгополую,
А и тех черкас петигорскихех,
А и тех калмык с татарами,
И чукии все и алюторы, –
Всяким языком спуску нет [31].*

Как видим, в коллективном воображаемом русского фольклора присутствует единый, собирательный образ врага, не имеющий четко выраженной этнической идентичности. Если даже в каких-либо текстах с этим образом и сопрягаются те или иные этнонимы, то они носят настолько абстрактный характер, что в других вариантах того же текста могут быть легко заменены иными без ущерба для общего содержания. Вместе с тем, из констатации «размытого» характера этнической принадлежности фольклорного врага отнюдь не следует, что его образ и в целом был столь же аморфен и амбивалентен. Напротив, этот образ обладает рядом четких и ярко выраженных черт, постоянно повторяющихся в его портрете.

Первой из таких черт отметим антихристианскую сущность врага. В русском фольклоре родная земля – это *Святая Русь*, и любой ее недруг по определению является врагом православной церкви и христианства в целом. У некоторых фольклорных антигероев их враждебность к христианству выражена даже в имени. Так, имя татарского богатыря (в некоторых вариантах – царя) Идолище Поганое уже само по себе символизирует язычество, поскольку в старорусском языке прилагательное «поганый» было синонимом «языческий». И действия этого персонажа, захватывающего в одних былинах Киев, в других – Царьград, в полной мере соответствовали его сущности «нехрестя»:

*Как Царе-граде нынче не по-старому,
В Царе-граде нынче не по-прежнему.
Одолели поганые татаровья,
Наехало поганое Идолище.
Святые образа были поколоты,
В черные грязи были потоптаны,
Да во божьих церквях там коней кормят [32].*

А вот что обещает киевлянам еще один былинный антигерой – богатырь Сокольник, побочный сын Ильи Муромца, находящийся на службе у «татар»:

*Да и еду я нонь да в стольный Киев-град,
Да грометь-шурмовать да в стольный Киев-град,
Я соборны больши церкви на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огне сожгу,
Я печатны больши книги во грязи стопчу,*

*Чудны образа-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню за себя возьму [33].*

Тема разорения неприятелем храмов и, в частности, превращения церквей в конюшни, надругательства над иконами и Священным Писанием проходит красной нитью через все тексты об иноземных нашествиях.

Представления об имманентной враждебности иноземных недругов к христианству ярко проявились в определении их обобщающим понятием «басурмане» («бусурмане»). Термин этот произошел от названия мусульманских откупщиков «бесерменов», собиравших в русских землях дань для Золотой Орды, и имел четко выраженные отрицательные коннотации. В XIX в. он использовался для обозначения мусульман, обычно в негативном контексте, а в более широком смысле – всех иноземных врагов вообще [34], ибо те по определению считались людьми иной, враждебной христианству веры. В фольклоре понятие «басурмане» применяется ко всем недругам вне зависимости от исторической эпохи, о которой идет речь. Этим определением, например, в былине «Илья Муромец в изгнании и Идолище» характеризуется «татарское» войско, подступившее к Киеву:

*Насобирал-то силы всё татарскою,
Он татарскою силы, басурманскою,
Насобирал-то он ведь силу, сам отправился.
Подошла сила татарска-басурманская,
Подошла эта силушка близехонько
Ко тому она ко городу ко Киеву [35].*

В исторической песне «Ермак у Ивана Грозного» знаменитый атаман зовет казаков идти в Сибирь походом против басурман:

*Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,
Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства басурманского,
Завоюем мы царство Сибирское [36].*

В песне же «Ермак и турки» и место действия уже другое – Азовское море (на котором исторический Ермак едва ли когда-то бывал), и противник иной – турки, а коллизия всё та же – казаки воюют с басурманами:

*Речь возговорит надежда атаман,
Ермолай наш Тимофеевич:
«Вы садитесь в легки лодочки,
На носу ставьте по пушечке,
По пушечке по медненькой,
Разбивайте корабли басурманские!*

*Мы достанем много золота
И турецкого оружия* [37].

Еще одна характерная черта изображенного в фольклорных произведениях иноземного захватчика – его хищническая, грабительская сущность. Как отмечает В.К. Соколова, «это традиционная характеристика всех старинных иноземных пришельцев – они избивали и мучили население, насиловали женщин, грабили и жгли села» [38]. Былинные тексты изобилуют перечнями бесчинств, которые совершают или собираются совершить пришедшие извне враги:

Илья Муромец и Калин-царь

*Как под нашим-то городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками со великими,
Разорить он хочет стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить...* [39].

Илья Муромец и Батый Батыевич

*[Батый] Похваляется: «Дашь — не дашь, за боём возьму,
Сильных богатырей под меч склоню,
Князя со княгиней в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по плавь реки.
Добрых молодцев полоню станицами,
Красных девушек пленницами,
Добрых коней табунами»* [40].

Данила Игнатьевич и сын его Михайло

*[Кудреван-царь:] «Ты добром нам отдашь, дак мы добром возьмем,
Ты добром не отдашь, да за боём возьмем.
Еще божьи-те церкви мы под дым спустим,
Еще золото и серебро повыграбим,
Красных девушек выгоним толпичами,
Молодых-то молодиц да табуницами,
Еще князю я Владимиру голову срублю,
А княгинюшку Опраксию за себя возьму»* [41].

И подобные цитаты можно множить до бесконечности. Столь же выразительно бесчинства врагов изображаются не только в былинах, но и в других фольклорных жанрах, как видно из вышеприведенных отрывков исторических песен «Александр Невский» и «Авдотья Рязаночка».

И наконец, третьей характерной чертой собирательного образа иноземного неприятеля можно признать связанный с ним дегуманизирующий (обесчеловечивающий) его дискурс. Порою последний выражается в невероятной, утрированной гиперболизации злой воли врага. Тому вменялась в вину не просто жестокость – в древности она была в обращении с недругами скорее правилом, нежели исключением, о чем мы можем судить по поступкам даже положительных героев былин – а избыточная жестокость, выходящая за грань мыслимого. Фольклорист С.Н. Азбелев видит в таком изображении фольклорного неприятеля отголоски старинных хулильных песен, которым, подобно скандинавскому виду, приписывалась магическая сила, способная навредить реальному врагу [42]. Ярким примером такого обесчеловеченного образа неприятеля является Щелкан, герой одноименной народной песни. Его исторический прототип, татарский наместник Чолхан явно не отличался мягким нравом, поскольку своими бесчинствами спровоцировал в 1327 г. жителей Твери на отчаянное восстание, стоившее самому Чолхану жизни, а городу разорения. Однако литературный Щелкан превосходит и его в своей жестокости, убивая собственного сына и вкушая его кровь для того, чтобы получить правление в Твери:

*Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,
Крови горячия,
Вытил чашу тоя крови горячия.
И втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старую,
Тверью богатою... [43].*

Другой пример столь же иррациональной, немислимой жестокости видим в предании о «литве», которое приводит В.К. Соколова: «Самую же большую тревогу Вязовской волости, говорит то же предание, сделала литва, которая якобы маленьких ребятишек тискала за лавки и жарила на сковрадах, а больших секла, храмы божие обращала в конские стойла, а из образов делала ящики для корма лошадей» [44]. И если большинство перечисленных деяний вполне соответствует «обычному» для исторического фольклора поведению неприятеля, то факт поджаривания детей на сковородах, по мнению исследовательницы, выводит описанное за грань возможного: «реальные враги начинали уже ассоциироваться с отрицательными сказочными персонажами» [45].

Впрочем, гораздо чаще дегуманизирующий дискурс по отношению к иностранным недругам проявлялся в зооморфных эпитетах, сопровож-

давших их имена, и соответствующих обращениях к ним, наиболее распространенным из которых было «собака»:

Мы попросим от собаки Батура Батвесова,

Мы попросим от него дани-пошлины.

<...>

Здравствуешь, собака, царь Батур!

Привезли мы тебе дани-пошлины [46].

Те читатели, кто смотрел популярную комедию Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», вероятно, помнят эпизод, когда мнимый самодержец прогневался на певцов за употребление эпитета «собака» по отношению к царю, пусть и крымскому. Между тем подобное сочетание, казалось бы, несочетаемого отнюдь не было придумано сценаристом для усиления комического эффекта. В фильме, действительно, исполнялась старинная народная песня «Набег крымского хана»:

А не сильная туча затучилася,

А не сильные громы грянули:

Куда едет собака крымской царь? [47].

Такой же эпитет используется в песне «Оборона Пскова» в отношении вражеского короля неопределенной национальности (его историческим прототипом был Стефан Баторий):

Копил-то король, копил силушку,

Копил-то он, собака, двенадцать лет,

Накопил-то он силушки — сметы нет,

Много, сметы нет, сорок тысяч полков [48].

Как видим, в коллективной памяти «безмолвного большинства» русского общества на протяжении столетий существовал единый, синкретичный образ иноземного врага, обладавший такими ярко выраженными специфическими чертами, как враждебность к христианству, хищническая сущность, бесчеловечность, но при этом лишенный сколько-нибудь четко обозначенной этнической идентичности. Коллективные воспоминания о появлявшихся в разные исторические эпохи иноземных недругах оказались интегрированы в нечто целое, став частью единого и практически не менявшегося со временем архетипа Врага.

Образ французов как врага в коллективном воображаемом

Прямые контакты между русскими и французами приобрели достаточно широкий характер относительно поздно – во второй половине XVIII в., когда среди российских элит воцарилась мода на франкофонию и новинки французской культуры, как духовной, так и материальной. В Россию один за другим, а порою и целыми семьями, потянулись французские гу-

вернеры, художники, скульпторы, архитекторы, портные, парикмахеры, колонисты, военные – французская диаспора быстро росла. Тогда же образ француза вошел и в русскую литературу, где он, правда, носил преимущественно негативную окраску и фигурировал в контексте борьбы российских писателей с галломанией. Опасаясь утраты русскими своей национальной идентичности, литераторы того времени сурово критиковали слепое преклонение перед всем французским.

В народной же культуре XVIII в. образ француза как таковой практически отсутствует. Если в дискурсе «высокой» литературы дихотомия «свой» – «чужой» выражалась противопоставлением «русский» – «французский» (или шире – «иностранный»), то в представлении народа к сфере «чужого» относилась, прежде всего, культура социальных «верхов», одним из характерных признаков которой была именно ее «иностранность», «французскость». По наблюдению Е.С. Берёзкиной, изучавшей применение этнонимической лексики в русском фольклоре, прилагательное «французский» в лирических песнях, отражающих повседневность народной жизни, связано с миром вещей далекой от крестьянского быта культуры дворян и их окружения [49].

Иначе говоря, «французское» воспринималось как «чужое» не столько потому, что было «нерусским», сколько потому, что принадлежало к «чужому» миру – миру европеизированной культуры господствующего класса, противостоявшего миру традиционной народной культуры. Действительно, ни в языке, ни в платье, ни в манерах, ни в быте живших в России иностранцев не было сколько-нибудь радикальных, качественных отличий от соответствующих сторон жизни русского дворянства, тогда как кардинальные различия культурных практик дворян и крестьян дают основание говорить о двух параллельно существовавших мирах. И даже в произведениях фольклора XIX в. элементы быта, имевшие явно французское происхождение, сатирически описываются как атрибуты «чужой», но не иностранной, а «барской» жизни [50]. К примеру, в одном из монологов раешного «деда» говорилось:

*А знаете, робята, я ведь в поварах служил, право!
И вот скажу я вам, например,
Вот послушайте, да не напирайте,
Как готовил я обед на барский манер.
А слюнки потекут — не кулаком, а платком утирайте,
По-барски так полагается,
Что всякая грязь в платок собирается.
Так вот обед:
(Показывает исписанный каракулями лист)*

*Это у бар зовется «меню»,
Так и я это прозвище не переменю.
Первое: суп-санте
На холодной воде,
Крупинка за крупинкой
Гоняются с дубинкой.
На второе: пирог –
Начинка из лягушачьих ног,
С луком, с перцем
Да с собачьим сердцем.
На третье, значит, сладкое,
Да, сказать по правде, такое гадкое:
Не то желе, не то вроде торта.
Только меня за него послали к черту [51].*

Диковинные для русской речи кулинарные термины «меню», супсанте» (вероятно, от фр. *sante* — здоровье), «желе», «торт» и перечисленные здесь не менее диковинные блюда, имевшие французское происхождение, вроде пирога с начинкой из лягушачьих ног, подчеркивают разительное отличие образа жизни своих, *русских* «бар» от народного быта.

Первые упоминания в русском фольклоре о собственно французах появились лишь в связи с войной между Россией и Францией 1798–1799 гг., а именно в народных преданиях о переходе Суворова через Альпы. В той военной кампании приняли участие десятки тысяч русских солдат, получившие в результате возможность по личным впечатлениям составить образ француза как иноземного врага. Найдя затем отражение в устном народном творчестве, этот образ тем не менее не получил сколько-нибудь самостоятельного бытования и по уже знакомой нам схеме «соединился» с синкретичным образом врага, выстроенным согласно древнему архетипу. И как прежде этот враг оказался лишен сколько-нибудь ярко выраженной этнической идентичности. Некоторые сказители, повествуя о переходе Суворова «через горы», определяли его врагов как «турок» [52]: содержание описываемой коллизии от такой замены ничуть не страдало – турки ли, французы ли, но во всех случаях православные русские воины сражались против иноземных «нехристей». Именно «нехристей», поскольку, хотя реальные французы и были народом христианским, в фольклоре они, согласно традиционному архетипу, изображались врагами христианской веры, вступившими в сговор с самим дьяволом. Вот как в одном из преданий повествуется о взятии русскими солдатами перевала Сен-Готард:

«Раз как-то в Альпийском походе, когда наши подступили к “заоблачной” горе и не могли взобраться по ледяным откосам, дедушка [Суворов],

видя, что это работа хитрого черта, условившегося помогать французам за сто душ наших пленных, приказал своим солдатам прочитать молитву да осениться крестным знаменем – и чары разрушились сами собою, и батальоны наши бодро полезли на снежные вершины и выбили врага из непроходимых дебрей» [53].

По той же схеме изображается и бой за Чертов мост, где мотив противоборства «православного воинства» с «безбожным» неприятелем усилен особенностью топонимики места действия:

«При переходе через знаменитый Чертов мост черт употребил все свои усилия, чтобы не пустить православных воинов. Он то скрывал от взора наших солдат края провала, затемняя их каким-то адским дымом, то рушил с грохотом переброшенные нами мостины, то засыпал наших громадными снежными лавинами, то наводил на наших французские ружья и пушки и, наоборот, – отводил наши от врага. Дедушка Суворов и тут помог своим. Он отслужил молебен, осенил тьму крестным благословением и, окропив ущелье святою водою, уничтожил чары дьявола, крестом рассеял тьму, отвел неприятельское огневое оружие и приказал сделать неразрушимый мост из бревен, перевязав их шарфами офицеров и солдат, павших в сражении, так как вещи эти, снятые с пострадавших за веру, имели чудную силу, которая скрепила мост лучше железных болтов» [54].

Другая архетипическая черта иноземных захватчиков в русском фольклоре – жестокость к мирным жителям, склонность к грабежу и мародерству – выражена в преданиях о борьбе Суворове с французами слабее, возможно, потому что военные действия велись за рубежом. Тем не менее, присутствует и она: «Прогнал Суворов из Италии французов, а враг тем временем уже в тыл зашел, громит швейцарские деревушки» [55].

Хотя образ француза как иноземного врага вошел в русский фольклор еще до 1812 г., тем не менее было бы логично ожидать, что наполеоновское нашествие приведет к какой-либо его трансформации или, по крайней мере, к большей детализации. Количество русских людей, вступивших в непосредственный контакт с французами, насчитывало в 1812 г. уже не десятки тысяч, как во время кампаний 1798–1799 и 1805–1807 гг., а миллионы, поскольку Великая армия вторглась в самое сердце русских земель. Враг громил уже не швейцарские деревушки, а города и села Центральной России. Ни современники Отечественной войны, ни их отцы, ни деды ранее не видели ничего подобного. Однако эта абсолютно новая для того поколения коллизия отразилась в фольклоре как хорошо забытое старое. Ни о каких специфических особенностях освещения событий Отечественной войны в устном народном творчестве или хотя бы большей детализации в их описании речи не идет: весь конфликт от начала и до конца представ-

лен в виде серии ставших к тому времени уже традиционными для исторического фольклора сюжетов, не имевших практически никакой связи с тем, что реально происходило в 1812 г.

Начало войны безымянные творцы народных песен описывали фабулой, хорошо известной еще по былинам: иноземный злодей отправляет дерзкое письмо государю земли русской:

Илья Муромец в изгнании и Идолище

Написал он в ярлычках скорописчатых:

«Я зайду, зайду, Идолище, во Киев-град,

Я ведь выжгу Киев-град, божьи церькви;

Выбирался-то чтобы князь из палатушек:

Я займу, займу палаты белокаменны,

Только я пушу в палаты белокаменны –

Опраксеюшку возьму всё Королевичну;

Я Владимира-то князя поставлю на меня варить [56].

Французский король пишет письмо Александру

Наполеон-король пишет нашему царю белому:

«Я прошу тебя, православный царь, не прогневаться,

Распиши мне квартирушки на семьсот тысяч

В своем стольном городе, кременной Москве.

Господам нашим генералушкам по своим купцам,

А мне, Наполеону-королю, свои царские палаты!» [57].

И так же, в соответствии с былинным архетипом поведения князя Владимира в аналогичной ситуации, разные варианты этой же песни характеризуют реакцию Александра Первого на брошенный ему вызов:

Илья Муромец и Калин-царь

Тут Владимир князь да стольнокиевский,

Он по горенке да стал похаживать,

С ясных очушек он ронит слезы горячие,

Шелковым платком князь утирается... [58].

Французский король пишет письмо Александру

(другой вариант)

Как на ту пору наш православный царь

А он крепко призадумался,

Его царская коронушка

К земле она приклонилась,

Его царская персонушка

В лице она переменилась... [59].

Роль же «утешителей» царя, которую по отношению к былинному князю Владимиру выполняют богатыри, здесь берут на себя наиболее популярные герои фольклора о 1812 г. — «генералюшка» Кутузов и атаман Платов. Последний в народном творчестве об Отечественной войне выступает в той же ипостаси, что Илья Муромец в былинах — богатырь из народа. Одна из наиболее популярных песен о войне 1812 г. (она зафиксирована фольклористами в наибольшем количестве вариаций [60]), повествующая, как переодетый Платов побывал на обеде у Наполеона, обыгрывает сюжет былины об Илье Муромце и об Идолище. Как Илья Муромец, облачившись в рубище калики перехожей, приходит к Идолищу на трапезу и ведет с ним застольную беседу, так и Платов в одежде купца приходит к Наполеону:

Илья Муромец и Идолище в Царьграде

*Как тут это поганое Идолище
Взывает он калику на допрос к себе:
«Да ай же ты, калика было русская!
Ты скажи, скажи, калика не утай себя:
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старый казак есть Илья Муромец?
Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль еще пьет зелена вина?»
Как тут калика была русская,
Начал он калика тут высказывать:
«Да ай же ты, поганое Идолище!
У нас-то есть во Киеве
Илья-то ведь да Муромец,
А волосом да возрастом ровным с меня,
А мы с им были братыица крестовые...» [61].*

*Платов в гостях у француза
Француз его не узнал,
За купца его считал.
К себе в гости зазывал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки подносил,
Купца милости просил:
«Уж ты кушай, ты купец,
Кушай, добрый молодец,
Я и сам в Москве бывал,
Всех господ, купцов знавал,
Я не знал лишь одного —*

*Вот Платова-казака.
Кто б про Платова сказал,
Тому б злата много дал.
«На что злато терять,
Его можно так видать:
Он на личико такой,
Словно братец мой родной,
Его волосы русые –
Настоящие мои» [62].*

Сражения 1812 г. с французами тоже описываются в фольклоре с применением тех же стилистических приемов, что и битвы с иноземными врагами в предшествующие столетия:

На поле Куликовом

*...Льется кровь богатырская
По седельцам по кованым,
Сверкают сабли булатные
Около голов богатырских,
Катятся шеломы злаченные
Добрым коням под копыта,
Валяются головы многих богатырей
С добрых коней о сыру землю [63].*

Начало Бородинского боя

*Как ударили из пушек, братцы,
Из винтовочек –
Покатились с могучих плеч
Головушки.
Полилася басурманская кровь
На все четыре стороны [64].*

Таким образом, в коллективном воображаемом русского народа французское вторжение встало в один ряд с иноземными нашествиями былых времен, историческая память о которых сохранялась на протяжении многих веков в устном народном творчестве. Неудивительно поэтому, что образ нового врага строится в соответствии с традиционным архетипом захватчика, все черты которого в полной мере оказались представлены в фольклоре о 1812 г.

Так же, как и неприятелю из фольклорных текстов о незапамятной старине, по отношению к французам применяется дегуманизирующий дискурс. Им приписывается столь избыточная жестокость, какая для манеры ведения войн в XIX в. была уже практически немислима:

*...Француз силу нашу бьет,
Он и силу нашу бьет,
Во полон живых берет,
Во полон живых берет,
Да с живых кожу дерет [65].*

Активно применяются и обезчеловечивающие недруга зооморфные эпитеты:

*Генерал наш казак Платов
Со правого фланту,
Глядит, смотрит, выглядает
В подзорную трубку:
Еще много ль у собаки
Неверные силы? [66].*

И так же, как в былинах, зооморфные прилагательные используются не только в качестве внешней характеристики врагов, но и во внутреннем их общении между собой. Например, вот как французские солдаты ропщут на своего предводителя:

*Растужилась-расплакалась
Французская сила:
«Говорили мы ему, собаке:
Полно воевати,
Полно воевати, силушку теряти» [67].*

Хищническая природа захватчика также описана безымянными авторами фольклорных текстов во всех красках. Приведу лишь несколько примеров:

*Ахти горе великое,
Печаль-тоска несносная!
Поднималась туча грозная
Что на матушку Москву.
Наступила сила французская.
Она жжет ее и палит,
Весь народ пленит.
Пожгла ряды с товарами,
Дома барские, купечески... [68].*

* * *

*...Француз Москву разоряет,
С того конца зажигает,
В полон девок забирает [69].*

* * *

Разоренный *путь-дорожка*
От Можайска до Москвы.
Ах да кто же ее *разорил?*
Неприятель вор-француз... [70].

Однако всё же определяющей архетипической чертой фольклорных французов как иноземного врага является их антихристианская сущность. В воображаемом диалоге Наполеона с русскими казаками, предводитель французов обещает:

*«Ах вы русские казаки,
Я в ногах вас истопчу,
Да в камену Москву зайду,
С церковей главы сниму,
В церкви коней заведу!»*
*Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве,
Не снимать тебе, злодею,
Золоты главы с крестов»* [71].

Из приведенных цитат видно, что мотив столь чудовищного святотатства, как превращение храмов в конюшни, использовался еще в русских былинах для демонстрации безбожной сущности нехристей. Между тем в России французские солдаты, действительно, часто становились в церквях на постой, вводя туда и своих лошадей. Они не вкладывали в подобные действия какого-либо антирелигиозного смысла, а просто следовали принятой у них практике: во французской армии палатки не использовались и военнослужащие либо устраивали бивуак под открытым небом, либо занимали имевшиеся в наличии нежилые помещения, обычно церкви или монастыри [72]. Точно так же они вели себя и в предшествующие кампании на территории западноевропейских стран без каких-либо особо негативных для себя последствий. Однако в 1812 г. такое их поведение воспринималось русскими как наглядное подтверждение той антихристианской сущности неприятеля, которой он собственно и должен был обладать согласно архетипическим представлениям «безмолвствующего большинства» об иноземном враге. Один из офицеров Великой армии позднее признавал: «Наполеон [...] не давал должных указаний войскам о сохранении церковей и охране духовенства и тем навлек ненависть народа на французов. *В глазах русских они хуже мусульман, потому что обращают церкви в конюшни»* [73]. Очевидно, подобные действия французов произвели на простой люд России весьма сильное впечатление, поскольку в фольклоре о 1812 г.

мотив превращения церквей в конюшни звучит практически непрерывно. Например, в одной из народных песен французский император хвастается:

*Ай да я добрых коней своих я расставляю
Все по божьим вот я по церквам* [74].

Та же тема обсуждается и в воображаемом диалоге Наполеона с Кутузовым:

«...А российского генерала

Во ногах его стопчу,

Во ногах его стопчу,

Кременну Москву возьму,

По соборам, по церквам

Лошадушек заведу».

Ах российский генерал

Кутузов ему сказал:

«Ай что не быть тебе, собаке,

Во кремлевой нашей Москве,

Не видать тебе, собаке,

Золотых наших крестов,

Позолоченных голов» [75].

Не менее настойчиво звучит в устном народном творчестве тема преднамеренного разрушения французами православных церквей. Именно это вражеский предводитель обычно провозглашает основной целью вторжения. Так, одной из песен он угрожает русским генералам:

«Генералы, генералы,

Я возьму вашу Москву,

Я со ваших со церквей

Кресты-главы пособью!» [76].

Широко распространенная и сохранившаяся в многочисленных вариациях песня о пребывании Наполеона в Москве подробно рассказывает, как подобные намерения реализовывались:

Кто, братцы, Москву разорил?

Разорил Москву неприятель злой,

Неприятель злой, француз молодой.

Выкатал француз пушки медные,

Направлял француз ружья светлые,

Он стрелял-палил в матушку Москву.

Оттого Москва загорелась,

Мать сыра земля потрясалась,

Все божьи церкви развалились,

*Все божьи церкви развалилися,
Златы маковки покатилися* [77].

То, что в фольклорных текстах врагам неизменно приписываются именно такие антихристианские намерения, показывает, что, согласно народным представлениям, в основе конфликта лежал религиозный мотив. Как говорилось в сказке о «Палеоне», французский правитель решил идти войной на Россию, «завидуя *благочестивой жизни* нашего батюшки-государя Олександры Павловича» [78].

Соответственно, поражение Наполеона представало в коллективном воображаемом Божией карой за совершенные святотатства:

*Наперед идут князья, бояре
Впереди их идет Александра-царь,
Наголо несет он саблю вострую:
«Ты злодей, шельма, Наполеон-король!
Ты зачем приходил в кремennую Москву
И разорил ты наши все церкви божии?
За то на тебя Господь Бог прогневался,
Да и я, государь рассердился»* [79].

При подобном восприятии конфликта нас уже едва ли удивит широкое применение в фольклорных текстах к французам эпитета «басурмане», ранее использовавшегося в отношении нехристианских, преимущественно мусульманских, народов:

*Ты не хвастай-ко,
Вор-собака-басурман,
Своим славным Парижом* [80].

В коллективных представлениях «безмолвного большинства» вторгшиеся в Россию французы оказались в одном ряду с врагами-иноверцами, которые ранее приходили войной на Русь и образ которых глубоко отпечатался в исторической памяти народа. Причем, если характеристику французов как грабителей, насильников и мародеров еще можно объяснить многочисленными фактами реального опыта тех русских людей, кому в 1812 г. довелось непосредственно столкнуться с неприятелем, то восприятие этого вооруженного конфликта как религиозного не имело под собой никаких объективных оснований и определялось исключительно архетипическими образами, укорененными в глубинах коллективной памяти. Русские мужики поднялись на религиозную войну против «нехристей-басурман», в коих видели смертельную угрозу для своей веры. Выступая перед партизанами, их вожак Герасим Курин говорил: «Вы народа *веры русской*, вы крестьяне *православны*, вы старайтесь за веру, умирайте за царя. Для чего мы

есть крестьяне, чтоб за веру не страдать. Для чего же мы *православны*, чтоб царю нам не служить» [81]. В другом выступлении, текст которого сохранили источники, Курин призывал своих ратников «Постараться за Отечество свое и за *Дом Пресвятыя Богородицы*» [82]. Вологодские крестьяне в прошении 2 сентября 1812 г. писали: «Мы все, которые в силах, желаем к самому государю идти в воинскую службу за *Отечество православной христианской веры* с усердием нашим» [83].

Этот разрыв между объективным содержанием конфликта и его восприятием простым людом просвещенные современники отмечали с нескрываемым изумлением. Дворянин Л.А. Лесли писал, например, в дневнике, что крестьяне «готовились защищать Отечество от нахлынувших врагов-басурман, нехристей, как они сами перетолковывали, хотя им иначе объясняли» [84].

Для борьбы с недругом, ставшим воплощением традиционного архетипа, вполне подходили те же самые средства, которые в глубокой древности защитники Святой Руси успешно применяли против ее врагов. Именно такой экстраполяцией былинных сюжетов на события 1812 г., вероятно, и была обусловлена чрезвычайная популярность в народе песни о допросе Кутузовым (в некоторых вариантах Платовым) французского майора, где русский генерал сначала расспрашивает пленного, а затем собственноручно избивает его, поскольку полученные показания не устроили допрашивающего. Подобная ситуация, совершенно немислимая в реальности, оказывалась вполне естественной для коллективного воображаемого, поскольку воспроизводила былинную фабулу о допросе «татарина» Ильей Муромцем.

Илья Муромец и Идолище в Царьграде

Как начал у татарина доспрашивать:

*«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолище?»*

Как говорит татарин таково слово:

*«Есть у нас поганое Идолище
А росту две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головище что лютое лоханище,
Глаза что пивные чашища,
А нос-от на рожке с локоть был».*

Хватил он татарина за руку,

Бросил он его во чисто поле,

Разлетелись у него тут косточки [85].

Кутузов допрашивает французского майора

Начинает князь Кутузов его спрашивать:

«Ты скажи-скажи, майорик, суиую правду:

У вас много ль в Париже стоит силы?»

«Стоит силы в Париже сорок тысяч,

По приступу генеральскому сметы нету».

Как на это князь Кутузов да рассердился,

Как ударил он майора да по рожге,

Он по рожге да во правую щеку... [86].

Впрочем, вербальным насилием дело не ограничивалось. То, как поступали русские крестьяне с захваченными в плен французами, заставляло просвещенных современников вспоминать о самых мрачных страницах средневековой истории. В деревнях пленных пытали, сжигали и хоронили заживо [87]. Не довольствуясь теми французами, которых захватили сами, селяне платили достаточно солидные суммы казакам, выкупая у них пленников, дабы придать тех лютой смерти. Прикомандированный к русской армии английский генерал Роберт Томас Вильсон свидетельствует:

«Недалеко от Вязмы пятьдесят французов дичайшим образом сожжены заживо. В другой деревне пятьдесят человек живьем похоронены. Но все эти ужасные проявления жестокости еще не самое страшное — они привели к смерти, заставив страдать относительно недолго. Здесь смерть, столь желанная, подобная долгожданному другу, пришла хоть и неспешно, но все же без мучительной задержки. Назову три-четыре наиболее страшных случая, очевидцем которых я стал.

[...] 2. Шестьдесят умирающих обнаженных мужчин, чьи шеи лежат на стволе спиленного дерева, в то время как русские мужчины и женщины поют хором и пляшут вокруг них в хороводе, поочередно разбивая им головы ударами длинных палок» [88].

Сегодня нетрудно понять смятение чувств просвещенного британца при виде подобной жестокости. Между тем, если обратиться к коллективным представлениям русского народа о прошлом, которые нашли отражение в фольклоре, увидим, что именно подобному обращению с пленными басурманами учил пример таких любимых народом героев, как, скажем, Илья Муромец:

Тут Илья взял-сломал ему [Калину-царю] белы руки,

Еще сломал собаке резвы ноги,

Другому татарину он сильному

Ломал ему белы руки,

Выкопал ему ясны очи,

Привязал собаку за плеча татарину,

*Привязал его, сам выговаривал:
«На-ко, татарин, неси домой,
А ты, собака, дорогу показывай»* [89].

Антихристианская и дегуманизированная природа врага ставила его вне морали и сострадания, допуская и даже предписывая по отношению к нему такое поведение, которое с подобными себе христианин вряд ли бы себе позволил. Характерно, что в описанном Вильсоном случае пыткам пленных французов был придан характер праздничного ритуала, олицетворявшего, по-видимому, торжество над поверженными врагами-нехристианами. По свидетельству Вильсона, крестьяне старались максимально продлить страдания пленников, подвергаемых моральным и физическим мучениям, поскольку быстрая и легкая смерть тех стала бы «оскорблением русского Бога Возмездия, и они [крестьяне] могут лишиться его покровительства» [90].

Интересно, что мотивы подобных жестокостей народной массы по отношению к неприятелю были вполне понятны Кутузову, о чем говорит его разговор с Лористоном 5 октября 1812 г., переданный Р. Т. Вильсоном: «“Лористон поначалу жаловался на варварское обращение русских с французами”, но ему было указано “на невозможность за три месяца цивилизовать нацию, которая почитает неприятеля худшим врагом, нежели грабительская орда Чингиз-хана”. Лористон возразил на сие, что “всё-таки здесь есть некоторое отличие”. “Может оно и так, – отвечал Кутузов, – но отнюдь не в понятиях народа”» [91].

Впервые за двести лет столкнувшись с опытом неприятельского нашествия, обитатели русской деревни, знавшие до того времени о бывших вторжениях иноземных «нехристей» лишь из произведений устной народной литературы, прибегли для борьбы с врагом именно к тем средствам, которыми когда-то пользовались их предки. Русские мужики подняли не просто, говоря словами Л.Н. Толстого, «дубину народной войны», что уже само по себе не сулило неприятелю ничего хорошего, они подняли ее для ведения войны религиозной, со всем присущим той истребительным, тотальным характером. И, пожалуй, лучше всего их отношение к происходившему сегодня можно выразить строками знаменитой песни, появившейся в годы уже другой Отечественной войны – Великой:

*Идёт война народная,
Священная война!*

Литература и источники

1. Подробнее см., напр.: Белобородова И.Н. Этноним «немец» в России XVII–XX вв.: (к проблеме формирования русской национальной идентичности) // Про- странство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

2. См.: Rey M. P. L'effroyable tragedie: Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P., 2012. P. 24.
3. См.: Литвин Э.С. Русская историческая песня первой половины XIX века // Исторические песни XIX века. М., 1973. С. 14–16; Азбелев С.Н. Русские исторические песни // Исторические песни. М., 2001. С. 29–31.
4. Азбелев С.Н. Русские исторические песни... С. 5.
5. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 5.
6. Илья Муромец и Калин-царь // Былины / Сост. Ф.М. Селиванов. М., 1988. С. 125.
7. Якорные канаты.
8. Илья Муромец и Батый Батыевич // Былины... С. 184–185.
9. Былины... С. 540.
10. Там же. С. 270.
11. Василий Казимерский // Добрыня Никитич и Алеша Попович / Подг. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1974. С. 78.
12. Кондратьева Т.Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 150–151.
13. Былины... С. 538.
14. Василий Касимирович отвзят дани Батею Батеевичу // Добрыня Никитич и Алеша Попович... С. 86.
15. См.: Мамаево побоище // Былины... С. 191–202.
16. Исторические песни... С. 46.
17. См.: Былины... С. 538.
18. Добрыня и Василий Казимирович // Добрыня Никитич и Алеша Попович... С. 99.
19. Там же. С. 106–109.
20. Былины... С. 276.
21. Смерть царицы Анастасии Романовны // Исторические песни... С. 89.
22. Былины... С. 258.
23. Там же. С. 242.
24. Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970. С. 34.
25. Былины... С. 203.
26. О Соколе-корабле // Илья Муромец / Подг. А.М. Астаховой. М., 1958. С. 286.
27. Исторические песни... С. 63.
28. См., напр.: Амелькин А. О. О времени возникновения песни об Авдотье Рязаночке // Русский фольклор. СПб., 1996. Т. 29.
29. Подробный анализ ее см.: Азбелев С.Н. Историзм былин... С. 43–75.
30. Исторические песни... С. 116.
31. Добрыня чудь покорил // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 108.
32. Илья Муромец и Идолище в Царьграде // Былины... С. 157.
33. Застава Богатырская (Илья Муромец и Сокольник) // Былины... С. 166–167.
34. К примеру, В.И. Даль предлагает ему такое определение: «БАСУРМАН, бусурман, босурман, бесермен, басурманин м. басурманка ж. басурманщина ж. собират. неверный, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправослав-

ный; всякий иноземец и иноверец, в неприязненном значении, особенно азиатец или турок. Басурманский, относящийся до басурмана. Басурманство ср. басурманщина; состояя, вера басурмана; мусульманство, исламизм, мохамеданство. Басурманить кого (более употреб. с предлогом о), обращаться в мусульманство, в неверие; приучать к обычаям иноземным. Басурманиться, принимать веру или обычаи басурманские». См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863. Т. 1.

35. Былины... С. 150.

36. Исторические песни... С. 107.

37. Исторические песни... С. 82.

38. Соколова В.К. Русские исторические предания... С. 35. Ср.: «Былинный враг, нападающий на Русь, всегда жесток и безжалостен, он намерен уничтожить народ, его государственность, культуру, святыни». См.: Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа // Былины... С. 8.

39. Былины... С. 127.

40. Там же. С. 187.

41. Былины... С. 244.

42. См.: Азбелев С.Н. Русские исторические песни... С. 11.

43. Щелкан // Исторические песни... С. 50.

44. Соколова В.К. Русские исторические предания... С. 35.

45. Там же.

46. Добрыня Никитич и Василий Казимирович // Былины... С. 89, 91.

47. Исторические песни... С. 101.

48. Исторические песни... С. 102.

49. Берёзкина Е.С. Этнонимическая лексика в устном народном поэтическом творчестве. Орел, 2001. Гл. 3.1.2.

50. Подробнее: Tchoudinov A. L'image du Français dans le folklore russe // L'Image de l'Étranger. P., 2010.

51. Народно-поэтическая сатира. Л., 1960. С. 274.

52. См.: Переход через горы // Легенды. Предания. Небывальщины. М., 1989. С. 144–147.

53. Елисеев А.В. Народные предания о Суворове // Древняя и Новая Россия. 1879. № 8. С. 338.

54. Там же.

55. Народная проза. М., 1992. С. 248.

56. Былины... С. 150.

57. Исторические песни XIX века. Л., 1973. С. 44.

58. Былины... С. 123.

59. Исторические песни XIX века... С. 46.

60. Там же. С. 328.

61. Былины... С. 159.

62. Исторические песни XIX века... С. 90.

63. Исторические песни... С. 53.

64. Там же. С. 271.

65. Исторические песни XIX века. С. 78.

66. Там же. С. 73.
67. Там же. С. 74.
68. Исторические песни... С. 55.
69. Там же. С. 56.
70. Там же. С. 65.
71. Там же. С. 62.
72. См.: Petiteau N. Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires. P., 2011. P. 21.
73. Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003. С. 44. (Курсив мой. – А. Ч.).
74. Исторические песни XIX века... С. 47.
75. Там же. С. 62.
76. Исторические песни... С. 273.
77. Исторические песни XIX века... С. 52.
78. Народная проза. М., 1992. С. 257.
79. Исторические песни XIX века... С. 71.
80. Там же. С. 65.
- 81 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962. С. 114.
82. Там же. С. 115.
83. Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. М., 1961. С. 285.
84. Цит. по: Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 153.
85. Былины... С. 158.
86. Исторические песни XIX века... С. 58.
87. Подробнее см.: Rey M.-P. Op. cit. P. 250–251.
88. Wilson R. Private Diary of Travels, Personal Services and Public Events. L., 1861. Vol. 1. P. 214–215.
89. Илья в споре с Владимиром // Былины... С. 145.
90. Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 211. Ср.: «Когда сии несчастные [французы] попадают [в плен], то делают крестьянам знаки, указывая на свою голову или на сердце, чтобы поскорее их умертвили; но сие снисхождение не всегда им оказывается. Мужик думает, что миловать неприятеля есть согрешение». – Р. Вильсон – Лорду Кэткарту, 20 октября (1 ноября нов. ст.) 1812 г. // Вильсон Р.Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812–1813 года. СПб., 1995. С. 206.
91. Вильсон Р. Т. Повествование о событиях... С. 169.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ РУССКИХ В 1812 ГОДУ

Речевая коммуникация есть вид общения, обмен сведениями, идеями, информацией с помощью средств, форм и приемов естественного языка. Каждой эпохе присущи свои особенности во взаимодействии людей с помощью речи, так как цивилизация постоянно рождает новые средства и формы коммуникации, в частности, в сфере массовой коммуникации. Что в этой связи было актуально в языковой ситуации, сложившейся в России в 1812 г., какие формы речевого общения, какие жанры письменной и устной речи являлись особенно популярными? На каком языке общалась с народом власть, каким слогом зывали к патриотическому чувству солдат кутузовские полководцы?

Общеизвестно, что вторжение французской армии в Россию вызвало острую, неоднозначную реакцию в дворянском обществе. Для простого народа француз как интервент был врагом с самого начала. А вот для дворян с последней четверти XVIII в. всё французское: формы бытовой культуры, литература и искусство, язык – было образцом для подражания. Модным считалось не только говорить, но и думать по-французски. Может быть, только в сельской усадьбе сами условия проживания требовали регулярного и разнообразного общения с прислугой и крестьянским населением на русском языке. В городе функционировали два сословных языка: французский – для господ, русский – для простолюдинов. Война прояснила очевидную вещь: *«с высшим состоянием хотя они (французы. – Г.С.) и сблизилась, будучи то дядьками, то учителями, но высшее состояние в России – ещё не целая Россия»* [1].

Вторжение Наполеона, связанные с этим бедствия, а особенно бесчинства его наемников в Москве в период с 2 сентября по 11 октября 1812 г. поставили под сомнение галломанские идеалы высшего общества. Москва на время освободилась от французского идеологического гнета. Петербург преодолевал эту зависимость медленно, с болью, но так и не преодолел. Забегая вперед, заметим, что война не слишком помешала галломанским увлечениям дворянства. Уже 19 января 1814 г. граф Ф.В. Ростопчин писал Императору Александру: *«Мания к французам не прошла в России»* [2]. Прав оказался Ф.Н. Глинка, пророчески записавший в своем дневнике

* Судаков Гурий Васильевич (Вологда) – заведующий Центром филологических исследований Вологодского государственного педагогического университета, профессор кафедры русского языка, доктор филологических наук.

7 ноября 1812 г.: «Кто знает, может быть, эти выморозки поправятся, и наши расхватывают их по рукам – в учителя, не дав им даже и очеловечиться» [3].

Назовем те явления, которые наблюдались в сфере коммуникации в 1812 г. Нас в равной мере будут интересовать и речевой обычай повседневного общения индивидуального человека, и новые, в том числе агитационные, формы массовой коммуникации, активно используемые в связи с французским нашествием. Самой острой проблемой была проблема отношения к французской словесности и к французскому языку. А.С. Пушкин в незаконченном рассказе «Рославлев» (1836 г.) языковую ситуацию накануне 1812 г. характеризовал так:

«Французская словесность, от Монтескьё до романов Кребийльона, была ей (главной героине княжне Полине. – Г.С.) знакома. Руссо знала она наизусть. В библиотеке не было ни одной русской книги, кроме сочинений Сумарокова, которых Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мне, что с трудом разбирала русскую печать, и, вероятно, ничего по-русски не читала»;

«К несчастью, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществе, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобным» [4].

Читаем Пушкина дальше: *«Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные (подчеркнуто нами. – Г.С.) листки графа Ростопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами; кто высypал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни» [5].*

Вот свидетельство современницы тех событий М.А. Волковой: *«Народ так раздражен, что не осмеливаемся говорить по-французски на улице. Двух офицеров арестовали: они на улице вздумали говорить по-французски; народ принял их за переодетых шпионов и хотел поколотить» (письмо от 15 августа 1812 г.) [6]; «Французский язык изгнан, крестьяне лишь улышат, что говорят на иностранном языке, сейчас же скорчат грозную гримасу <...> если, забывшись, по привычке начинали говорить по-фран-*

цузски, мужики сейчас спрашивали: не из тех ли негодяев, которые грабят Россию и Москву?» (письмо от 27 ноября 1812 г.) [7].

Итак, проблема употребления французского языка, по крайней мере, на период до конца 1812 г., была решена. Использование французского языка в публичном общении стало сомнительной, а то и опасной модой. Появляются новые формы массовой информации или актуализируются прежде непопулярные жанры общения. Прежде всего, это печатные воззвания государя, правительства и Священного синода. Высочайший Манифест о созыве ополчения, как известно, был объявлен народу 6 июля 1812 г. Вслед за ним сразу вышло воззвание Синода: *«11 июля 1812 г. <...> приходит Овчинников и с первым словом подает мне печатный лист: “Воззвание к первопрестольной столице нашей Москве!”»* [8] (1, с.20). Из-за необычности самого жанра первоначально эти Манифесты произвели на население Москвы сокрушающее впечатление. В тех же записках говорится: *«Когда я пробежал его, холодный пот выступил по всему моему телу; ужас, смешанный с каким-то болезненным чувством души, мешал видеть предметы в настоящем виде. Это воззвание в первый день так напугало московских жителей, ещё непривыкших, робких и болтливых, что многие полагали, будто неприятель находится всею силою по сю сторону Смоленска, а сто тысяч конницы – не далее Можайска»* [9].

Еще одна цитата: *«Печатные известия из армии, рассылаемые по губерниям, конечно, уже известили тебя подробно обо всем»* [10]. Продолжим цитирование источников: *«Решительный язык власти и барства более не годился и был опасен. Изданные тогда от правительства воззвания и различные извещения к народу чрезвычайно были любезны публике, а воззвания Священного Синода в особенности отличалось красноречием, силою и истиной»* [11].

Выскажем предположение, что эти воззвания в значительной мере способствовали закреплению ратной идеи русского солдата – *«за Веру, за Царя, за Отечество»*. Основа этих воззваний – церковно-проповеднический стиль. По стилистическим средствам, по используемым жанрам здесь можно видеть продолжение традиций агитационной литературы начала XVII в. – периода Смуты. Например, слог воззвания Святейшего Синода: *«Внушайте сынам силы в упование на Господа сил. Вооружайте словом истины простые души, открытые нападениям коварства. Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме Веры и Отечества»* [12]. Официально распространялись письма высокопоставленных особ священнического звания: *«5 сентября проехали город Ефремов, где читали письмо Платона, митрополита Московского, к Государю Императору, пророческое. Сильное и чувствительное»* [13]. Русский цер-

ковно-проповеднический стиль XIX в. переживал период расцвета, что подтверждает и эта оценка. Прочитывались царские указы и Манифесты в приходских храмах, затем звучала проповедь священника, совершались молитва и богослужение. Таким образом, светская пропаганда дополнялась религиозно-патриотическим воспитанием.

На второе место по значимости поставим устную речь полководца как образец ораторского стиля. Необыкновенным даром доброго русского приветливого слова отличался М.И. Кутузов: *«благодарить он куда мастер – так и вытянет душу на самый кончик носа»* [14]. Отмечали также солдаты речи генерала М.А. Милорадовича и полковника Д.В. Давыдова. Образцы таких речей воспроизводятся в мемуарной литературе, и они могут быть предметом отдельного исследования. Разнообразные критические замечания вызывали печатные афиши – прокламации Ф.В. Ростопчина. Они появились ещё в июле 1812 г. по идее военного губернатора Москвы. В первой прокламации извещалось о заключении мира России с Турцией: *«Чтобы удовлетворить нетерпение тех лиц, которые везде и у всех и каждого спрашивали о подробностях, я приказал напечатать в полиции, для раздачи, несколько сот экземпляров с этим известием»* (письмо Ф.В. Ростопчина от 11 июля 1812 г.) [15]. К осени 1812 г. афиши выходили ежедневно [16].

Сохранились свидетельства об этих прокламациях: *«4 сентября обедали в Ливнах, где читали афишку от 26 августа о битве Бородинской, которая состояла в нескольких строках»* [17]. Еще об этой же афише: *«В Москве напечатали известия, дошедшие до нас, в которых говорилось, что после ужасного кровопролития с обеих сторон ослабевший неприятель отступил на восемь верст, но, что для окончательного решения битвы в пользу русских на следующий день, 27-го, сделают нападение на французов, дабы принудить их к окончательному отступлению. Таково было официальное письмо Кутузова к Ростопчину, которое и поместили в печатном известии»* (письмо от 11 ноября 1812 г.) [18]. Читаем дальше: *«известна ли тебе прокламация Ростопчина, вывешенная у его церкви в Воронове. Перед тем, как удалиться нашим войскам, в ожидании приближения французов граф сжег всё, что ему так дорого стоило, все избы крестьянские, отправил крестьян в воронежское имение и напечатал лист, в котором высказывает французам свое удивление тому, что они повинуются негодю и насильнику, каков Наполеон»* (письмо от 22 октября 1812 г.) [19].

Справедливо московский губернатор Ф.В. Ростопчин решил, что *«броды будут оплотом России»* (письмо от 11 июля 1812 г.) [20], но не нашел правильного тона в разговоре с народом. Оценка его афиш была не-

одинаковой, но преобладали отрицательные мнения: «А глупые афишки Ростопчина, писанные наречием деревенских баб, совершенно убивали надежду публики» [21]; «афишки московского градоначальника гр<афа> Ростопчина выводили всех из терпения деревенским сказочным стилем, которым желал он приблизиться к понятию черни. Около 25 августа получена в Ростове афишка его о шаре, в которое между прочим сказано, что тот шар полетит по ветру и против ветра; но вы, говорилось, не бойтесь. <...> ходила в Ростове изданная им в Москве бумага на французском и русском языках; в ней описывалось, что на мызе Воронцова каким-то иностранцем были деланы два шара и поднимали лодки... А каково было их назначение и действие от них ожидаемое – неизвестно. В этой же бумаге был описан военный суд над 12 русскими людьми, будто бы зажигателями, которые, как там сказано, и были расстреляны... 1 сентября получена в Ростове афишка Ростопчина, коя начиналась: “Братцы! Сила наша многочисленна!”. Тут он приглашал вооруженный народ собираться на Трех Горах, куда и сам обещал явиться. Часть народа действительно собралась, но он не показался и как бы тем насмеялся над усердием народа. Эта афишка произвела в Ростове величайшее уныние, её считали уже последнею мерою отчаяния, между тем это была мера безумия» [22]. Еще мнение О.А. Поздеева из Вологды в письме от 21 сентября 1812 г.: «Афишками от господина Ростопчина и князя Кутузова обманывали весьма часто, на день раза по два. Что никакой опасности нет... Афишками уверяли, что 26 августа разбили французов» [23].

Не касаясь более содержания этих афиш, обратим внимание именно на замечания о языке и стиле этих афиш. Избранный для их изложения простонародный, сознательно вульгарный слог, излишне пафосная интонация вызывали раздражение у многих. Афиши ярко продемонстрировали отсутствие в стилистической системе русского языка начала XIX в. общенародных средств, необходимых для публичного общения: публицистика еще не сложилась, российская журналистика была в зачатке, в ней явно смешивались сатира и выпренность, грубое просторечие и церковнославянские архаизмы.

Интересно мнение по поводу проблемы общения власти с народом Д.В. Давыдова: «Я на опыте узнал, что в народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях и в одежде» [24] и добавляет: «Но не писать слогом объявлений Ростопчина. Это оскорбляет грамотных, которые видят презрение в том, что им пишут площадным наречием» [25]. Ознакомимся с пушкинской оценкой ростопчинского жанра массовой агитации: «Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кроме газет, растопчинских афишек, и не открывала

ни одной книги <...> полицейские объявления графа Растопчина выводили её из терпения. Шутливый слог их казался ей верхом неприличия» [26].

Самым неоперативным средством массовой информации в 1812 г. оказалась газета: «А в газетах о занятии Москвы напечатали недели через две. Кутузов, извещая о сем несчастье публику, утешал тем, что потеря Москвы не есть потеря отечества, что он запер неприятеля в ней, перерезал пути его сообщений и снабжения продовольствием. Таким рассказам тогда никто не верил, говорили на это, что Кутузов с ума сошел» [27]. Правда, в ту пору выходили всего три газеты: «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1728 г. – нерегулярно, с 1800 г. – ежедневно), «Московские ведомости» (два раза в неделю) и еженедельные «Казанские известия» [28].

Отдельное слово – о журналах, которые оказались для общества более заметны. Прежде всего, «Сын Отечества», основанный Н.И. Гречем в 1812 г. специально в связи с событиями Отечественной войны: печатались официальные воззвания, публицистические статьи и художественные произведения о подвигах русских воинов и партизан. Событиям наполеоновских войн были посвящены многие страницы ежемесячного журнала «Русский вестник», издаваемого С.Н. Глинкой: публиковались рассказы о русской армии и информация об успехах в войне 1812 г. «Вестник Европы», выходящий два раза в месяц, который тогда редактировал М.Т. Каченовский, практиковал политические фельетоны и патриотическую лирику [29].

Весьма распространена была коммуникация с помощью частных писем. Эпистолярный стиль – культурное явление конца XVIII – начала XIX в. Именно письма тогда стали главным средством передачи информации. Интересна их оценка современниками: «*Письма из армии приходили почти каждый день, старушки искали на карте местечка бивака и сердились, не находя его*» [30]; «*Получаемые тогда их Москвы партикулярные (частные. – Г.С.) письма ничего в себе не содержали, кроме известий о здоровье и уведомлений, что завтра или послезавтра поедут на богомолье к Троице. Опасались прямо писать о побеге из Москвы, чтоб начальство не вздумало удержать*» [31]; «*Если через неделю ты не получишь от меня другого письма, значит, меня уже не будет в Москве. Куда мы поедем, не знаю, а равно не ведаю, каким образом буду получать твои письма и сама писать тебе*» (письмо от 12 августа 1812 г.) [32]; «*Я часто получаю послания от Валуевых; они так привязались ко мне в течение трех месяцев, проведенных с нами, что при всяком удобном случае посылают мне дружеские письма. Подробности, которые они сообщают мне о Москве, крайне интересны*» (письмо от 10 декабря 1812 г.) [33].

Интересны письма О.А. Поздеева, который время нашествия провел в Вологде и отсюда, а также из села Нелюбовского писал письма москов-

ским и петербургским знакомым. Вот несколько известных из его писем: «19 сентября. Ризницу от Троицы сюда привезли, Московская сюда же едет» [34]; «21 сентября. Вот до чего довело преобразование, назвавшееся философиею; очаровательное слово вольности кружит их (мужиков. – Г.С.)» [35]. Самым массовым и самым эффективным средством коммуникации были слухи, распространяемые устным путем: «мы пробиваемся слухами, распускаемыми в народе, которые большею частию не что иное, как выдумки» [36].

Закончим рассказ сведениями о художественных текстах, созданными непосредственно в дни войны и распространявшимися часто устно: это, прежде всего, народные песни (казацкие, солдатские). Образцом солдатской песни является датированное 5 (18) июля 1812 г сочинение отставного солдата Фанагорийского гренадерского полка Никанора Остафьева из Вологды (возможно, это псевдоним) – «Песнь к русским воинам». Чтобы почувствовать русский дух и русскую речь той поры, приведем этот текст полностью [37].

Братцы! Грудью послужите,

Гряньте бодро на врага,

И вселенной докажите,

Сколько Русь нам дорога!

Посмотрите, подступает

К нам соломенный народ;

Бонапарте выпускает

Разных наций хилый сброд.

Не в одной они все вере,

С принуждением все идут;

При чувствительной потере

На него же нападут.

Братцы!

<...>

Всем, наверно, дал он слово.

Что далеко к нам зайдет;

Знает, дома нездорово,

Дома также пропадет.

Мыслит: коль пришла невзгода,

Должно славу потерять,

Так от русского народа

Мне и смерть честней принять.

Братцы!

<...>

*Вся Европа ожидает
Сей погибели его;
Бонапарта почитает
За злодея своего.
Ах, когда слух разнесется,
Что от нас сей враг исчез,
Слава русских вознесется
До превыспренных небес!*

Уже в 1812 г. издаются многочисленные анонимные антинаполеоновские брошюры: «Воззвание к соотчичам, найденное у подножия памятника князя Итальянского графа Суворова-Рымникского», «Разговор двух россиян и истинные чувства российского дворянства при получении Высочайшего Манифеста от 6 июля 1812 года», «Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом», «Видение и разговор Н. с С. после сожжения Москвы и подорвания части кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую» и другие произведения [38]. Появляются и первые авторские художественные патриотические произведения, как поэма В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Но активное художественное осмысление драматических событий 1812 г. в русской литературе произойдет позже и захватит почти весь XIX в.

Таким образом, короткое по времени французское нашествие в Россию вызвало мощную волну патриотического подъема, не только активизировавшего общественную жизнь, но и энергично отразившегося в различных формах речевой коммуникации непосредственно в 1812 г. и гулким эхом прокатившегося в художественной литературе всего XIX в.

Литература и источники

1. Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С. 28.
2. Переписка Императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 90.
3. Глинка Ф.Н. Записки русского офицера // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе. М., 1987. С. 201–242.
4. Пушкин А.С. Рославлев // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1981. Т. V. С. 128.
5. Там же. С. 131–132.
6. Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 48.
7. Там же. С. 69.

8. Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 20.
9. Там же. С. 20–21.
10. Глинка Ф.Н. Записки русского офицера // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе. М., 1987. С. 233.
11. Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 31.
12. Цит. по: Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 28.
13. Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 26.
14. Солдатская переписка в 1812 году // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 188.
15. Переписка Императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 177.
16. Лажечников И.И. Новобранец 1812 года // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе... С. 167.
17. Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 26.
18. Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 62.
19. Там же. С. 60.
20. Переписка Императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 78.
21. Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 24.
22. Там же. С. 38.
23. Письма О.А. Поздеева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 106.
24. Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе... С. 17.
25. Там же. С. 117.
26. Пушкин А.С. Рославлев // Пушкин А.С. Собрание сочинений... С. 134.
27. Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 39.
28. Русская периодическая печать, (1702–1894): Справочник. М., 1959. С. 19–20, 24–25, 136–137.
29. Там же. С. 103–106, 127–128, 140–143.
30. Пушкин А.С. Рославлев // Пушкин А.С. Собрание сочинений... С. 134.
31. Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 24.
32. Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 44.
33. Там же. С. 71.

34. Письма О.А. Поздеева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 102.

35. Там же. С. 104.

36. Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников... С. 55.

37. Цит. по: Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе... С. 365–366.

38. Подробнее см.: Шведова Н. Злых фурий светоч: Образ Наполеона в русской публицистике XIX века // Родина. 2002. № 8. С. 11.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В РУССКОЙ ВОКАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Отечественная война 1812 г. оставила заметный след в русском искусстве. Она вызвала к жизни разнообразные художественные отклики – литературные, живописные, музыкальные.

Но если отражение военной темы в русской поэзии, литературе, изобразительном искусстве неоднократно рассматривалось исследователями [1], то музыкальный контекст эпохи изучен пока недостаточно. Многочисленные песни, хоры, марши, инструментальные пьесы, посвященные событиям войны 1812 г., со временем стали исполняться реже, постепенно забылись, а затем и вовсе исчезли из музыкального обихода. Сегодня известны лишь единичные издания, являющиеся библиографической редкостью и хранящиеся в крупнейших библиотеках страны.

В статье, публикуемой в этом сборнике, будет рассмотрен резонанс, который вызвала Отечественная война 1812 г. в современной вокальной культуре – как профессиональной, так и находящейся в русле фольклорной, либо полупольклорной традиции.

Прежде всего, отражением военных будней стали солдатские песни. Многие из них имели маршевый, «походный» характер и предназначались для исполнения во время движения. К наиболее популярным песням-маршам можно отнести «Вспомним, братцы, Русь и славу», «Вышли с Дону казаки», «Подвиг гренадера Коренного». Сюжетом последней стал эпизод сражения под Лейпцигом: солдат гренадерского Финляндского полка Коренной один отбивался от превосходящих сил французов и грудью защитил своего командира-полковника:

*Сам Бонапарт его прославил,
Приказ по армии отдал;
В пример всем русского поставил,
Чтоб Коренного каждый знал...*

Любопытна история известной в свое время песни «Ты помнишь ли?». По сведениям певца и композитора В.Н. Гартевельда, организовавшего в юбилейном 1912 г. концертное турне по России «Песни 1812 года» [2], песня эта – солдатская и имеет французское происхождение. В ее основе – сти-

*Долгушина Марина Геннадьевна (Вологда) – член Союза композиторов России, заведующий кафедрой теории и истории музыки и этномузыкологии Вологодского государственного педагогического университета, доктор искусствоведения, профессор.

хотворение Э. Дебро [E. Debraux], написанное как воспоминания капитана наполеоновской армии об одержанных блестящих победах. Русский текст (автор перевода неизвестен) – практически точная переделка французского оригинала, но воспевает он славу российского оружия. Наибольшие «разногласия» приходится на третий, заключительный куплет:

*Te souviens-tu que les preux d'Italie
Ont vainement combattu contre nous?
Te souviens-tu que les preux d'Iberie
Devant nos chefs ont plie les genoux?
Te souviens-tu qu'aux champs de l'Allemagne
Nos bataillons, arrivant importu,
En quatre jours ont fait une campagne;
Dis-moi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu?* [3]

*Ты помнишь ли, когда Париж надменный
Нам отворил заветные врата
И отдал лавр, коленопреклоненный, –
И ждал от нас с покорностью суда?
Ты помнишь ли, как русские знамена
Явились в нем с победным торжеством,
И мир сложил ярмо Наполеона –
Скажи солдат – ты помнишь ли о том?*

Музыка песни, не изменившаяся в процессе «русификации», принадлежит немецкому композитору Голтею [4].

Одной из красивейших лирических солдатских песен наполеоновской эпохи считается песня «Ночь темна была», в которой «солдатушки» скорбят о разоренной «Бонапартием» златоглавой Москве.

Пожар Москвы считался главным среди вызванных вторжением неприятеля бедствий. Этому трагическому событию посвящено значительное количество музыкальных композиций [5]. До наших дней сохранила известность песня «Шумел, горел пожар Московский» на стихи малоизвестного поэта Н. С. Соколова. Долгое время в салонах Москвы и Петербурга пелась «Элегия на Московский пожар» на стихи Н. М. Карамзина (автор музыки неизвестен):

*Лежат храбрейшие рядами,
Поля усеяны костями,
Все пламенем истреблено.
Не грады, только честь спасаешь,
О славное Бородино...*

Столь же непосредственным откликом на происходящие события стала музыка письменной традиции – сочинения композиторов-профессионалов и любителей-дилетантов, публиковавшиеся в первой четверти XIX в. нотными издательствами обеих столиц. Среди анонсируемых в газетах изданий ныне известны лишь по названиям «Песня на отъезд князя Голенищева-Кутузова в августе 1812 года» и «Народный хор по выслушании Манифеста о всеобщем ополчении» [6]; произведения служившего в России чешского гитариста и композитора Игнатия де Гельда «Русская баллада на освобождение Полоцка», посвященная генералу П.Х. Витгенштейну и «Элегия» на смерть М.И. Кутузова для пения с сопровождением фортепиано [7]. Нередко издание нот преследовало благотворительные цели. Так, весь сбор от продажи сочинений Гельда предназначался «в пользу разоренных от неприятеля жителей».

Одной из популярных патриотических песен, вызванных событиями 1812 г., стал «Марш всеобщего ополчения россиян»:

*России в сердце вторгся враг,
Перескочил ее границы,
Направил наглый шаг
На две ее столицы...*

Известны два музыкальных сочинения на этот текст. Первая – для хора с фортепиано – была издана в 1812 г. в Петербурге и принадлежит композитору-любителю, скрывшему свое имя под инициалами «Ф. Гр.». Это одноголосная, простая по музыкальному языку песня-марш, по-видимому, рассчитанная на массовое исполнение.

Другая интерпретация этого текста – двухголосный хор, имеющий ремарку «Марш скорым шагом». Имя автора в нотах не указано. По мнению советского музыковеда В.И. Музалевского, им мог быть популярный в то время композитор Даниил Никитич Кашин [8]. Имя этого музыканта заслуживает особого внимания. Им написано несколько военных песен и, по словам исследователя, он, более чем кто-либо из современных композиторов, сумел приблизиться «к стилю музыки военной» [9]. Значительный успех выпал на долю двух произведений этого автора – «Военной песни» и «Защитника Петрова града», посвященной генералу П.Х. Витгенштейну, а также «Авангардной песни “Пред боем”».

Песнь «Защитника Петрова града» сохранилась в двух авторских редакциях. Первая, изданная в Москве в 1812 г., – на слова Л. Кобякова («Защитника Петрова града велит нам славить правды глас...»); в ней идет речь о генерале П.Х. Витгенштейне и его сподвижниках, преградивших Наполеону путь к столице. Песня звучала в быту и на концертной эстраде и пользовалась огромной популярностью. Следствием этой популярности

и стало сочинение к ней второго текста поэтом П.А. Корсаковым. В новом варианте песня посвящена Императору Александру Первому и полной победе над французами:

*Союзных войск хвала вождям!
Союзных войск хвала царям!
В победах род славян возрос!
Ликуй, Москва, в Париже Росс!*

Сохранившееся издание этого произведения (SPb., Dalmas, [1814–1815]) содержит на титульном листе следующую информацию: «Couplets en russe sur l'air de Mr. Kachin Защитника Петрова града, a la gloire de Sa Majeste Imperiale Alexandre Premier autocrate et Empereur de tout les Russies, chantes sur le Theatre national, devant Sa Majeste l'Imperatrice Maria Feodorovna» [10], а также помету над нотным текстом: «Петя Г-м Зловым [11] на театре».

Песнь «Защитника Петрова града» была любима в столицах и провинции и долго сохраняла популярность. «Стихи в честь “Защитников Петрова града” <...> распевались в то время не только в театре, но и на каждой улице», – вспоминает П.А. Каратыгин [12]. Изданное в Петербурге в 1813 г. «Собрание разных танцев для фортепиано в пользу инвалидов, сочиненное И. Рамницем» начинается полонезом на мотив из «военной песни, посвященной в честь генералу графу Витгенштейну». Наряду со многими известными вокальными сочинениями 1820-х гг., такими как «Соловей» А.А. Алябьева, «Черная шаль» А.Н. Верстовского, «Талисман» Н.С. Титова она вошла в «Музыкальный альбом на 1831 год <...> содержащий 24 номера избранных русских песен и романсов», составленный К. Гертумом.

Не менее знаменитой была «Авангардная песнь “Пред боем”», посвященная «начальствовавшему Авангардом Армии г-ну Генералу от Инфантерии всех Российских и разных иностранных орденов кавалеру, графу Михайле Андреевичу Милорадовичу». Московское издание 1812 г., наряду с обширным текстом посвящения, содержит портрет генерала. Слова песни – «Друзья! Враги грозят нам боем...» – принадлежат Ф.Н. Глинке, во время военных действий служившего адъютантом у М.А. Милорадовича.

Поэт Ф.Н. Глинка написал несколько стихотворений о войне 1812 г. Некоторые из них он назвал песнями, и они, действительно, пелись на популярные в русском быту мелодии. «Песни» Ф.Н. Глинки представляют своего рода летопись тех героических лет: «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии», «Солдатская песня, сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года» [13], «Песнь сторожевого воина перед Бородинскою битвою», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» и др. Но на-

иболее любимой и известной осталась «Авангардная песнь» с музыкой Кашина, не случайно ее ноты и текст первого куплета Ф.Н. Глинка приложил к изданной им в 1818 г. книге «Подарок русскому солдату».

Сохранилась информация о некоторых других патриотических произведениях Д.Н. Кашина. На состоявшихся весной 1814 г. в Москве в зале генерал-майора П.А. Позднякова авторских концертах композитора, звучали его «Русская песнь», посвященная атаману М.И. Платову, и «Военная песнь на баталию при Теплице» на слова Н.Д. Горчакова, «сочиненная в честь Императорской Российской гвардии, сражающейся с неслыханным мужеством против превосходного в силах врага, 17 августа 1813 года, которую будет петь Е. Прешенковский, с аккомпанированием всего оркестра и хора певчих» [14]. Историк Н.Ф. Финдейзен упоминает также песню Д.Н. Кашина «Гремит ужасный гром» на текст Н.М. Карамзина [15].

Широкий общественный резонанс получили «Куплеты на возвращение государя-императора» «Ты возвратился благодатный» придворного капельмейстера Фердинандо Антонолини [16] для пения с сопровождением фортепиано или арфы, на слова Г.Р. Державина, прозвучавшие в исполнении В.М. Самойлова [17] на торжествах 17 июля 1814 г. в честь возвращения Александра Первого и победы над французами:

*Ты возвратился, благодатный!
Наш кроткий ангел, луч сердец!
Твой воссиял нам зрак прекрасный,
О Царь, Отечества отец!..*

Это сочинение (иногда его жанр определяли как кантату) было издано дважды – в 1814–1815 гг. и в 1820 г., после исполнения его в концерте знаменитой итальянской певицей А. Каталани [18], а в 1831 г. переиздано в упоминавшемся выше «Музыкальном альбоме на 1831 год» К. Гертума. По словам современника, песня «Ты возвратился, благодатный» «еще долго пелась по всей России» [19]. Сохранились сведения о другом «военном» опусе Антонолини – «Couplets en l'honneur du Prince de Smolensko» [20].

Тематика, связанная с Отечественной войной 1812 г., нашла отражение и в творчестве двух наиболее крупных композиторов конца XVIII – начала XIX в. Осипа Антоновича Козловского [21] и Дмитрия Степановича Бортиянского [22]. Принадлежащий О.П. Козловскому «Польский с хором “Лиры, арфы и тимпаны” на победы Светлейшего князя Михаила Ларионовича Голенищева Кутузова Смоленского, спасителя Отечества» для пения с фортепиано (СПб.: Пец, 1813) написан в излюбленном этим автором жанре торжественного полонеза. Такие полонезы, обычно исполнявшиеся солистами, хором и оркестром, сочинялись для официальных празднеств по случаю знаменательных событий в жизни страны и воен-

ных побед. Как правило, эти произведения имели трехчастную структуру. Динамически ярким крайним частям с присущей им атмосферой торжественности и всеобщего ликования противопоставлялись более камерные по характеру trio.

Полонез «Лиры, арфы и тимпаны» исследователи считают наиболее значительным из сочинений данного жанра, написанных О.П. Козловским в XIX в., справедливо отмечая в его музыке черты нарождающегося романтического искусства [23]. Текст полонеза принадлежит поэту Николаю Николаеву:

*Лиры, арфы и тимпаны
Стройтесь в единый ряд.
Пиндоры и Оссианы
Воспевайте русских чад!
Если Россы позабудут,
Что Отечеству он друг,
Так поля и реки будут
Воспевать его заслуг!*

Музыковед П.В. Грачев предполагает, что существовали и другие, не дошедшие до нас полонезы О.П. Козловского, связанные с темой Отечественной войны 1812 г. [24].

Композитор Д.С. Бортнянский вписал свое имя в «музыкальную летопись» Отечественной войны 1812 г., создав ставшую широко известной Песнь «Певец во стане русских воинов» на слова В.А. Жуковского для солиста, хора и оркестра. Стихотворение «Певец во стане русских воинов» закончено В.А. Жуковским, входившим тогда в состав Московского ополчения, 6 октября 1812 г. и написано, по его словам, «после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». О создании «Песни» В.А. Жуковского с пафосом и душевной теплотой вспоминает в своих «Очерках Бородинского сражения» Ф.Н. Глинка: «В числе молодых людей, воспитанников Московского университета, чиновников присутственных мест и дворян, детей первых сановников России, пришел в стан русских воинов молодой певец, который спел нам песнь, песнь великую, святую, песнь, которая с быстротою струи электрической перелетала из уст в уста, из сердца в сердце, песнь, которую лелеяли, которою так тешились, любовались, гордились люди XII года!» [26]. Еще до первой публикации стихотворения В.А. Жуковского в «Вестнике Европы» [27], оно стало расходиться в списках, затем выходило отдельными изданиями.

Музыка Д.С. Бортнянского написана в духе воинских застольных песен (иногда их называли «дружескими песнями»), мелодика которых обычно отличается упругостью и ритмической четкостью. В основу своего сочи-

нения композитор положил восемь строф стихотворения В.А. Жуковского. Каждая из них завершается хоровым припевом:

*Наполним кубок круговой!
Дружнее, руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падыми разлуку.*

Партитура «Певца во стане русских воинов» издана в 1813 г. Ж. Дальмасом. Она сохранилась как в печатном варианте, так и в рукописных копиях первой половины XIX в., что является несомненным свидетельством популярности [28].

И, наконец, еще одно нотное издание, о котором необходимо упомянуть. Это «Песнь Русскому Царю “Прими побед венец” / “Heil Dir im Siegeskranz” на голос Английской народной песни “Боже! Спаси Царя!” / “God save the King!” Петая гос. Самойловым в концерте, данном в пользу инвалидов 15 октября 1813 года» [29]. Выход в свет этого произведения – событие скорее политическое, чем музыкальное. Как известно, мелодия английского гимна **«God save the King!» с оригинальным либо с немецким текстом** [30] долгое время выполняла в России функцию государственного гимна. Русский перевод был «спровоцирован» именно событиями Отечественной войны 1812 г. Его выполнил А.Х. Востоков, посвятив Императору Александру Первому по случаю победы над Наполеоном. По сведениям В.Н. Гартевельда, музыка гимна была аранжирована де-Лакостом [31] и, по сравнению с прусским и английским вариантами, имела «существенную разницу в ритме» [32]. По предположению Н.Ф. Финдейзена, гимн со словами А.Х. Востокова пели до 1818 г., когда к той же мелодии В.А. Жуковским был написан новый текст, «гораздо более выразительный и художественный» [33]. В этом варианте он существовал до появления нового гимна «Боже, Царя храни!» с музыкой А.Ф. Львова.

Вокальные сочинения, посвященные Отечественной войне 1812 г., органично входили в музыкальный быт. Одно из свидетельств – нотная тетрадь неизвестного певца-любителя, относящаяся к 1820-м гг. и сохранившаяся в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки [34]. Из тридцати шести входящих в нее разнообразных по характеру вокальных композиций (авторы музыки и текста в тетради не указаны) девять имеют патриотическую направленность. Тетрадь открывает кантата Ф. Антонолини «Ты возвратился, благодатный», за ней следует «Марш всеобщего ополчения россиян», далее – «Польской» О.П. Козловского «Лиры, арфы и тимпаны». С воспеванием военной славы России связаны и другие записанные в тетрадь сочинения, например, полонезы «Умолкни брань кровава

в мире» и «Блаженствуй, торжествуй Россия» (имена их авторов установить не удалось).

Распространенной формой песенного отклика на происходящее стали исполнявшиеся «на театре» куплеты. Чаще всего они включались в вошедшие в те годы в моду «дивертисменты с пением». Многие постановки зафиксированы в дневнике А.В. Каратыгина:

«30 августа [1813]. “Праздник в стане союзных армий”, дивертисмент. Злов пел в честь государя и великих полководцев.

19 января [1814]. “Любовь к Отечеству”, балет с хорами. Самойлов пел новую песню в честь Донского войска.

2 февраля [1814]. “Русский деревенский праздник”, интермедия. Самойлова пела новую песнь с хором на отъезд Царицы нашей матушки. Слова ген. Политковского, музыка Давыдова [35].

8 февраля [1814]. “Праздник в стане союзных армий”. Дивертисмент назначен по случаю получения радостного известия об одержанной над французами победе под Бриенном...» и так далее... [36].

Куплеты «на злобу дня» нередко исполнялись как вставные номера в оперных и балетных постановках. Многие мемуаристы вспоминают, как знаменитая певица Е.С. Сандунова летом 1812 г., когда в Москву пришла весть о смерти генерала Я.П. Кульнева [37], во время представления оперы Ф. Блима «Старинные святки» неожиданно подошла к рампе и запела «Слава, слава генералу Кульневу, положившему живот свой за Отечество...». Дальше она не могла продолжать от слез. Вместе с артисткой плакали многие из публики. Но обычно включение куплетов в оперу или балет было запланировано. Так, в январе 1813 г. во время постановки оперы «Старинные святки» в Петербурге певица Е.С. Сандунова, по свидетельству А.В. Каратыгина, «пела куплеты в честь русских героев, павших в борьбе с Наполеоном» [38].

Судя по немногочисленным сохранившимся образцам, куплеты были чрезвычайно просты как по форме, так и по языку. Их отличают подвижный темп, упругость ритма, опирающаяся на аккордовые звуки мелодия, простейшие гармонические обороты в аккомпанементе. Столь же незамысловатым был и словесный текст:

Братцы, дружно веселую

Гаркнем песню в добрый час.

То-то люли, то-то люли,

То-то люшеньки-люли [39].

Пропетый солистом, текст (или припев текста) в том же одноголосном варианте повторялся в партии хора.

Общеизвестно, сколь важную роль сыграла Отечественная война 1812 г. для развития национального самосознания и поворота русского общества к русской культуре. По словам историка, война «не кончила периода заимствований, а напротив, быть может, усилила европейские влияния, но эта эпоха навела русское общество на внутренние вопросы, внушила понятие о внутренней свободе, которое и было зародышем позднейшего движения в смысле так называемой народности» [40].

В 1800–1810-е гг. «русских» романсов и песен в России писалось и публиковалось немного. Прилавки нотных магазинов наполняла вокальная музыка на итальянском, немецком и более всего – французском языке. Что же касается произведений, связанных с военной тематикой, то в них русский язык представляется единственно возможным. Хотя издавались и «военные» сочинения на французские тексты, например, «*Marche le depart pour l'armee*», «*La trompette me rapelle aux allarmes...*» («Марш на отъезд в армию», «Труба мне напоминает о тревогах...», СПб., [1813]) для пения с фортепиано. Музыка марша принадлежит известному петербургскому вокальному педагогу и композитору Н. Джулиани, а стихи – лейтенанту гусарского полка Н.П. Колюбакину, впоследствии генералу и военному губернатору Эривани [41].

После Отечественной войны 1812 г. количество произведений для пения на стихи русских поэтов стало неуклонно возрастать, и уже к середине 1820-х гг. лицо вокальной культуры России начал определять русский романс. Таким образом, песни, кантаты, куплеты военных лет, в которых на уровне авторского музыкального творчества происходило «распевание», «омузыкаливание» русской речи, явились важным шагом на пути проникновения национального элемента в отечественную вокальную музыку.

Литература и источники

1. Среди наиболее авторитетных изданий: Некрасова М.А., Земцов С.М. Отечественная война 1812 года и русское искусство. М., 1969; 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987; «России верные сыны...»: Отечественная война 1812 года в русской литературе первой половины XIX века. Л., 1988 и др.

2. См.: Гартевельд В.Н. Концертное турне по России композитора В.Н. Гартевельда «Песни 1812 года». М., 1912.

3. «Ты помнишь ли, что доблестные итальянцы / Напрасно сражались против нас? / Ты помнишь ли, что доблестные испанцы / Преклоняли колени перед нашими командирами? / Ты помнишь ли, как поля Германии / Наступая, занимали наши батальоны, / Четыре дня продолжалась кампания / Скажи солдат, скажи, ты помнишь ли?».

4. Сведений о нем обнаружить не удалось.

5. Наиболее известным инструментальным сочинением на эту тему является фортепианная фантазия придворного капельмейстера Д. Штейбельта «Изображение объятый пламенем Москвы».

6. О книгах // Санкт-Петербургские ведомости. 1812. 25 окт.

7. Московские ведомости. 1813. 17 дек.

8. Кашин Даниил Никитич (1770–1841) – русский композитор и педагог. До 1799 г. был крепостным помещика Г.И. Бибикова. Автор опер, вокальной музыки, произведений для фортепиано. Собиратель народных песен. По словам Музалевского, «Марш...» напоминает один из хоров Д.Н. Кашина – «Польской и экосез для фортепиано с певчими, игранные в 1809 году июня 29 дня на празднике, данном чиновниками в знак благодарности почтенному их начальнику Петру Степановичу Валуеву и поднесенный ее превосходительству Дарье Александровне Валуевой сочинителем Даниилом Кашиным». Об этом см.: Музалевский В.И. Песни русских композиторов о 1812 годе // ОР РНБ. Ф. 1110. Оп. 1. № 101. Л. 5.

9. Музалевский В.И. Возрожденная песня 1812 года // ОР РНБ. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

10. «Куплеты русские на арию г-на Кашина “Защитника Петрова града” во славу Его Императорского Величества Александра Первого, самодержца и Императора всех русских, петая в национальном театре в присутствии Ее Величества Императрицы Марии Федоровны».

11. Злов П.В. (1774–1823) – известный русский певец (бас).

12. Цит. по: Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 206.

13. Перед текстом этой песни указано, что ее следует петь «на голос “Веселяся в чистом поле”» – арии из популярной оперы Г. Раупаха «Добрые солдаты».

14. Московские ведомости. 1814. 8 апр.

15. Финдейзен Н. Музыка и театр в эпоху Отечественной войны // Русская музыкальная газета. 1912. № 33–34. Стлб. 663.

16. Антонолини Фердинандо (? – 1824) – итальянский композитор и дирижер. С 1796 г. работал в России. Автор опер, водевилей, камерной вокальной музыки.

17. Самойлов В.М. (1782–1839) – известный русский певец (драматический тенор).

18. «Ты возвратился, благодатный». *Couplets russes avec accompagnement de piano-forte, presentes a <...> l'imperatrice Maria Feodorovna / Paroles de M-r Derjavin, musique de M-r Antonolini et chantes par madame Angelique Catalani. St.-Pet., Dalmas [1820].*

19. Фаминцын А.С. Биографический словарь русских музыкальных деятелей. Т. 1. // ОР РНБ. Ф. 805. Оп. 1. № 8. Л. 25.

20. В переводе это звучит так: «Куплеты в честь Князя Смоленского». Кроме того, также отметим, что приведенное сочинение упоминается в каталоге петербургского издателя и продавца нот Ж. Дальмаса за 1815 г.

21. Козловский Осип Антонович (1757–1831) – поляк по национальности, в 1803–1819 гг. служил директором музыки Императорских театров. Автор романсов, «российских песен», инструментальных пьес, героико-патриотических полонезов и музыки к театральным постановкам.

22. Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) – управляющий Придворной певческой капеллой (с 1796 г.). Автор опер, хоровых произведений, камерной вокальной и инструментальной музыки.

23. Соколова А.М. О.А. Козловский // История русской музыки. М., 1986. Т. 4. С. 99.

24. Грачев П. О.А. Козловский // Очерки по истории русской музыки, 1790–1825. Л., 1956. С. 185.

25. Композитор Д.С. Бортнянский не единожды обращался к созданию музыкальных сочинений военно-патриотического содержания. Сохранилась его кантата «Страны российские, ободритесь» на слова Г.Р. Державина, написанная по случаю победы русских войск на Дунае в августе 1805 г., рукописная партитура которой находится в библиотеке Московской консерватории. Известен факт написания им в 1814 г. кантаты «Гряди, гряди Благословленный» на слова Ю.А. Нелединского-Мелецкого и П.А. Вяземского. Об этом см.: Рыцарева М.Г. Композитор Д. Бортнянский. Л., 1979. С. 248.

26. Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 309–310.

27. Вестник Европы. 1812. № 23–24.

28. Одна из рукописных копий хранится в Центральном государственном музее музыкальной культуры имени М.И. Глинки.

29. Опубликована издательствами Пеца в Санкт-Петербурге и Ленгольда в Москве.

30. Гимн Пруссии исполнялся на ту же мелодию.

31. Лакост Жан (Иван) [Lacoste, La Coste] – в 1810-е гг. опубликовал в петербургских издательствах более двадцати музыкальных сочинений: танцев для фортепиано, романсов на русском и французском языках, а также – «Торжественный марш на вступление в Париж союзных армий 19 марта 1814 года под предводительством Императора Всероссийского Александра I». Биографических сведений о нем обнаружить не удалось. Возможно, он служил в Институте работающих слепых.

32. Программа Большого исторического концерта В.Н. Гартевельда 25 октября 1911 г. в Большой зале Российского Благородного Собрания. 1812 год (Песни, танцы и марши эпохи Наполеона I). См.: ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 526. Л. 1.

33. Финдейзен Н. Музыка и театр в эпоху Отечественной войны // Русская музыкальная газета. 1912. № 33–34. Стлб. 665.

34. ОР РНБ. Ф. Титова. Д. 1527. Л. 76–109.

35. Давыдов С.И. (1777–1825) – композитор и капельмейстер, автор театральной (оперы, балеты, музыка к трагедиям) и хоровой музыки.

36. Цит. по: Финдейзен Н. Музыка и театр в эпоху Отечественной войны // Русская музыкальная газета. 1912. № 33–34. Стлб. 660–661.

37. Генерал-майор от кавалерии Я.П. Кульнев, о храбрости которого ходили легенды, погиб в сражении под Клястицами. Это был первый русский генерал, погибший в этой войне.

38. Цит. по: Финдейзен Н. Музыка и театр в эпоху Отечественной войны // Русская музыкальная газета. 1912. № 33–34. Стлб. 660.

39. Куплеты из дивертисмента «Возвращение ополчения», «пятье гос<подином> Самойловым». СПб., Пец; М., Ленгольд, 1815.

40. Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // Русский архив. 1870. Кн. 2. С. 743.

41. Известно только лишь одно сохранившееся издание этого произведения, оно в настоящее время хранится в библиотеке Калифорнийского университета. Копия его в виде микрофильма имеется в Российской Национальной библиотеке.

И.К. Канунникова*

СТИХОТВОРЕНИЕ А. де ЛАМАРТИНА «БОНАПАРТ» И ОТКЛИКИ НА НЕГО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Если в живописи отразились победы Наполеона, моменты его героического взлета (например, образ очарованного всадника, летящего к победе в картине Жака Луи Давида «Бонапарт на Сен-Бернарде», написанной в 1801 г.), то поэзия обратилась к нему в моменты его поражений. В 1814 г. на отречение Наполеона откликнулся английский поэт Джордж Гордон Байрон своей Одой, в 1815 г. юный Пушкин напишет стихотворение «Наполеон на Эльбе».

На смерть Наполеона на острове святой Елены в 1821 г. первым написал оду «Пятое мая» Алессандро Мандзони. Для него Наполеон – великий человек, человек судьбы (*l'uomo fatale*), в которого Господь вложил творческий дух. Он совершил грех, стремясь к власти, доступной только Всевышнему. Но Господь во время унижений и страданий простил его. Слава Господа в том, что перед ним склонился великий человек (*superba altézza*) [1]. Стихотворение Мандзони было восторженно принято современниками. Его перевел на немецкий язык И.В. Гете и на русский – Ф.И. Тютчев.

Написание своего стихотворения поэт Альфонс де Ламартин датировал 24 июня 1823 г. Оно вошло в сборник «*Nouvelles méditations*» [2].

Стихотворение вызвало добрый отзыв А.И. Тургенева, А.С. Пушкина и П.А. Вяземского.

В статье «О Ламартине и современной французской поэзии» П.А. Вяземский отметил: «Он первый покорился владычеству новой музыки, так сказать, музыки внутренней, стал искать вдохновений более в глубине души, нежели в зрелище внешнего мира» [3]. Эта склонность к «внутренней музыке» проявилась в жанровом своеобразии лирики А. де Ламартина. Он определяет свои лирические жанры, как *méditation poétiques, harmonies poétiques et religieuses*.

Энциклопедический словарь *Hachette* поясняет: *mediter* – изучать, размышлять глубоко на какую-либо тему [4]. И, действительно, в стихотворении «Бонапарт» главное – мысль. Кстати, именно точность этой мысли часто искажается при переводе на русский язык. Это стихотворение было переведено двумя русскими поэтами, которых объединяет не только общность источника. Оба они – люди с трагической судьбой, осмелившиеся

*Канунникова Ирина Константиновна (Вологда) – кандидат филологических наук, доцент.

спорить с деспотизмом русской власти и жестоко пострадавших за это (Н.С. Бобрищев-Пушкин, А.И. Полежаев).

Кстати, интерес к личности Бонапарта у обоих не случаен, а видимо, связан с внутренним стремлением к сопротивлению официальной власти.

Интересно еще и то, что представление о складывающейся в поэзии романтической легенде о Наполеоне Бонапарте не совсем верно. Романтическая легенда сложилась, скорее, в живописи. В поэзии с самого начала возникает элемент рефлексии, размышления и о судьбе героя, и о смысле человеческой жизни вообще, и о соотношении сильной личности с народными судьбами. В каждом романтическом стихотворении о Наполеоне Бонапарте выявляются лирический герой, субъективное начало. Мы слышим обращение одного сильного человека к другому – на равных в «Оде к Наполеону Бонапарту» Байрона.

*А ныне над твоим позором
Хохочет тот с надменным взором,
Кто сам паденья ужас снес,
Остался в преисподней твердым,
И умер бы, – будь смертен, – гордым!* [5].

Диалогичность характерна и для стихотворения А. де Ламартина. Местоимение «ты», обращенное к Наполеону, исчезает только в восьми из тридцати строф. Лирический герой А. де Ламартина оказывается духовно выше сильной личности, действующей на уровне суетных и эгоистичных устремлений. Особенность стихотворения А. де Ламартина еще и в том, что он создает мотивы и образы, ставшие поводом для дальнейшей поэтической разработки.

Первые четыре строфы А. де Ламартина совершенно оригинальны, и именно на них мы встречаем отклики в русской поэзии. Они строятся на антитезе между одинокой безымянной могилой на берегу скалы, в которую бьют морские волны, и громкой славой человека, похороненного здесь. При всей одушевленности пейзажа А. де Ламартина поражает его почти классическая сдержанность. При переводе А.И. Полежаев сильно романтизирует текст: вместо просто «скала» – «дикая скала», вместо «могила» – «гробница мрачная» [6], которая еще к тому же приветствует задумчивого пловца. У А. де Ламартина лодочник издалека видит белеющую на скале могилу.

Первое стихотворение – отклик на пейзаж А. де Ламартина принадлежит Ф.И. Тютчеву и совершенно справедливо считается его оригинальным произведением, так как написано в ключе его пейзажной лирики.

*Душой весны природа ожила,
И блещет все в торжественном покое:
Лазурь небес и море голубое,*

*И дивная гробница и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом [7].*

«Душа весны» передается через эпитеты: лазурь небес, торжественный покой, новый цвет; мрамор, весною разогретый; и в этом цветении – дивная гробница и скала. Все одушевлено глаголами: ожила, блещет, покрылись, чуть зыблются. Могила Наполеона поглощена весенним цветением, романтическая антитеза между славой Наполеона и его гробницей на скале стирается, сводится на нет живым движением жизни.

В седьмой, восьмой и девятой строфах Ламартин говорит о победе Наполеона над веком Просвещения, над революцией:

*Этот век, пена которого вовлекла в свое движение
Нравы, королей, богов, – отхлынул к своему истоку,
Отступил перед тобой.*

*И всех великих имен единственный осквернитель,
Ты играл с ними, как преступная рука
С чашами алтаря [8].*

Мысль о том, что революционный век породил героя, ставшего его победителем, выражена в девятой строфе:

*Так в приступах беспомощного бреда,
Когда старый век рвет себя собственными руками,
Издавая в своих цепях крик свободы,
Герой вдруг поднимается из праха,
Разит его своим скипетром... он пробуждается, и
иллюзия
Падает перед истиной [9].*

При переводе стихотворения Н.С. Бобрищев-Пушкин считает необходимым сделать примечание: «Разумеется здесь виновники и вожди Французской революции», «то есть с мечтою свободы, обувавшей Францию» [10].

Дерзкий А.И. Полежаев переводит очень откровенно:
*Ты славой наречён над вольностью царём;
Возвышенных имён могучий осквернитель,
Ты слабостью играл, как демон-соблазнитель
Играет с чашей алтарей [11].*

А.С. Пушкин откликается на этот мотив своим поэтически непререкаемым, как последний суд, выводом:

*Сей всадник перед кем склонялися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари* [12].

Десятую строфу опустили оба переводчика – и А.И. Полежаев и Н.С. Бобрищев-Пушкин, – и, кажется, ни один из русских поэтов не повторил мысли, выраженной в ней. Автор стихотворения А. де Ламартин сожалеет здесь, что Наполеону Бонапарту не пришлось в голову, победив революцию, передать скипетр в законные руки.

Soldat vengeur des rois, plus grand que ses rois memes [13].

Так же, как и его отец, А. де Ламартин был настроен отрицательно к Наполеону, узурпатору власти. Он не служил при Бонапарте. В 1815 г. он в гвардии Людовика XVIII, во время ста дней уезжает в Швейцарию.

Следующие строфы представляют несколько необычный взгляд на внутренний мир Наполеона Бонапарта. Поэт отрицает в нем все человеческое, для его героя важны только война и власть...

*Comme l'aigle regnant dans un ciel solitaire.
Tu n'avais qu'un regard pour mesurer la terre
Et les serres pour l'embrasser.
La volonté volait comme ce trait rapide
Qui va frapper le but ou le regard le guide,
Meme a travers un coeur ami!* [14].

В переводе А. И. Полежаева:

*Так меткая стрела летит до верной цели,
Хотя б сквозь дружескую грудь* [15].

Духовная жизнь возникает у героя только после падения, «между тронном и могилой». Воспоминания о славе прерываются внезапным страхом; возникают образы дымящихся руин города, долины, пенящейся человеческой кровью, труп жертвы. Кульминация стихотворения – воспоминание об убийстве герцога Энгиенского, которое вызывает ассоциацию с муками совести леди Макбет.

Преступление заставляет сомневаться в гении героя.

*C'est pour cela tyran! que ta gloire ternie
Fera par ton forfait douter de de ton genie.*

Последние строфы о Божием суде заканчиваются великолепной строкой:
*Et vous, fléaux de dieu! qui sait si le genie
N'est pas une de vos vertus !* [16].

Не совсем корректно передается эта строка у Н.С. Бобрищева-Пушкина:

А вы, бичи небес! – кто ведает – ваш гений

Не в доблесть ли дается вам? [17].

Более близок к замыслу поэта перевод А.И. Полежаева:

Что значит человек? Увы, быть может, гений

Есть добродетель падших душ [18].

И продолжение этого размышления чувствуется в глубоком философском диалоге Моцарта и Сальери в маленькой трагедии А.С. Пушкина:

Гений и злодейство – две вещи несовместные...

И после убийства:

Но, может быть, он прав, и я не гений?

Вспоминая Наполеона, русские поэты неизбежно приходят к родной теме: 1812 год, Бородино, Москва.

На смерть Наполеона А.С. Пушкин отозвался одновременно с Мандзони, до Ламартина. Самым экспрессивным моментом в его стихотворении оказывается не осуждение незаконной расправы с герцогом Энгийенским, а выражение отношения к гибельному для Наполеона походу в Россию и гордость за свой народ.

Надменный, кто тебя подвигнул?

Кто обуял твой дивный ум?

Как сердца русских не постигнул

Ты с высоты отважных дум? [19].

Вторит ему в стихотворении 1829 г. М.Ю. Лермонтов:

Творец смешал неколебимый ум,

Ты побеждён московскими стенами... [20].

Именно М.Ю. Лермонтов создал бессмертное «Бородино» (1837 г.), стихотворение глубоко русское и народное.

Русская поэзия пережила всю гамму чувств по отношению к Наполеону: от ненависти («Самовластительный злодей, тебя, твой трон я ненавижу...») к признанию обаяния памяти о нем («воспоминанья величавы»). Но, кажется, самое глубокое философское осмысление наполеоновской темы находим в стихотворении Ф.И. Тютчева 1850 г.

Здесь он подводит итог поднятой А. де Ламартином теме – Наполеон и революция.

Сын революции, ты с матерью ужасной

Отважно в бой вступил и изнемог в борьбе.

Не одолел ее твой гений самовластный!

*Бой невозможный! Труд напрасный!
Ты всю ее носил в самом себе!* [21].

Это поэтическое воплощение размышления о парадоксальном противоречии в личности Наполеона в незавершенном трактате Ф.И. Тютчева «Россия и Запад» [22]. Империю Наполеона он назвал «коронованная революция». Сам Ф.И. Тютчев мечтал о православной державе, которую можно было бы создать без насилия. На замечание еще одной сильной личности, германского канцлера Бисмарка, что единство нации достигается только «железом и кровью», Ф.И. Тютчев ответил:

*«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спясть его любовью,
А там посмотрим, что сильней* [23].

Итак, основные мотивы стихотворения А. де Ламартина, оказавшиеся близкими русской поэзии: одинокая могила на скале, Наполеон – победитель революции, жестокость Наполеона, его единственная цель – война и Империя, преступления Наполеона, которые заставляют усомниться в его гении и в природе гениальности вообще. Стихотворение было воспринято русской поэзией, но мотивы его переосмыслились, разрабатывались в иных политических контекстах и постепенно подчинялись главным для русских поэтов темам: поражение Наполеона в России, судьба Москвы, слава русского народа.

Литература и источники

1. Manzoni A. Il cinque Maggio // Итальянская поэзия в переводах Евгения Соколовича. М., 2000. С. 204.
2. Lamartine Alphonse de. Méditations poétiques. Paris, 1981.
3. Вяземский П. А. О Ламартине и современной русской поэзии // Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2. С. 137.
4. Dictionnaire Hachette. Paris, 1997. P. 1192.
5. Байрон Джордж Гордон. Ода к Наполеону Бонапарту. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1981. Т. 2. С. 69.
6. Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В.Э. Вацуро. М., 1989. С. 413.
7. Тютчев Ф.И. Избранное. Ростов-на-Дону, 1995. С. 30.
8. Lamartine Alphonse de. Méditations poétiques. Paris, 1981. P. 135–136.
9. Там же. С. 136.
10. Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры... С. 553.
11. Там же. С. 413, 415.
12. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1985. Т. 1. С. 304.

13. Lamartine Alphonse de. *Méditations poétiques*. Paris, 1981. P. 136.
14. Там же. С. 136–137.
15. Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры... С. 415.
16. Lamartine Ade. *Méditations poétiques*. P. 139–140.
17. Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры... С. 557.
18. Там же. С. 421.
19. Пушкин А.С. Сочинения: В 3-х т. М., 1985. Т. 1. С. 252.
20. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2-х томах. М., 1988. Т. 1. С. 27.
21. Тютчев Ф.И. Избранное. Ростов-на-Дону, 1985. С. 129.
22. Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Литературное наследство. Т. 97: Ф.И. Тютчев. М., 1988. Кн. 1. С. 223–224.
23. Там же. С. 194.

С.В. Бандура*

**«НА ПОЛЬЗУ ДОРОГОГО ОТЕЧЕСТВА...».
МЕДАЛИ В ПАМЯТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
И ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА РУССКОЙ АРМИИ В СОБРАНИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ**

Как Запад с Севером сражался,
И гром о громы ударялся,
И молнии с молниями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном...

Г.Р. Державин.

*Гимн лиро-этический на прогнание
французов из Отечества.
1812–1813.*

История России богата событиями, которые можно назвать эпохальными как для государства, так и для народа. Отечественная война 1812 г. имела ключевое значение для русского общества. Самая кровопролитная война XIX в. долго переосмыслилась соотечественниками, способствовала росту патриотизма, национального самосознания. О ней вспоминали и через сто лет: в 1912 г. были выпущены издания с описанием событий войны, установлены памятники, учреждены юбилейные медали. Самыми известными памятниками, появившимися в память войны 1812 г., были храм Христа Спасителя в Москве, Александровская колонна на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. Литературным памятником событиям Отечественной войны стал роман Л.Н. Толстого «Война и мир».

Память о войне была увековечена в медальерном искусстве. В собрании Национального музея Республики Коми хранятся медали из серии «На события Отечественной войны 1812–1814 гг.». Автор этой известной серии граф Фёдор Петрович Толстой (1783–1873) – скульптор, живописец, график и медальер. По мнению искусствоведов, он занимал «центральное место в истории русского медальерного искусства XIX века».

Серия в деталях раскрывает события Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Сражения и победы русской армии запечатлены с совершенством художественного мастерства, воплощая лучшие черты классицизма. Серия состоит из двадцати медалей:

* **Бандура Светлана Владимировна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Национального музея Республики Коми.

«Родомысл девятогонадесять века», «Народное ополчение», «Бородинская битва», «Освобождение Москвы», «Сражение при Березине», «Первый шаг Александра I за пределы России», «Битва при Лейпциге», «Взятие Парижа» и др. Известно, что автор работал над разработкой медалей более 20 лет. В 1813 г., когда произошла битва под Лейпцигом, и русские войска победоносно шли по Европе, Ф.П. Толстой решил воплотить идею «прославления подвига русского народа, его патриотического служения Родине». Создание медалей шло постепенно: был изучен исторический материал, созданы рисунки, затем рисунки перенесли на воск, вырезали медные формы, с которых сделали гипсовые отливки. К 1830 г. работа над серией была завершена. Представленная на Академической выставке в Лондоне серия медалей на события Отечественной войны 1812–1814 гг. была удостоена награды. По мнению современников, медали были так совершенны, что «ни одна страна не создала ничего более прекрасного в течение последних столетий» [2, с. 15–18].

Серия была очень популярна. Она тиражировалась в разном материале, в том числе и в бронзе. В 1834–1836 гг. медали были выполнены на Петербургском монетном дворе. Штемпели к медалям по эскизам Ф.П. Толстого изготовили медальеры монетного двора А.П. Лялин и А.А. Клепиков. Александр Павлович Лялин (1802–1862) и Алексей Алексеевич Клепиков (1801–1852) – выдающиеся мастера медальерного искусства, оба в разное время служили главными медальерами монетного двора. Большую часть их творчества заняло воплощение в стальных штемпелях в период с 1834 по 1839 г. моделей и рисунков Ф.П. Толстого, посвященных событиям 1812–1814 гг., русско-персидской и русско-турецкой войн. Помимо того, они «внесли вклад в разработку в русском искусстве новой темы, связанной с явлениями экономической жизни страны» [1, с. 147].

В собрании Национального музея сохранились выполненные из бронзы медали с несколькими сюжетами войны 1812–1814 гг.: «Народное Ополчение», «Бой при Малоярославце», «Бегство Наполеона за Неман», «Переход за Рейн», «Сражение при Бриене», «Мир Европе» [3].

Лицевую сторону всех медалей этой серии занимает изображение российского императора, в годы правления которого происходили памятные события. Император-победитель Александр I предстает в образе Родомысла – славянского бога мудрости и храбрости [3, с. 59]. Александра в древнерусском вооружении со щитом в левой руке. На щите – изображение государственного герба, по окружности щита над ободком из лаврового венка – сцена боя и аллегорическая фигура России, сидящая на постаменте, с надписью: ЛЕЙПЦКЪ, внизу справа – Р.А.КЛЕ (резал А. Клепиков). На щите аверса медалей этой исторической серии неслучайно появилось

название города, у подножия которого 16 октября 1813 г. произошла одна из величайших битв эпохи наполеоновских войск, вошедшая в историю под названием «битва народов». Сражение при Лейпциге закончилось полной победой союзных войск. Империя Наполеона рушилась. Именно известия о победе в битве при Лейпциге подвигли Ф.П. Толстого на создание серии медальонов, ставшей «кульминационной точкой всего творчества» художника [1, с. 128].

Сюжеты оборотных сторон медалей посвящены батальным сценам. Следуя нормам классицизма, события переданы не прямолинейно, а посредством аллегии. Так, на медали «Народное ополчение» мы видим статную женщину в русской одежде, олицетворяющую Россию. Опершись левой рукой на щит, на котором изображен герб России – двуглавый орел, правой она раздает мечи ополчению. Три мужские фигуры, представляющие ополчение: воин, в славянском вооружении, олицетворяющий русское дворянство, старец – купечество, людей разных чинов и званий и юноша, представляющий земскую Русь, принимают оружие [3, с. 59–60]. У подножия женской фигуры лежат сосуды, золото и другие драгоценности; по краям подножия видны барельефы: на переднем крае представлены три славянских воина, идущие в битву; на боковом – три мужские и две женские фигуры, приносящие сосуды, деньги и проч.; с левого края этой стороны подножия изображен старец, а с правого – вооруженный воин. Композиция очень точно раскрывает авторский замысел: показать Россию в образе правительницы, собирающей на свою защиту весь русский народ.

Следующие медали в коллекции музея посвящены сражениям Отечественной войны: сражению под Малоярославцем, бегству Наполеона за Неман и событиям, развернувшимся за пределами России. Сражение под Малоярославцем стало крупной стратегической победой русской армии и предопределило дальнейшее отступление французской армии по смоленской дороге. В сражении у Малоярославца 24 октября (12 октября по ст. стилю) 1812 г. наступление французской армии на юг было остановлено. На медали «Бой при Малоярославце» изображена многофигурная композиция: «вооруженный воин ударом меча рассекает меч врага, другой противник ищет спасения в бегстве, а двое, пораженные, лежат на земле, тут же видны брошенный меч и неприятельское знамя» [4, с. 60]. На оборотной стороне медали под обрезом – трехстрочная надпись с указанием автора серии графа Ф.П. Толстого и медальера А. Клепикова, повторившего медаль в память Отечественной войны на Петербургском монетном дворе в 1835 г.: СЪ МЕДАЛЬЕНА ГРАФА ТОЛСТОВА/РЪЗАЛЬ А.КЛЕПИКОВ. 1835./1812.

На медали «Бегство Наполеона за Неман» изображен «галльский воин, который бросив оружие и доспехи, перебегает, оглядываясь назад, через

реку Неман». Неман аллегорически «изображает спящий старец, с закованными ногами, с веслом на правом плече, опрокинувшийся на урну с вытекающей замёрзшею водой» [4, с. 62]. Под обрезами – трехстрочная надпись. Медаль «Бегство Наполеона за Неман» отражает отступление французской армии за пределы России. Сраженные напором авангарда войск М.И. Кутузова и сильными морозами в декабре 1812 г. наполеоновская армия вынуждена была бежать за р. Неман, по которой проходила граница России и Пруссии.

В 1813–1814 гг. состоялся заграничный поход русской армии. В известной серии увековечены сражения на территории Европы: битвы при Кульме, Лейпциге, Арсис-Сюр-Об, Фер-Шемпенуазе, освобождение городов: Берлин, Амстердам, Париж. В коллекции музея хранятся медали, посвященные переходу за Рейн в 1813 г., сражению при Бриене в 1814 г. и медаль «Мир Европе» 1815 г., завершившая всю историческую серию.

В ноябре–декабре 1813 г. значительная часть войск России, Пруссии и Австрии стояла на границе Франции по Рейну. В конце декабря корпуса союзников совершили переход через Рейн. В начале 1814 г. русская гвардия во главе с Александром I вступила во Францию. На оборотной стороне медали «Переход за Рейн» «русский воин в кольчуге и шлеме, со щитом на левой руке и поднятым мечом в правой руке, переходит через Рейн – струю воды, вытекающую из опрокинутой урны, обвитой виноградной лозой; слева, облокотясь на урну, спиной к воину сидит с венком на голове и веслом в правой руке мужская фигура, олицетворяющая реку Рейн» [4, с. 64]. Сверху надпись: ПЕРЕХОДЪ ЗА РЕЙНЪ. Под обрезами надпись в две строки: С МЕДАЛ. Г. ТОЛСТОВА. Р. А. ЛЯЛИНЪ. 1835./1813.

Первое крупное сражение на территории Франции состоялось у замка Бриен 17 января (29 января по ст. стилю) 1814 г. Это была не очень удачная для союзных войск битва: русско-прусская армия под командованием Г.Л. Блюхера пришлось отступить к Ла-Ротьеру. На медали «Сражение при Бриене» «русский воин готовится поразить копьем упавшего у его ног и прикрывшегося щитом галльского воина, шлем и меч которого лежат на земле, а на щите изображена коленапреклоненная женщина в тунике и городской короне, кормящая из чаши крылатого дракона» [4, с. 65]. Под обрезами трехстрочная надпись: СЪ МЕДАЛЬЕНА ГРАФА ТОЛСТОВА/РЪЗАЛЬ А. КЛЕПИКОВЪ. 1835./1814.

Последней медалью в знаменитой серии была медаль «Мир Европе». Сюжет оборотной стороны также передан через аллегорическую фигуру. Представляющая Россию женская фигура, с короной на голове и в порфире, украшенной двуглавыми орлами, левой рукой держит жезл, с двуглавым орлом на вершине; правая поднята горизонтально пред Гением мира (в римской

мифологии дух-хранитель). Преклонив правое колено, он положил правую руку, на которой висит лавровый венок, на щит с изображением Европы, похищаемой Юпитером; в левой руке Гения свиток, с надписью: 1815 (датой разгрома наполеоновских войск под Ватерлоо). У ног женской фигуры, с левой стороны, на поверженном знамени, на котором изображена буква N, сидит двуглавый орел; на груди его щит с изображением буквы A и короны над ней. Посредством образов античной мифологии, лежавших в основе классицизма, медальер передает мысль о завершении кровопролитных событий, низвержении Александром-победителем Наполеона. Лавровый венок – символ света, очищения, исцеления на щите – на главном оборонительном орудии с известным сюжетом римской мифологии «Похищение Юпитером Европы» символизирует воцарение мира в Европе.

Медали из серии «На события Отечественной войны 1812–1814 гг.» поступили в собрание Национального музея Республики Коми в 1943 г. – в переломный год Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Передал их в музей Николай Карлович Нилендер, эвакуированный из Ленинграда. К сожалению, мы практически ничего не знаем о том, как сложилась его судьба, пережил ли он тяжелые военные и послевоенные годы. Но спустя полвека с большой благодарностью вспоминаем о человеке, благодаря которому в фондах музея появились произведения медальерного искусства, напоминающие о славных страницах истории России.

Литература и источники

1. Шукина Е.С. Два века русской медали. Медальерное искусство в России 1700–1917 гг. М., 2000.
2. Шуткина М.А. Медальер Фёдор Петрович Толстой // Нумизматический альманах. 1(12). 2000.
3. ГБУ РК «Национальный музей Республики Коми». № КП 1912, 1914, 1915, 1918, 1917, 1919.
4. Смирнов В.П. Описание русских медалей. СПб., 1908.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С.А. Кропачев (Краснодар)

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ХОЛОКОСТА И ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ЕГО ЖЕРТВ

Изучение истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны относится к динамично развивающимся научным направлениям в современной российской историографии, что подтверждают первые историографические обзоры [1]. Количество общих и специальных работ, публикаций документов и мемуаров очевидцев, посвященных трагедии евреев в 1941–1945 гг., непрерывно растет. Сложился круг исследователей и исследовательских структур, в центре внимания которых постоянно лежат указанные вопросы, они находят свое отражение на различных научных форумах. Обращение к Холокосту и его последствиям в средствах массовой информации, расширяющийся выпуск учебной и популярной литературы, создание соответствующих электронных ресурсов, а также меры по увековечиванию жертв нацистского террора свидетельствуют, что он занимает все более значимое место и в историческом сознании российского общества. Особое значение в рамках рассматриваемого направления занимает выявление численности еврейских жертв нацизма. Нередко именно с определением масштаба Холокоста связывается его общая оценка.

Между тем всего два с половиной десятилетия назад данной темы как самостоятельной научной проблемы в советской историографии практически не существовало. Умолчание о Холокосте началось непосредственно в годы Великой Отечественной войны. В своих официальных выступлениях Председатель Государственного комитета обороны СССР И.В. Сталин, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов и другие советские руководители не раз осуждали массовые репрессии немецко-фашистских захватчиков против советского населения, многочисленные казни, насилие и грабежи. При этом, как правило, говорилось об уничтожении «мирных жителей» без указания их национальной принадлежности.

В конце 1942 г. знаменитый физик А. Эйнштейн вместе с писателями Ш. Ашем и Б.-Ц. Гольдбергом предложил ЕАК подготовить «Черную книгу» – сборник документов об уничтожении нацистами евреев. После длительных переговоров советское руководство дало согласие на сотрудничество, посчитав, что использование темы еврейских жертв в тот мо-

мент могло сыграть положительную роль в укреплении антигитлеровской коалиции. В 1944 г. в США создали исполнительный комитет по изданию «Черной книги», куда должны были войти и материалы о гибели советских евреев.

Примерно в то же время в СССР писатель и военный корреспондент И.Г. Эренбург самостоятельно решил составлять «Черную книгу» трагедии советских евреев в период Великой Отечественной войны из собранных документов, писем, дневников, свидетельских показаний. С 1943 г. он постоянно получал письма от фронтовиков, рассказывавших о тех ужасах, с которыми они сталкивались на освобожденной советской территории. В свою очередь, И.Г. Эренбург не раз писал в ответ своим корреспондентам: «Я работаю над “Черной книгой” – сборником об убийстве немцами еврейского населения. Все, что услышите и увидите, запишите и пришлите мне» [2]. Часть собранных им свидетельских показаний была опубликована уже в годы войны [3].

Весной 1944 г. для подготовки «Черной книги» в СССР была создана Литературная комиссия, которую возглавил И.Г. Эренбург, а затем В.С. Гроссман. В 1944–1945 гг. И. Эренбург и В. Гроссман составили два тома книги «Убийство народа» на идише и передали рукопись ЕАК. Материал о трагедии евреев в годы Второй мировой войны по собственной инициативе также собирали Б. Горбатов, В. Инбер, А. Суцкевер и другие военные корреспонденты, писатели и поэты. Уже в самом конце войны, в апреле 1945 г. вышла на латышском языке книга писательницы А. Саксе и поэта Я. Судрабкалнса «*Paņ vaacu fassistisko briesmonnu zveŗiibaam Padomju Latvijaā*» («О зверствах немецко-фашистских чудовищ в Советской Латвии») [4]. Авторы на основе документов и лично собранных ими свидетельств раскрыли трагедию оккупации Латвии, приведя многочисленные факты уничтожения евреев.

После войны тема Холокоста так и не стала самостоятельным исследовательским направлением в СССР. В первые послевоенные годы факты гибели евреев на оккупированной советской территории приводились в отдельных статьях в периодической печати, а также в крайне немногочисленных книгах, подчеркивающих их сопротивление противнику [5]. Документальные свидетельства еврейской трагедии приводились в итоговой публикации сообщений ЧГК, а также в материалах судебных процессов над нацистскими военными преступниками и их пособниками [6].

В ходе работы над «Черной книгой» было записано свыше 200 свидетельств очевидцев о преступлениях против евреев на территории СССР. К 1946 г. работа над ней завершилась. 118 материалов были разбиты по разделам: «Украина», «Белоруссия», «РСФСР», «Литва», «Латвия», а так-

же «Советские люди едины», «Лагерь уничтожения» и «Палачи». Рукопись была передана представителю советского обвинения на Нюрнбергском процессе и сохранилась в архивах ЧГК. Однако в 1948 г. издание «Черной книги» было признано нецелесообразным, а ее набор уничтожен. Недовольство вызвали упоминания о том, что в гибели многих евреев повинны коллаборационисты, а не сами фашисты, что разрушало представления о «дружбе народов», а также фактическое признание «особого» характера политики нацистской Германии в отношении евреев. К тому же в условиях нарастания «холодной войны» негативную роль сыграло участие в ее подготовке международных организаций. После ликвидации ЕАК все подготовительные материалы к «Черной книге», занявшие 27 томов, были переданы в архив МГБ, а затем на секретное хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции (в настоящее время – Государственный архив Российской Федерации). Для исследователей они стали доступны только в 1989 г. [7]. С 1948 г. в СССР практически прекратились на десять с лишним лет все публикации о гибели евреев в годы Второй мировой войны. По мнению современных исследователей, в этом сказалась политика «позднего сталинского антисемитизма» [8].

В советской исторической науке 1960–1980-х гг. тема Холокоста освещалась достаточно фрагментарно, оказавшись «закрытой в первую очередь для официальной академической историографии, присутствуя (в лучшем случае!) на ее периферии – в виде перечислительного ряда жертв нацизма» [9]. Советские историки стремились показать, что нацистское руководство осуществляло на захваченной территории СССР единую оккупационную политику, не разделяя население по национальной принадлежности. При этом недостаточно учитывалась специфика действия захватчиков в тех или иных областях СССР. В большинстве работ вопросы уничтожения евреев нацистами не выделялись в самостоятельную проблему, лишь вскользь упоминались в исследованиях по истории немецкой оккупации отдельных советских регионов. В отдельных случаях приводилась численность уничтоженных евреев.

Начавшаяся в конце 1960-х гг. антисюионистская компания ухудшила условия для изучения Холокоста. Одним из ее важнейших постулатов стало объяснение массовой гибели евреев Европы сговором сионистов с нацистами, а также обвинение сионистов в значительном преувеличении числа евреев, уничтоженных нацистами. В то же время именно в работах, критиковавших сионизм, стало впервые употребляться само понятие Холокоста («Холокауст»). Приводились в них и фрагментарные сведения об уничтожении евреев на оккупированной советской территории [10].

Своеобразным итогом развития советской историографии к началу «перестройки» стало издание энциклопедии по истории Великой Отечественной войны. В ней отсутствовала специальная статья о Холокосте, однако приводились сведения о наиболее крупных гетто на оккупированной советской территории, уничтожении евреев в крупных городах и лагерях смерти, общем количестве жертв [11]. Появление этих сведений можно расценивать как фактическое признание темы Холокоста в СССР на завершающем этапе развития советской историографии.

Кардинальные изменения в изучении рассматриваемой проблемы произошли на рубеже 1980–1990-х гг., что было связано с общими переменами в жизни страны, развитием международного сотрудничества, расширением доступа исследователей к архивным документам. Уже в начале 1990-х гг. вышел ряд новых публикаций, рассказывавших о массовом уничтожении евреев в отдельных городах и регионах страны [12]. В основном, они носили публицистический характер, пробуждая общественный интерес к проблеме и вводя в научный оборот первые сведения, однако не позволяли оценить общий масштаб трагедии.

Главным исследовательским центром изучения еврейской трагедии в СССР в годы Второй мировой войны в современной России стали Центр и фонд «Холокост». Проблемы истории Холокоста обсуждаются на ежегодных конференциях, проводимых Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» [13], проводимых с 1994 г. международных конференциях «Уроки Холокоста и современная Россия» [14], других научных форумах в России, а также в Латвии, Украине, Белоруссии, Германии и других странах, в которых принимают постоянное участие российские исследователи. С 1995 г. Научно-просветительный Центр «Холокост» издает специализированную книжную серию «Российская библиотека Холокоста». С 2000 г. Фонд «Ковчег» начал издание серии «Анатомия Холокоста».

Уже в условиях современной России завершилась 8-томная публикация документов Нюрнбергского процесса, начатая в последние годы существования СССР [15]. Однако и ее нельзя считать полной. Подготовленный фондом «Историческая память» сборник документов рассказывает об участии латышских коллаборационистов в уничтожении евреев в Белоруссии [16]. В последние годы широко публикуются источники личного происхождения о гибели евреев, воспоминания и письма участников и очевидцев указанных событий [17].

Проблемы трагедии евреев в СССР получили отражение в новом фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны. В разделе, посвященном оккупации советских территорий, отмечалось: «Особо

жестоким гонениям подвергалось еврейское население. Евреев методично уничтожали в концентрационных лагерях или расстреливали прямо на месте». В то же время в нем не употребляется сам термин Холокост. Сведения об уничтожении советских граждан в «форте смерти» № 9 под Каунасом и в Бабьем Яру, как и прежде, приведены без указания их национальности [18]. Существенное место отводится вопросам уничтожения еврейского населения в годы Великой Отечественной войны в «Российской Еврейской Энциклопедии» [19].

Значительный вклад в разработку истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны, включая и определение масштаба его жертв, вносит первая крупная обобщающая работа на данную тему – монография И.А. Альтмана. Опираясь на предыдущие исследования, архивные документы и мемуары очевидцев, автор проанализировал создание и функционирование механизма уничтожения евреев, раскрыл систему антисемитской пропаганды, организацию гетто на оккупированной территории и сопротивление. Новизной особенно отличается материал, посвященный истории Холокоста на территории РСФСР, как наименее изученной к этому времени проблемы. Обобщив данные о гибели евреев в Ставропольском и Краснодарском краях, Курской, Ростовской, Московской, Тульской, Тверской, Смоленской, Орловской, Волгоградской и других областях, автор впервые назвал обобщающую цифру жертв Холокоста в границах современной России. Согласно его подсчетам, она составляет от 119 210 до 140 350 чел. [20].

В крупном обобщающем труде М.И. Семиряги о коллаборационизме в Европе в рамках главы «Участие коллаборационистов в проведении фашистского террора» выделен специальный раздел «Холокост». Однако Холокосту на территории СССР и участию в нем коллаборационистов в данной работе уделено недостаточно внимания [21]. Более полно, опираясь на рассекреченные архивные документы, «непопулярные» прежде вопросы участия коллаборационистов в уничтожении евреев на оккупированной советской территории, раскрывают исследования 2000-х гг. – А.Р. Дюкова [22], Б.Н. Ковалева [23], Б.В. Соколова [24].

Фундаментальное исследование сталинской политики по «еврейскому вопросу», основанное на рассекреченных материалах архивов высших партийных и государственных органов, предпринял Г.В. Костырченко. Ему удалось показать использование антисемитизма как одного из инструментов советского режима, охарактеризовать государственный антисемитизм и борьбу с «народным антисемитизмом». Одна из глав посвящена взаимоотношениям власти с евреями в годы Великой Отечественной войны и характеризует роль советского государства в постигшей евреев трагедии [25].

Всестороннее осмысление трагедии евреев СССР в годы Великой Отечественной войны, появление обобщающих и специальных работ по этой теме позволили создать фундаментальное справочное издание – энциклопедию «Холокост на территории СССР» (руководитель и главный редактор проекта И. Альтман, почетные сопредседатели Э. Визель и С. Визенталь). В реализации данного масштабного проекта участвовало около 100 историков из России и 11 других государств.

Следует отметить, что это не первое подобное издание. Еще в 1990 г. израильский Институт памяти жертв Холокоста и героев Сопротивления «Яд Вашем» издал четырехтомную историю Холокоста, переведенную на многие языки мира. В ней преобладали тематические статьи, а ход Холокоста описывался в статьях, посвященных наиболее крупным гетто и лагерям смерти в Европе. В 2003 г. Институт издал уже 13-томную «Энциклопедию Холокоста и еврейских общин», в которой приводились статьи о численности евреев и их гибели в наиболее крупных населенных пунктах в СССР (в границах на 22 июня 1941 г.). Однако эта информация имела фрагментарный характер и не учитывала новых архивных источников. Еще одна «Энциклопедия Холокоста» была подготовлена и издана в США ведущими исследователями под редакцией У. Лакера. Перевод и издание на русском языке данного труда стали важным событием в развитии российских исследований темы Холокоста [26]. Но судьбы евреев на оккупированной территории СССР не получили в ней должного отражения.

В целом, исследования истории Холокоста в современной российской историографии отличаются большим разнообразием. Однако многие важнейшие вопросы не имеют однозначного и в достаточной степени аргументированного ответа, другие вызывают постоянную дискуссию. В первую очередь это касается общей численности жертв Холокоста на советской оккупированной территории, статистики еврейского населения накануне и после войны, масштабов депортаций и эвакуации, числа беженцев и гетто.

Вызывает дискуссию вопрос о том, кого считать или не считать жертвами Холокоста, в зависимости от его решения можно говорить о более «широком» или «узком» понимании рассматриваемой проблемы. Например, отдельные исследователи причисляют к жертвам Холокоста цыган, считая, что политика нацистов по отношению к ним строилась на тех же принципах, что и в отношении евреев, и была направлена на их полное уничтожение. Всего на оккупированной территории СССР погибло от 30 до 50 тыс. цыган. Другие авторы, полагая, что политика нацистов по отношению к цыганам имела определенные отличия, выступают против того, чтобы считать их жертвами Холокоста [27]. Тем не менее в энциклопедии Холокоста на территории СССР представлена отдельная статья о цыганах [28].

Вызывают вопросы и погибшие евреи-военнопленные: считать их жертвами преступлений нацистов против евреев или против советских военнопленных? Часть авторов сходится на том, что они одновременно испытывали преследования и как евреи, и как красноармейцы. Количество погибших евреев-военнопленных определено от 55–70 до 80 тыс. чел. из их общей численности в 60–85 тыс. чел., при этом отмечается, что вторая оценка, «соответствующая 94% смертности евреев в немецком плену, представляется более реалистичной» [29].

Официальная оценка жертв Холокоста в Европе (около 6 млн чел.) впервые была названа на Нюрнбергском процессе. Заведовавший отделом гестапо IV-D-4 А. Эйхман, отвечавший за «окончательное решение еврейского вопроса», указал, что в концлагерях было убито примерно 4 млн евреев, остальные – другими способами. Таким образом, приводимая оценка была основана на собственных нацистских подсчетах числа уничтоженных ими евреев. Однако полного поименного списка жертв не существует. Объясняется это тем, что к концу войны нацисты уничтожали следы от лагерей смерти; сохранились свидетельства о вывозе либо уничтожении уже захороненных останков людей перед приходом советских войск. Еврейские общины уничтожались целиком, не оставалось свидетелей, которые могли бы сообщить имена погибших. Война разбросала людей, выжившие в Холокосте отказывались сообщать о своих родных как об умерших, надеясь на встречу с ними. Большинство современных исследователей определяет количество жертв Холокоста от 5 до 6 млн чел. По данным Мемориального музея Холокоста в Израиле «Яд Вашем», 4 млн жертв идентифицированы персонально (на декабрь 2010 г.).

Достаточно значительными остаются расхождения и в вопросе о численности жертв Холокоста в СССР. В советской историографии данные о количестве жертв Холокоста принижались во многом по политическим мотивам, чтобы не давать новых поводов нацистской пропаганде. Поэтому при подсчетах рассматривалась советская территория в границах 1939 г., не учитывались евреи, проживавшие на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины, Прибалтики и Молдавии, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. (около 2 млн чел.). Общие потери еврейского населения в период нацистской оккупации в советской историографии определялись в 0,5–0,8 млн чел. [30].

В современной историографии получены более полные и достоверные сведения о масштабе Холокоста. В частности, установлено количество гетто на оккупированной советской территории. Если в 2002 г. И.А. Альтман в своей монографии отмечал, что на оккупированной советской территории было создано свыше 800 гетто [31], то в энциклопедии по истории

Холокоста в СССР указаны 1000 мест временного содержания евреев. В данной связи ее авторами отмечается: «Такого числа гетто не было ни в одном из оккупированных нацистами европейских государств» [32].

В последнем фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны численность погибших евреев со ссылкой на обобщающую работу Н. Верта определена в 1,05 млн чел. [33]. Однако эта цифра исследователями Холокоста подвергается резкой критике как явно заниженная [34]. Б.В. Соколов полагает, что на советской территории было уничтожено от 2 до 3 млн евреев, включая 0,5 млн иностранных граждан [35]. В «Российской Европейской Энциклопедии» говорится, что на оккупированной советской территории оставалось до 3 млн евреев, а погибло около 2 млн чел. [36].

И.А. Алтман, подведя итог региональным исследованиям проблемы, на основе анализа советской и нацистской статистики определил общую численность жертв Холокоста в СССР в 2 805–2 383 тыс. чел. При этом он выделил три этапа уничтожения еврейского населения: 1) с начала войны до конца января 1942 г., времени проведения Ванзейской конференции – 1 242 тыс. – 1 270 тыс. чел., 2) с февраля 1942 г. по октябрь 1943 г., когда была завершена ликвидация гетто – 1 512 тыс. – 1 517 тыс. чел., 3) с ноября 1943 г. – до конца войны – 51 тыс. чел. [37].

Согласно уточненным данным, полученным М.С. Куповецким методом этнодемографического баланса (в результате сравнения численности евреев до и после войны, за вычетом иных видов потерь), численность непосредственных жертв Холокоста на оккупированной территории СССР составила 2 351 тыс. чел., 2 656 тыс. чел. составили потери населения в довоенных границах СССР. Из этой цифры вычитаются 160 тыс. чел. – фактические безвозвратные потери евреев-военнослужащих, ополченцев, партизан и подпольщиков, 50 тыс. чел. – потери мирного еврейского населения в прифронтовой полосе, 80 тыс. чел. – избыточная смертность еврейского населения в советском тылу, 15 тыс. чел. – смертность евреев – узников ГУЛАГа [38].

Разница между двумя приводимыми оценками составляет 454–487 тыс. чел. Это разница между теми жертвами, которые фигурировали в официальной статистике как евреи и непосредственными жертвами Холокоста, включавшими лиц еврейского и частично еврейского происхождения. Они не фигурировали в официальной статистике как евреи, но попали под действие нацистских расистских законов об уничтожении. Кроме того, в нацистской и советской статистике учитывались евреи-беженцы из нацистской зоны оккупации Польши и Румынии [39].

Следует отметить, что сложности в определении численности жертв Холокоста имеют под собой определенную объективную основу, связан-

ную с неполнотой и недостоверностью имеющихся в распоряжении исследователей источников. Многие документы не сохранились, другие полны противоречий и неточностей. В частности, в актах ЧГК о гибели жителей порой евреи не выделяются в качестве отдельной категории жертв, к тому же указанные сведения порой подвергаются сомнениям. В целом, при изучении общей и локальной статистики остается много невыясненных вопросов, создавая почву для всякого рода мифов.

Указанные противоречия породили в послевоенной литературе критическое направление, получившее название отрицания Холокоста. Сами себя его сторонники называют ревизионистами, полагая, что их подход позволяет прояснить спорные исторические вопросы [40]. Однако их противники с этим не соглашаются, видя в отрицании Холокоста не научный, а пропагандистский подход, указывая на наличие у его сторонников антисемитских и неонацистских взглядов и отказываясь от каких-либо контактов с ними.

По мнению отрицателей, Холокоста не существовало в том виде, в каком его описывает общепринятая историография. В основном оспариваются следующие положения: 1) массовая гибель евреев как результат целенаправленной политики официальных властей Третьего рейха; 2) существование газовых камер и лагерей смерти, предназначенных для целенаправленного уничтожения евреев; 3) численность жертв среди еврейского населения на территориях, подконтрольных национал-социалистам и их союзникам [41]. Отрицатели часто утверждают, что указанная информация была сознательно сфальсифицирована сионистами для вымогательства денег у Германии и ее союзников, а также для оправдания создания Государства Израиль.

По мнению критиков, отрицатели пытаются найти какие-либо отдельные нестыковки, преувеличения, неточности и тому подобное в исследованиях, документах и показаниях свидетелей, а затем делают обобщение, что все источники не заслуживают никакого доверия. Критика свидетельств очевидцев действительно является одной из наиболее сильных сторон ревизионистской аргументации, поскольку многие рассказы выживших узников изобилуют неточностями, преувеличениями и противоречиями [42]. Признания самих нацистов обычно считаются «выбитыми» после войны с помощью угроз и пыток или полностью сфальсифицированными. Возражающие им историки указывают, что эти признания повторялись также намного позднее, когда никакого давления на их авторов уже не оказывалось, в том числе в качестве свидетелей, вплоть до конца 1960-х гг. Отдельные некорректные утверждения некоторых свидетелей не делают ложными весь гигантский массив свидетельских показаний.

Намного меньше сторонников существует у оправдания Холокоста. Оно выражается в стремлении обвинить в трагедии самих евреев. Для этого используются распространенные антисемитские мифологемы: о «всеобщей порочности евреев», пострадавших за «алчность крупных еврейских банкиров», «всемирном еврейском заговоре», используемом для объяснения всех бед России, начиная с Октябрьской революции [43].

Таким образом, развитие отечественной историографии Холокоста позволило определить масштабы еврейской трагедии в СССР в годы Великой Отечественной войны. В советской историографии практически отсутствовали специальные исследования об уничтожении евреев в эти годы. В последние годы появился целый ряд общих и специальных работ, раскрывающих данную проблему на основе рассекреченных архивных документов, обобщении статистического и историографического материала. Однако в ее разработке сохраняется немало дискуссионных моментов. Меры секретности при реализации «окончательного решения», недостаток статистических данных, а также многолетнее замалчивание Холокоста в СССР усложняют уточнение его потерь. Перспективной задачей российских исследователей остаются разработка вопросов уничтожения еврейского населения на оккупированной территории РСФСР, выявление степени ответственности за это различных карательных структур, коллаборационистов, роли местного населения. Решение указанных задач требует использования различных способов анализа и сопоставления данных разных источников: статистики, немецких и советских документов, личных свидетельств.

Обращает на себя внимание, что изучение Холокоста в России было и остается одной из наиболее политизированных и идеологизированных проблем истории Великой Отечественной войны. Отрицание Холокоста является составной частью идеологии современного экстремизма, представляя серьезную опасность для развития гражданского общества в России.

Источники и литература

1. Иоффе Э.Г. Катастрофа белорусского еврейства в отечественной историографии // Евреи Белоруссии. История и культура. Сб. ст. Минск, 1998. Вып. 2. С. 99–106; Альтман И.А. Историография и источники о Холокосте на территории СССР // Холокост – Сопротивление – Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1939–1949). М., 2000. С. 297–323; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2010. С. 358–365 и др.
2. Сохрани мои письма... Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2007. С. 285
3. Эренбург И. Народоубийцы // Знамя. 1944. № 1–2. С. 183–196.
4. См. переиздание на русском языке: Саксе А., Судрабкалнс Я. Палачи и жертвы. О зверствах гитлеровских нацистов и их пособников в Латвии. Рига, 2007.

5. Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947.
6. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946; Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946; Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года). Мн., 1946 и др.
7. Впервые на русском языке «Чёрная книга» вышла в Иерусалиме в 1980 г. в издательстве «Тарбут», но, как отмечалось в предисловии, некоторых материалов в ней не оказалось (издание осуществлялось на основе рукописи, разосланной в 1946 г. в 10 стран). На постсоветском пространстве книга была впервые издана в 1991 г. в Украине, в 1993 г. – в Литве. См.: Чёрная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно-оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. Вильнюс, 1993.
8. См.: Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. Материалы 5-й Междунар. конф. «Уроки Холокоста и современная Россия» (к 70-летию «Хрустальной ночи»). Калининград, 16–18 ноября 2008 г. М., 2010. С. 89.
9. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 5.
10. Корнеев Л.А. Сущность сионизма. К., 1982.
11. Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. М., 1985.
12. Елисаветский С.Я. Бердичевская трагедия. К., 1991; Формула скорби. СПб., 1991 и др.
13. История еврейского народа. Материалы Шестой ежегод. Междунар. междисциплинарной конф. по иудаике. Ч. 2. Академическая серия. Вып. 4. М., 1999; Проблемы еврейской истории. Материалы науч. конф. центра «Сэфер» по иудаике 2007 года. Ч. I: Памяти проф. Джона Дойла Клира. М., 2008; Проблемы еврейской истории. Материалы науч. конф. центра «Сэфер» по иудаике 2007 года. Ч. II: Памяти проф. Рашида Мурадовича Капланова. М., 2009; Вопросы еврейской истории. Материалы XVI ежегод. Междунар. междисциплинарной конф. по иудаике. Ч. 2. М., 2009 и др.
14. Уроки Холокоста и современная Россия: Материалы «круглого стола» Междунар. симпозиума. Москва, 6–8 апреля 1994 г. М., 1995; Тень Холокоста: Материалы II Междунар. симпозиума «Уроки Холокоста и соврем. Россия». М., 1998; Преподавание темы Холокоста в XXI веке. М., 2000; Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста.
15. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 8 т. М., 1987–1999. Т. 1–8.
16. Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944: Сб. документов. М., 2009.
17. Дыскин Е. Солдатский долг. Книга живых. Воспоминания евреев-фронтовиков, узников гетто и концлагерей, бойцов партизанских отрядов, жителей блокадного Ленинграда. СПб., 1995. Кн. 1; Тамаркин В.Л. Это было не во сне. Воспоминания. М.; Иерусалим, 2002; Сохрани мои письма...; Суцкевер А. Из Виленского гетто. Воспоминания. М.; Екатеринбург, 2008 и др.

18. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1999. Кн. 4: Народ и война. С. 123.
19. Российская Еврейская Энциклопедия. М., 2004–2008. Т. 4–6.
20. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 286.
21. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
22. Дюков А.Р. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.
23. Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). В. Новгород, 2001 и др.
24. Соколов Б.В. Оккупация. Правды и мифы. М., 2002 и др.
25. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд. М., 2003.
26. Энциклопедия Холокоста. М., 2005.
27. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 10.
28. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С. 1047–1056.
29. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С. 168, 170.
30. Альтман И. Отрицание Холокоста в России // Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. С. 20.
31. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 104.
32. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С. 7.
33. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1999. Кн. 4: Народ и война. С. 123.
34. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 15.
35. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. С. 117.
36. Российская Еврейская Энциклопедия. М., 2000. Т. 4. С. 20.
37. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 303–304.
38. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С. 785.
39. Там же.
40. Полян П.М. Отрицание и геополитика Холокоста // Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. М., 2008. С. 22–23.
41. См.: Граф Ю. Миф о холокосте. Правда о судьбе евреев во второй мировой войне. М., 1996 и др.
42. Лихачёв В. Ревизионизм Холокоста // Еврейский мир. 2001. Т. 4.
43. Альтман И. Отрицание Холокоста в России // Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. С. 19–20.

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев*

КОМИ КРАЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ХРОНИКА СОБЫТИЙ (АВГУСТ 1918 – ОСЕНЬ 1921 гг.)**

1918

Август

– Началась гражданская война на Севере. Образован Печорский район Северного фронта белых под командованием полковника П.Ф. Естифеева.

– Создан общегородской комбед в Усть-Сысольске (председатель Н.П. Багин).

– В Коми крае завершилось создание трех уездных и 105 волостных военных комиссариатов.

– Первый коми летчик П.А. Истомин участвовал в перегонке двух аэропланов для Северного фронта из Петрограда в Котлас в качестве командира экипажа.

– Главный нефтяной комитет РСФСР решил направить в 1919 г. новую экспедицию на Ухту для организации буровых работ и постройки керосинового завода.

– Руководство Северо-Двинской губернии выделило 150 тыс. руб. «для усиления эксплуатации ухтинской нефти, покупки инструментов и на другие расходы».

– Организованы Гривенская и Шошкинская ячейки РКП(б).

1 августа

– Усть-Сысольская уездная ЧК расследовала дело по обвинению бывшего редактора «Зырянской жизни» Д.С. Попова в антисоветской агитации и постановила: «Суду революционного трибунала не предавать, но впредь предупредить, чтобы в газетных статьях не умалять значение Советской власти».

***Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, академик Академии военно-исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. **Таскаев Михаил Владимирович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация осуществлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

3 августа

– Получено подтверждение Наркомата внутренних дел РСФСР о создании Северо-Двинской губернии и о включении в ее состав Яренского и Усть-Сысольского уездов.

4 августа

– Организован комбед в д. Сюзяыб.

7 августа

– В Красную Армию отправлены из Усть-Сысольска 11 добровольцев.

9 августа

– Организована Визингская ячейка РКП(б).

13 августа

– III Чрезвычайный съезд Советов Печорского уезда признал белогвардейское правительство Северной области и объявил о ликвидации советской власти в уезде.

– В связи с появлением белых на средней Мезени и нижней Вашке в Усть-Сысольске организован Чрезвычайный революционный штаб.

15 августа

– Принято решение большевистского Усть-Сысольского уездисполкома о запрещении публикации журнала работы второго съезда Советов Усть-Сысольского уезда – первая большевистская цензура.

Ночь с 15 на 16 августа

– В Усть-Сысольске наблюдалось необычно сильное северное сияние.

16 августа

– В устье реки Печоры из Архангельска на пароходе «Сергей Витте» прибыл первый белогвардейский отряд. Разведав обстановку на нижней Печоре, произведя аресты нескольких коммунистических и рабочих активистов (некоторые из которых «по их малой виновности» были отпущены на свободу), отряд отбыл в Архангельск.

17 августа

– Организована Межадорская ячейка РКП(б).

18 августа

– В газете «Зырянская жизнь» появилась первая публикация В.А. Савина – стихотворение «Горд звон» («Красный звон»), подписанное Нёбдинса Виттор.

19 августа

– В Усть-Сысольск поступило телеграфное распоряжение Котласской ЧК об аресте жены А.Ф. Керенского О.Л. Керенской.

– Организованы комбеды в Деревянской волости.

– В Красную армию из Усть-Сысольска отправлены 27 добровольцев.

20 августа

– На квартире Керенской в Кочпоне был устроен обыск в поисках «подозрительного». В конце августа 1918 г. Керенская и ее семья были этапированы из Усть-Сысольска в Котлас.

– Из Усть-Сысольска в Котлас в распоряжение командующего Котласским районом направлены 50 добровольцев.

21–22 августа

– Произошли первые вооруженные столкновения между красными и белыми в Коми крае у с. Усть-Цильма.

22 августа

– Чрезвычайный революционный штаб в Усть-Сысольске преобразован в Усть-Сысольский уездный Военный совет (председатель – уездвоенком И.Г. Казаков).

23 августа

– Усть-Сысольский уездный военкомат опубликовал воззвание «Социалистическое Отечество в опасности!», призвав жителей уезда вступить в Красную Армию.

25–27 августа

– В Усть-Выми состоялся зырянский педагогический съезд, на котором обсуждались вопросы преподавания в школах на коми языке, создании коми художественной литературы и коми литературного языка. Делегатами съезда были В.И. Лыткин, А.А. Суханова, А.Н. Надеев, А.А. Маегов и др.

27 августа

– В газете «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов» появились первые публикации В.И. Лыткина – стихотворения «Сир шог олём» и «Сувталдй, коми йёз, чеччой».

28 августа

– В Усть-Сысольск прибыл отряд корпуса войск советской охраны под командованием М. Мандельбаума.

Конец августа

– В связи с началом гражданской войны на Севере вся «буржуазия» Яренска арестована и отправлена на тыловые работы по созданию оборонительных сооружений под Котласом.

Осень 1918 г.

– Установлен рабочий контроль на Кажимском, Нювчимском и Нючпасском заводах, фактически произведена их национализация (формально акты о национализации заводов были изданы позднее). Отменены сделки и договоры русских и иностранных промышленников с местными подрядчиками и лесопромышленными фирмами, конфискованы лесоматериалы,

заготовленные частными лицами; началась ликвидация частной собственности в лесной промышленности Коми края.

Сентябрь

– Усть-сысольский уездный съезд Советов признал желательным «изучение зырянского языка во всех средних учебных заведениях города Усть-Сысольска и уезда в качестве необязательного предмета, а в учительской семинарии в качестве обязательного». Преподавателем коми языка в учительской семинарии стал В.А. Молодцов.

– Яренский уездный совет предложил ВСНХ организовать на Ухте нефтяной промысел и нефтеперегонный завод.

– Белогвардейцы арестовали группу советских деятелей Печорского уезда (23 человека, в том числе Б.К. Кендзерского, агитатора Артева, Торопова, Кычика, красноармейцев из отряда С.Н. Ларионова Терентьева, Вокуева, члена экспедиции «Уралснабжение» Бабина и др.) и отправили их по этапу в Архангельск. Во время этапа Б.К. Кендзерский без суда был расстрелян в дер. Оксина.

– Организованы Пыелдинская, Богородская, Ручевская, Озельская и Объячевская ячейки РКП(б).

1 сентября

– В Яренске по инициативе С.А. Жавнера (представителя командующего Котласским районом боевых действий) возникла коммунистическая ячейка.

2–7 сентября

– В Великом Устюге состоялся первый съезд коммунистов Северодвинской губернии. 52 из 98 делегатов представляли Усть-Сысольский уезд. Съезд выдвинул на должность председателя губернской ЧК представителя Усть-Сысольского уезда В.И. Сорвачева.

5 сентября

– Расстрелян «за агитацию против Советской власти» священник из с. Мордино В.Н. Юшков.

– Организована Лозымская ячейка РКП(б).

6 сентября

– Жавнер, Хуппонен-Мурзин и Вороновский создали в Яренске уездную ЧК.

– В деревне Граддор убит активист комбеда А.В. Сивков.

– В с. Черныш организован временный комитет Чернышской группы партии коммунистов из пяти человек (ячейка зарегистрирована **9 сентября**).

7 сентября

– Организована Койгородская ячейка РКП(б).

8 сентября

– На берегу р. Вычегды у местечка Озел советский командующий Печорским краем М. Мандельбаум расстрелял трех женщин: Н.П. Кузьбожеву, Н.А. Кузьбожеву и И.И. Макарьину, причем последней было всего 17 лет. Поводом для расстрела послужил отказ владельцев имения «Човью» Кузьбожевых выдать лошадей для экспедиции. Участник событий тех лет Потапов так рассказывал об обстоятельствах расстрела Кузьбожевых: «Во время отправки Мандельбаума на Печору обратились за лошадьми к Кузьбожевым, но они отнеслись к этому, как грабительству и ответили, что не дадут ничего. Некогда было разговаривать, схватили их, продержали один день в помещении горкома партии, как арестованных, несколько раз мы их спрашивали, отказываются ли они от этого или нет, но они продолжали настаивать на своем, что мы грабители, банда и т.д. После этого решили, что с ними нянчиться нечего, и поручили штабу корпуса Советской охраны (имеется в виду отряд Мандельбаума. – *Авт.*) привести в исполнение решение об расстреле. Отряд выехал из Усть-Сысольска вечером на пароходе вверх по течению Вычегды... до Озел... Завтра ранним утром они были расстреляны и зарыты недалеко от берега Вычегды. Это было первое проявление красного террора в ответ на белый – убийство Володарского, покушение на Ленина и др.». Большевик Д.И. Розанов, участник событий, в своих воспоминаниях писал, что женщины умоляли оставить их в живых и «за великое счастье считали бы рыть окопы для красноармейцев». Но Мандельбаум был неумолим. В своем донесении в Котлас он отметил, что женщины расстреляны «за неподчинение приказу и оскорбление Российской Коммунистической партии». Большевик И.П. Андрианов в одном из своих писем-воспоминаний в адрес Коми обкома КПСС писал, что «сама вдова Кузьбожева, ее дочь и внучка – все трое лично мной расстреляны».

– Организована Маджская ячейка РКП(б).

9 сентября

– В Керчомье убит советский активист А.П. Гичев.

– Организованы Ношульская и Додзская ячейки РКП(б).

11 сентября

– В Керчомье отрядом М. Мандельбаума расстреляны крестьяне А.С. Жикин, А.В. Самарин и М.С. Тарабукин, ошибочно обвиненные в убийстве А.П. Гичева. В селе арестовано около 30 человек, жители обложены контрибуцией в размере 30 тыс. руб.

– В Гарьинской волости по инициативе зажиточных крестьян проведены переборы Совета, но посланный из Усть-Сысольска вооруженный

отряд отменил их результаты и восстановил у власти бедноту. Два инициатора перевыборов расстреляны.

12 сентября

– Организована Пожегодская ячейка РКП(б).

13 сентября

– Организована Усть-Немская ячейка РКП(б).

– Усть-Сысольский уездный исполком издал постановление, на основании которого были отменены все праздничные дни, кроме воскресний и двенадесятых праздников.

13–14 сентября

– При Усть-Сысольском уездном отделе народного образования создано первое коми литературное общество «Асья кья». В оргкомитет общества вошли Д.Я. Попов, С.М. Рочев, А.А. Маегов, Д.С. Попов, И.М. Коданев, В.П. Юркин.

14 сентября

– Захват большевиками под предводительством Хуппонена-Мурзина и братьев Покровских власти в Яренском уезде. Пять членов Яренского уездисполкома (в числе которых председатель уездисполкома Д.И. Козлов, комиссар земледелия А.А. Айбабин, комиссар финансов А.А. Соколов и др.) арестованы по обвинению в «саботировании перед Советской властью».

– Усть-Сысольский уездный исполком принял предложение уездного отдела народного образования от 13 сентября и постановил «возбудить ходатайство перед Наркомнацем о принятии представителя от зырян Яренского и Усть-Сысольского уездов и разрешении ему организовать при Наркомнаце зырянский отдел».

15 сентября

– В селе Усть-Нем отрядом М. Мандельбаума за «проповеди против Советской власти» расстрелян священник Д. Спасский.

– Организованы Большелугская и Сюзяыбская ячейки РКП(б).

16 сентября

– Организованы Слободская, Спаспорубская и Важкурская ячейки РКП(б).

17 сентября

– Организована Киберская ячейка РКП(б).

– В Красную армию из Усть-Сысольска отправлены 25 добровольцев.

19 сентября

– Организована Носимская ячейка РКП(б).

20 сентября

– Организована Позтыкеросская ячейка РКП(б).

22 сентября

– Организованы Сторожевская и Мыелдинская ячейки РКП(б).

24 сентября

– По приговору Котласского полевого ревтрибунала расстреляна группа общественно-политических деятелей из Усть-Сысольского уезда, среди которых были бывший комиссар Временного правительства в Усть-Сысольском уезде Н.И. Митюшев, И.П. Петроканский, А. Веллинг, Л.А. Ленин, С.С. Клочков, А.Г. Харьюзов, В. Городецкий, В.И. Сидоров.

– Создан комитет бедноты в Троицко-Печорске.

25 сентября

– Организована Вомынская ячейка РКП(б).

26 сентября

– Экспедиция Путиловского завода под руководством А.Ф. Вайполина прибыла из Петрограда на р. Ухту, обследовала буровые скважины, собрала коллекцию горных пород, взяла пробы нефти и газа.

– На Удору для конфискации крестьянского хлеба отбыл яренский продотряд Н.И. Ворсина.

27 сентября

– Усть-Цильму захватил сводный красный отряд под командованием М. Мандельбаума и братьями Э.Ф. и Ф.Ф. Аппога. Симпатизировавшие белым лица, в том числе правительственный комиссар Г. Козлов, судья Г. Филиппов, священник И. Суровцев, инспектор народных училищ Долинов, председатель продкомитета В.М. Воробьев, казначей Семиряков и другие (точное число не установлено) были расстреляны.

28 сентября

– Организована Нювчимская ячейка РКП(б).

29 сентября

– Общее собрание жителей с. Межадор постановило прекратить в селе самогонование. «Все лица, замеченные в винокурении или пьяными после 3 октября с.г., будут немедленно арестовываться и направляться в Усть-Сысольск на суд революционного трибунала».

– На Северо-Двинский фронт из Усть-Сысольского уезда отправлена коммунистическая рота им. Куликова (223 чел., из них 91 чел. из Шош-кинской волости).

Октябрь

– Подпоручик Н. Калининский стал издавать рукописную газету «Важгортский листок».

– Ученый И.М. Губкин высказал мнение о наличии в Коми крае газовых месторождений.

– Образован Усть-Сысольский уездный лесозаготовительный округ для организации лесозаготовительных работ, обеспечения дровами жителей и учреждений города Усть-Сысольска (упразднен в августе 1921 г.).

– В Савиноборе помощник М. Мандельбаума В.Е. Исаков убил члена местного комбеда.

– По постановлению Яренской ЧК в Яренске расстреляны член Яренской земской управы Ф.И. Мартюшев и торговец А.Е. Вурдов.

– Организованы Нючпасская, Читаевская и Вольдинская ячейки РКП(б), официально зарегистрирована Керчемская ячейка.

1 октября

– Организованы Пезмогская и Небдинская ячейки РКП(б).

1 и 6 октября

– В Котлас в коммунистическую роту им. Куликова направлены 155 коммунистов из Усть-Сысольского уезда.

2 октября

– В Красную Армию из Усть-Сысольска отправлены 73 добровольца.

5 октября

– Образован отдел уголовного розыска Усть-Сысольской уездной милиции.

6 октября

– Организованы Гарьинская, Чухломская и Ыбская ячейки РКП(б).

7 октября

– Усть-Сысольским уездным советом по народному образованию организованы школьно-санитарный отдел и комиссия о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях (в России эти комиссии стали создаваться с 14 января 1918 г.).

8 октября

– Комиссар Усть-Сысольского продовольственного отдела Е.М. Мишарин телеграфировал из Москвы в Усть-Сысольск о выделении Наркомпродом по личному указанию В.И. Ленина продовольствия для голодающего Коми края в размере 105 тыс. пудов хлеба. Однако хлеб так и не был доставлен в Коми край.

– Организована Мординская ячейка РКП(б).

9 октября

– В Усть-Сысольске по постановлению уездной ЧК расстреляны А.В. Чудов и Е.Г. Чудов из с. Гарья, обвиненные в организации незаконных перевыборов Гарьинского волисполкома.

– Организована Пажгинская ячейка РКП(б).

10 октября

– Организована Вочевская ячейка РКП(б).

14 октября

– Организована Вильгортская ячейка РКП(б).

15 октября

– Организованы Кажимская и Деревянская ячейки РКП(б).

16 октября

– Произошел бой под селом Важгорт между красным отрядом Н.И. Ворсина и белым отрядом подпоручика Н. Калининского.

– В распоряжение губернского военкома в Устюг отправлен 51 доброволец из Усть-Сысольского уезда

18 октября

– В Помоздинской волости организована ячейка коммунистов.

19 октября

– Организована Скородумская ячейка РКП(б).

20 октября

– В с. Пожег организована ячейка коммунистов.

21 октября

– Усть-Сысольский комитет РКП(б) направил волостным партячейкам, Советам и комбедам указания о недопущении впредь наложения контрибуции на середняков.

23 октября

– Произошло покушение на секретаря Лозымского волисполкома Н.Макарова, группа покушавшихся арестована, один из них ранен.

24 октября

– В распоряжение 1-го Советского полка отправлены 82 добровольца из Усть-Сысольского уезда.

25 октября

– Коллегия Усть-Сысольского отдела народного образования постановила переименовать гимназию № 2 (бывшая женская гимназия) «в советскую школу II ступени № 2».

– Организована Аныбская ячейка РКП(б).

27 октября

– В Пустозерске состоялся съезд кооператоров нижнепечорских селений.

– Организованы Усть-Куломская и Подбельская ячейки РКП(б).

28 октября

– Усть-Сысольский уездный отдел народного образования утвердил устав Тентюковского культурно-просветительного кружка «Коми кыа».

29 октября

– Организована коммунистическая ячейка в Усть-Немской волости.

30 октября

– В Подъельске объединенное заседание ячейки большевиков, Совета и комбеда постановило отобрать церковные земли вместе с хозяйственным инвентарем и домами и передать их Совету.

Октябрь – ноябрь

– Вспыхнула эпидемия «испанки» на Печоре.

Ноябрь

– Из Усть-Цильмы в низовья Печоры отправлен для установления советской власти красногвардейский отряд П.Ф. Артеева. Нижнепечорское население организовало свои вооруженные отряды и оказало сопротивление красногвардейцам. После боя у села Великовисочного П.Ф. Артеев вынужден был отступить в сторону Усть-Цильмы. По дороге его отряд почти полностью был уничтожен местным населением. Шесть красногвардейцев расстреляны между деревнями Марицы и Новый Бор, а между Средним и Верхним Бугасво расстреляны И.Я. Торопов, В.С. Тиранов, Е.Д. Терентьев и сам П.Ф. Артеев (по другой версии, он застрелился). Арестованные красногвардейцы П.А. Овчинников, И.А. Чупров, А.И. Дуркин и И.А. Кисляков в начале декабря по этапу отправлены в Архангельск.

– Белая газета «Северное утро» сообщила, что большевики утопили в проруби двух арестантов из усть-цилемской уездной тюрьмы. Всего в тюрьме содержалось около 40 узников. Часть арестованных подверглась пыткам, как, например, Георгиевский кавалер К.Филиппов. Всего на Печоре до прихода белых содержалось в тюрьмах около 100 человек.

– В Усть-Сысольске открылась артельная мастерская дамских и детских нарядов.

2 ноября

– В Архангельске по приговору Особого военного суда расстреляны С.Н. Ларионов и члены его печорского советского экспедиционного отряда комиссар В. Шарыгин, красноармейцы М. Георгиевский, И. Комаров, Я. Якубчик, И. Дьячков. 11 красноармейцев были приговорены к бессрочной каторге.

2-4 ноября

– В лесу под Керчомьей расстреляны С.В. Самарин и В.С. Самарин, обвинявшиеся в убийстве А.П. Гичева и волостного дружинника В.А. Жикина. В качестве доказательства исполнения приговора у убитых были отрублены кисти рук и представлены вышестоящему начальству.

3 ноября

– Яренский уком РКП(б) постановил «произвести чистку рядов партии в городских и волостных ячейках от негодных для партии элементов».

4 ноября

– В распоряжение Вологодского полка отправлены 108 добровольцев из Усть-Сысольского уезда

7 ноября

– В с. Палауз поставлена пьеса «Раздор» на коми языке. «Население очень сочувственно отнеслось к спектаклю».

7–11 ноября

– Первая годовщина Октябрьского переворота в Усть-Сысольске, отмеченная поголовным пьянством городской и уездной администрации и арестами недовольных этим коммунистов (около 20 чел.). Инициаторы «празднования» М.М. Ляпунов, В.П. Осипов, А.А. Кузнецов, В.И. Чуистов и другие впоследствии сняты с должностей и отданы под трибунал. К празднику улицы и площади города Усть-Сысольска переименованы следующим образом: Спасская – в Советскую, Трехсвятительская – в Коммунистическую, Предтечная – в Трудовую, Покровская – в Республиканскую, Троицкая – в Ленина, Георгиевская – в Интернациональную, Западно-Загородная – в Коми-грезд, Никольская – в Пролетарскую, Сухановская – в Рабочую, Южная-Загородная – в Крестьянскую, Базарная площадь – в Народную, Стефановская площадь – в Красную. Старыми остались только названия Набережной и Северо-Загородной улиц.

9 ноября

– В селе Скородум арестована группа крестьян из девяти человек (по другой информации, 23 чел.), обвиненных в контрреволюционном заговоре. Волостной комиссар Корнаков запросил уездное руководство: «Ввиду распутицы, препятствующей препровождению их в уезд, может ли местная власть вынести осуждение вплоть до расстрела после произведения следствия?» Судьба арестованных неизвестна.

13 ноября

– Усть-Сысольская ЧК амнистировала 22 арестованных.

14 ноября

– Усть-Сысольский уездисполком постановил направить в Ыбскую и Чухломскую волости отряд красноармейцев для реквизиции хлеба у зажиточных крестьян для рабочих Кажимских заводов.

17 ноября

– В распоряжение губернского военкома в Устюг отправлены 55 добровольцев из Усть-Сысольского уезда.

21 ноября

– В газете «Правда» напечатана статья В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина».

24 ноября

– Организована Зеленецкая ячейка РКП(б).

25 ноября

– Начало антикоммунистического восстания на верхней Мезени, вызванного действиями яренского продотряда. Отряд из крестьян с Чернутьево под руководством Л.П. Маркова напал на красноармейскую заставу в Мучкасе; два красноармейца пойманы и расстреляны.

– Коллегия Наркоманца РСФСР постановила учредить Зырянский отдел.

26 ноября

– Образована комиссия по созданию и собиранию литературы для школ и коми народа при Усть-Сысольском уездном отделе народного образования. Основной задачей комиссии было создание учебников для коми школ, сбор и распространение литературы на родном языке среди населения. Членами-учредителями комиссии являлись И.Т. Чисталев, В.И. Лыткин, Н.П. Попов, А.Н. Надеев, А.А. Маегов, А.А. Цембер, В.П. Юркин, В.А. Молодцов.

– Отряд Л.П. Маркова занял волостной центр Селиб. В последующие дни восставшие заняли Глотова, Кослан, Буткан.

28 ноября

– Организована Читская ячейка РКП(б).

30 ноября

– Село Усть-Цильму захватил белогвардейский отряд Г.П. Алашева. Погибли советский активист на Печоре В.Ф. Батманов и др.

Декабрь

– Состоялся III Усть-Сысольский уездный съезд Советов. В соответствии с постановлением VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов принято решение о замене Советов депутатов Советами бедноты, созданными на основе ликвидировавшихся комбедов.

– На основе отрядов Н.И. Ворсина, И.В. Епова, А.А. Ваганова, Е.А. Воробьева, А.А. Маегова на Удоре создана сводная группировка войск красных под командованием И.С. Кривенко.

– Создана белопартизанская Народная Армия Печорского уезда.

– В белый Архангельск из Печорского уезда по этапу отправлено 16 чел., из них 15 попали в Мудьюгский концлагерь. Всего в 1918 г. белыми в Печорском уезде казнено 47 большевиков и активистов советской власти.

– В великоустюжскую губернскую тюрьму (по воспоминаниям П.А. Сорокина) доставлено 67 участников антибольшевистского крестьянского восстания на Удоре, большинство из которых были позднее казнены (в том числе женщины и дети).

– В Усть-Сысольске прошел уездный съезд волостных земельных отделов.

– В с. Усть-Ухта красными расстреляны нефтепромышленник А. Головин и начальник производственно-технического отдела нефтепромысла Хозяинов.

1 декабря

– Организована Нившерская ячейка РКП(б).

1–4 декабря

– В Петрограде состоялась 3-я областная конференция РКП(б) Северной области (в состав области входила и Северо-Двинская губерния, к которой относился Усть-Сысольский уезд). На ней выступил с докладом «партийный товарищ, зырянин» (вероятно, Кузнецов), который «прибыл... из действительно медвежьего угла – Усть-Сысольска».

3 декабря

– Усть-Сысольский уездный комитет РКП(б) поручил Чека арестовать «буржуазию» в качестве заложников в связи с наступлением белых на Удоре.

5 декабря

– Карательный отряд красных под командованием А.А. Ваганова, направленный на Мезень из Яренска, занял Глотова и Кослан.

– В слободе Кируль (пригород Усть-Сысольска) организован культурно-просветительный кружок «Зарни югөр» (Золотой луч).

– Организована Чукайбская ячейка РКП(б).

6 декабря

– Отряд А.А. Ваганова рассеял отряды «марковцев» под дер. Разгорт. В Разгорте казнено 17 «марковцев». Позднее в Кослане расстреляно еще четыре человека. Л.П. Марков с остатками отряда отошел на территорию, контролировавшуюся подразделениями Белой армии (в Пыссу).

– Комиссия по созданию и собиранию литературы для школ и коми народа при Усть-Сысольском уездном отделе народного образования постановила употреблять первые два года обучения в коми школах первой ступени только коми язык; начиная с 3-го класса допускалось преподавание русского языка как отдельного предмета, но использование его как средства обучения не разрешалось.

8 декабря

– Организована Кочпонская ячейка РКП(б).

10–12 декабря

– Состоялся первый съезд коммунистов Усть-Сысольского уезда. В принятой на съезде резолюции, в частности, говорилось: «Мы..., открывая двери наших райских покоев социального строя, должны быть осмотрительны по отношению к входящим, и прежде чем их допустить, мы должны их к этому приготовить, давая им понять, что идея коммунизма – священная идея и что социальный строй – это царство правды, истины, про которое говорит в своем учении великий учитель Иисус». Съезд высказался за издание общеобразовательной и коммунистической литературы на коми языке.

13 декабря

– В Яренске открылись первые курсы подготовки учителей для коми школ.

14 декабря

– По приказу М. Мандельбаума в зауральском селе Ляпино (Саранпауль) расстреляны пленные и добиты раненые на поле боя белогвардейцы (всего 14 чел.).

15 декабря

– Вновь организована после роспуска усть-сысольская городская организация РКП(б).

16 декабря

– В Усть-Сысольске был образован уездный пожарный комитет.

– Организована Ужгинская ячейка РКП(б).

19 декабря

– Усть-Сысольский уездный исполком постановил командировать в Москву в Зырянотдел Наркомнаца М.А. Молодцову (зав.) и Е.Ф. Вежеву (секретарь)

20 декабря

– В с. Мьелдино по инициативе зажиточных крестьян переизбран волостной исполком. Но уездная Чека арестовала инициаторов выборов, распустила «кулацкий» исполком и организовала новый из представителей комбеда и ячейки РКП(б).

22 декабря

– В Позтыкеросской волости на общем собрании граждан переизбран волостной Совет, в который вошли в основном зажиточные крестьяне. Но старый (бедняцкий) состав Совета, ячейка РКП(б) и волостной военкомат объявили село на осадном положении и отказались выполнять решение собрания.

25 декабря

– Красные заняли с. Ижму.

30 декабря

– Белые под командованием подпоручика Василия Хозяинова попытались отбить с. Ижму. В сражении погибло более 80 чел. с обеих сторон.

– По приказу М. Мандельбаума в с. Ижма расстреляны пленные и добыты все раненные на поле боя белогвардейцы (точное число не установлено).

– В Усть-Сысольске началось формирование 2-й Зырянской коммунистической добровольческой роты им. Куликова.

31 декабря

– Коллегия Наркомнаца РСФСР постановила допустить М.А. Молодцову к исполнению обязанностей зав. Зырянотделом.

Конец 1918

– ВСНХ организовал предварительные изыскания на планировавшейся железнодорожной трассе Москва–Ухта. В последующие годы (1919–1922) были проведены рекогносцировочные изыскания по направлениям Коноша–Кожва, Пинног–Сыктывкар для изучения возможностей вывоза полезных ископаемых в отрезанную от южных угольных и нефтяных месторождений Центральную Россию. Практического разрешения вопрос не получил. После окончания гражданской войны средства были направлены на восстановление Донбасса и нефтепромышленности Юга.

1919

– В Усть-Сысольске организованы лыжная станция и каток.

– В белогвардейском Архангельске издана книга Н.Е. Сапрыгина «Промыслы Печорского края» (издание Архангельского союза кооперативов).

– Создана Комиссия по изучению и практическому использованию производительных сил Севера при ВСНХ (Комиссия по изучению Севера), занимавшаяся, в частности, исследованием Печорского края. Через некоторое время при комиссии было образовано специальное Ухтинское бюро, занимавшееся организацией экспедиций на Печору «для вывоза оттуда продукции оленеводства, охоты и промыслов», сбором краеведческих материалов, изучением ухтинской нефти, выяснением возможностей создания Камско-Индигогского водного и железнодорожного путей сообщения.

– Прекратила работу частная электростанция Филипповых в с. Ижма.

– Построен мост через р. Большая Визинга.

– Появились детские дошкольные учреждения в Нювчиме и Серегово.

– Организована богадельня в Деревянске.

– Геолог Д.Д. Руднев открыл стоянку древних людей в урочище Красная Гора близ Усть-Сысольска.

– При Усть-Сысольском отделе народного образования организован отдел по охране памятников искусств и старины.

Начало 1919 г.

– Управление лесами и лесозаготовками в Коми крае перешло к уездным лесным комитетам.

Январь

– При усть-сысольской уездной милиции создано управление уголовного розыска (начальник – Н.Б. Путекле).

2 января

– Предпринята неудачная попытка красных под командованием М. Мандельбаума взять с. Диюр.

9 января

– Губчека передала в Северо-Двинский губтрибунал дела по обвинению должностных лиц государственных и партийных органов Усть-Сысольского уезда В. Чуистова (секретарь усть-сысольской организации коммунистов), И. Казакова (уездный военком), М. Ляпунова (председатель уездной ЧК), А. Кузнецова (член губисполкома), И. Юрьева (член уездной ЧК) в «совершении должностных преступлений, узурпации власти и подрыве авторитета РКП(б)».

– Расстрелян красными священник Кипиевского прихода Владимир Зуев.

12 января

– Село Важгорт заняли красные под командованием А.А. Маегова.

Ночь на 16 января

– В Коквицах коммунистами расстреляны крестьяне И.Е. Першуков, П. Полугрудов, С. Полугрудов, Г. Ганов и В. Порсьюров.

16 января

– Наркомнац РСФСР делегировал М.А. Молодцову и Е.Ф. Вежеву из Москвы в Усть-Сысольск для «организационной работы и агитации среди зырян».

18 января

– Состоялся бой у села Пыссы на Мезени. «Марковцам» удалось отбить атаку красных.

20 января

– Открылся уездный съезд коммунистов Яренского уезда.

– Красные предприняли второе наступление на Пыссу и захватили село; «марковцы» отступили вниз по Мезени.

27 января

– Реввоенсовет 6-й красной армии образовал в Усть-Сысольске управление войсками Пинего-Печорского края.

31 января

– Колчаковские части попытались наступать на Усть-Нем.

Февраль

– В.А. Савин организовал в Усть-Сысольске любительскую театральную труппу, для которой написал пьесу «Буджыд мыж» («Большая вина»).

– Расстрелян красными священник Бакуринского прихода И. Распутин. В этом же месяце по приказу командира Кай-Чердынского полка В.П. Юркина расстреляна группа пленных белогвардейцев в районе деревни Мыс – четыре человека (по другим источникам, 37 чел.).

2 февраля

– В соответствии с декретом 1918 г. об отделении церкви от государства здания храмов города Усть-Сысольска переданы в пользование общинам верующих.

4 февраля

– Началось Троицко-Печорское антибольшевистское восстание. В селе убито около 150 большевиков и активистов советской власти.

– Совнарком РСФСР принял проект постановления по концессии на Великий северный железнодорожный путь, который должен был протянуться от Мурманска через Котлас к Ухте и за Урал. Концессия была предложена русским художником Борисовым и норвежской фирмой братьев Ганневег. Но в дальнейшем переговоры об условиях концессии зашли в тупик, и договор не был заключен.

4-5 февраля

– В Троицко-Печорске по приговору Судебной коллегии под председательством П.А. Юдина расстреляны 96 коммунистов и активистов советской власти – беженцев из Чердынского уезда. В **середине февраля** по приказу коменданта села прапорщика Т. Пашковского расстреляна еще одна группа советских и большевистских деятелей. Общее число казненных в Троицко-Печорске сторонников советской власти – 130-150 чел., среди них комиссар П.П. Олунин, большевики Морозов, Кукарцев, Федосеев, красный командир А.М. Черемных и др. Перед казнью арестанты подвергались долгим пыткам и издевательствам.

8 февраля

– Колчаковские части Сибирской армии вступили в Троицко-Печорск. Там стал формироваться Особый Сибирский Печорский полк белых под командованием капитана Атавина.

12 февраля

– Произошел бой под селом Вожгора на Мезени. За этот бой орденом Красного Знамени были награждены И.С. Кривенко и красноармейцы Е.С. Игнатов и Г.Е. Конаков.

14 февраля

– В Савиноборе белые повстанцы казнили группу красноармейцев из заставы А. Бажукова.

Середина февраля

– В Покче созданной повстанцами Судебной коллегией произведены казни советских деятелей и красногвардейцев, в том числе председателя Покчинского волисполкома И.П. Остякова.

18 февраля

– В Подчерье повстанцами после пыток и истязаний казнена группа красноармейцев из отряда А.П. Осипова.

19 февраля

– Расстрелян красными 70-летний псаломщик Кычкарского прихода П.А. Таратин.

20 февраля

– В бою под селом Подчерье уничтожен отряд красных под командованием И.М. Зарубина.

26 февраля

– Красные под командованием В.П. Юркина предприняли неудачную попытку наступления на Троицко-Печорск.

Конец февраля

– Взбунтовалась 29-я маршевая рота красноармейцев в Усть-Куломе. Многих бойцов за это отдали под трибунал в Котласе.

Весна 1919

– В Извайльской волости (в верховьях Ижмы) был создан красный партизанский отряд.

3 марта

– Село Усть-Щугор захватил белоповстанческий отряд псаломщика Н.А. Шахтарова. Активисты советской власти (председатель волисполкома И.М. Канев, председатель комбеда М. Никифиров, учитель А.М. Мартюшев и др.) были расстреляны.

– Командующий белыми войсками в Печоро-Мезенском районе генерал-майор Д.Д. Шапошников выдвинул предложение организовать в Печорском уезде авиагруппу для воздушной разведки и бомбометания.

5 марта

– В «Петроградской правде» напечатана статья И.А. Шергина «Коквицкие «коммунисты», рассказывавшая об одном из эпизодов «красного террора» в Коми крае.

7 марта

– В Усть-Сысольске разместился штаб войск Пинего-Печорского края (командующий Н.В.Лисовский, политкомиссар Г.И. Самодел).

8 марта

– Н.В. Лисовский своим приказом строжайше запретил впредь советским войскам производить самоchinные расстрелы.

19 марта

– Проведена официальная реорганизация коми партизанских отрядов красных в регулярные армейские полки Красной Армии – Вашко-Мезенский (комполка И.С. Кривенко), Кай-Чердынский (комполка В.П. Юркин) и Ижмо-Печорский (комполка М. Мандельбаум).

21 марта

– Соединились белогвардейские отряды Северного и Восточного фронтов на средней Печоре. Командующий Мезенско-Печорским районом Северного фронта белых генерал-майор Д.Д. Шапошников был награжден английским орденом «За выдающиеся заслуги».

23–25 марта

– В Усть-Сысольске состоялся II уездный съезд коммунистов, проводившийся под руководством политотдела Управления войск Пинего-Печорского края. Обсуждались вопросы о падении влияния коммунистов в коми деревне, о задачах местных коммунистических организаций по оказанию помощи Красной армии. После съезда было ускорено формирование второй коми добровольческой роты имени Куликова. К концу марта в ее составе насчитывалось около 350 коммунистов. Часть роты была направлена на пополнение Кай-Чердынского полка, часть – на Петроградский фронт. Избран новый состав укома партии в составе: М.С. Кочанов (председатель), М.С. Могиллов и Я.Ф. Потапов.

28 марта

– Ликвидирован Усть-Сысольский уездный Военный совет.

30 марта

– Ижмо-Печорский красный полк выведен с Печоры и Ижмы. В Ижме и Брыкаланске расстреляны 70–80 человек, обвиненных в пособничестве врагам советской власти, в том числе женщин и детей. В Ижме было расстреляно и утоплено в проруби свыше 50 чел. (в том числе заколота штыками 8-летняя дочь прапорщика Хозяинова), в Брыкаланске расстреляна семья Ф.Л. Кожевина, в Кипиево – сыновья Ф.Е. Ануфриева и т.д. У населения реквизируют 3 тыс. подвод с лошадьми для вывоза конфискованного у крестьян имущества на Вычегду.

31 марта

– Произошло наиболее упорное сражение гражданской войны в Коми крае под селом Коптюга с применением артиллерии с обеих сторон. Красные выпустили по Коптюге до 400 снарядов, уничтожив полсела.

Конец марта

– В белогвардейских частях под Усть-Вашкой раскрыт заговор, 40 солдат арестовано, двое расстреляны.

Апрель

– Вашко-Мезенский полк красных выведен с Удоры. Группу красноармейцев-дезертиров в Буткане расстреляли. Рота красноармейцев в Кослане подняла мятеж. 85 красноармейцев перешло на сторону белых. Во время эвакуации взяты в заложники семьи священников (один из них – Ф. Клепиков) и зажиточных крестьян. Некоторых заложников в Яренске потом казнили.

– Группа красноармейцев Ижмо-Печорского полка попыталась убить командира полка М. Мандельбаума в с. Кедвавом.

3 апреля

– 4-й съезд Советов Усть-Сысольского уезда высказался против ограничений на использование русского языка в школах как средства обучения, «считаясь с желанием зырян знать этот всюду нужный им язык великого большинства».

6 апреля

– В Усть-Ухте состоялось собрание большевиков и сочувствующих из волостей Печорского уезда, принято решение о создании Печорской уездной организации РКП(б), избран временный уездный комитет во главе с секретарем И.А. Семяшкиным.

9 апреля

– Подписано постановление Совнаркома России о создании комиссии по изучению вопроса об ухтинской нефти.

10 апреля

– Вышел первый номер газеты «В Зырянском краю» – органа политотделения войск Пинего-Печорского края, Усть-Сысольского уездисполкома и Усть-Сысольского укома РКП(б). Редактор газеты – Ф.С. Чумбаров-Лучинский. В связи с выходом газеты «В Зырянском краю» перестала издаваться газета «Зырянская жизнь». После прекращения издания газеты «В Зырянском краю» в июне 1919 г. возобновилось издание газеты «Зырянская жизнь».

11 апреля

– Зарегистрированы культурно-просветительные кружки в Визинге, Пыелдино, Палаузе, Гриве, Ужге, Койгородке, Кажиме, Кобре, Спаспорубе, Лойме, Читаево, Объячево, Черныше, Ношуде, Летке, Ыбе.

19 апреля

– По приказу помощника комполка Вашко-Мезенского советского полка П.А. Анисимова подожжено с. Чернутьево на Удоре, как очаг кулацких мятежей. Сгорело 28 домов.

– Две сотни сибирских белоказаков заняли дер. Монастырскую в верховьях Сысолы. Под селом Объячево красные начали создавать укрепрайон для отражения наступления Сибирской колчаковской армии.

29 апреля

– Группа белогвардейских офицеров из состава войск Мезенско-Печорского района Северного фронта награждена орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Святого Станислава 2-й степени с мечами и бантом «в воздаяние особых заслуг по борьбе с врагами России в пределах Северной области, за отличия в боях». Среди награжденных поручик А.М. Стышнев, подпоручик Н. Калининский, мичман В. Бук и др., командовавшие частями белых на Удоре.

Май

– Состоялся VII яренский уездный съезд Советов. На съезде Д.А. Батиев призвал высказаться за создание института народного просвещения для коми, за подготовку коми преподавательских кадров. П.И. Покровский изложил взгляд Северо-Двинского губкома РКП(б) на сей счет: «Зырянская культура не может соперничать с русской и создавать искусственную культуру не следует. Зырянофилы этим приносят вред». Один из делегатов подержал его, заявив, что «зырянский язык необходимо совсем искоренить».

– Кай-Чердынский советский полк участвовал в боях за города Кай и Чердынь (ответственный за их взятие В.Д. Цветаев).

– В городе Чердынь белыми расстреляны красные разведчики Н.А. и А.Н. Мамонтовы из Усть-Нема.

– В с. Буткан на Удоре по приказу советского командования расстреляна группа красноармейцев-дезертиров.

– Массовые облавы на «зеленых» по Усть-Сысольскому уезду. В лесах под Усть-Сысольском в результате облавы уездной ЧК поймано и отправлено под трибунал в Котлас 49 «зеленых» – дезертиров из Красной Армии. Судьба их неизвестна.

1 мая

– Арест советского командующего Печорским краем Морица Мандельбаума в Усть-Сысольске за злоупотребления властью на Печоре и хищение золота и других ценностей.

6 мая

– Зарегистрированы культурно-просветительные кружки в Кируле (пригород Усть-Сысольска) и Шошке (Усть-Сысольского уезда).

15 мая

– Произошел бой под поселком Кажим, белые выбиты из деревни Монастырской.

16 мая

– На Восточном фронте погиб первый коми летчик П.А. Истомин.

20 мая

– На сцене Усть-Сысольского народного дома показана пьеса В.А. Савина «Биджыд мыж».

Лето 1919

– Усть-Цильму посетили английский отряд лейтенанта Диксона, французский отряд капрала Бессу и взвод шотландских стрелков Гэмпширского полка под командованием полковника Джонса. Усть-Цилемский телеграф стал передаточным звеном на переговорах адмирала А.В. Колчака с Финляндией и армией Н.Н. Юденича.

– В Усть-Цильму прибыл белый военный летчик поручик Толстой с двумя авиамотористами. Возможно, именно он совершил первый полет над территорией Коми края.

– Вспыхнула эпидемия тифа и дизентерии в Печорском уезде.

– Проведены первые неофициальные футбольные матчи в Усть-Сысольске.

Июнь

– Переброска в район Усть-Вашки частей 1-го Северного (в дальнейшем – Мезенского) полка белых под командованием полковника П.А. Троянова.

– В селе Усть-Ухта белыми расстрелян инженер нефтеприисков Оскар Клауст.

5 июня

– Проведена массовая облава в Усть-Сысольске, аресты и обыски у неблагонадежных лиц.

11 июня

– В Сторожевске поставлена в переводе на коми язык пьеса «Кулак» Никитина.

14 июня

– Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» впервые появился на первой полосе коми газеты «Зырянская жизнь».

23 июня

– Белые заняли с. Изваиль, партизаны отступили в лесные избушки.

23–25 июня

– Состоялась третья Усть-Сысольская уездная конференция РКП(б) (первые две конференции назывались съездами). Секретарем укома РКП(б) избран В.А. Савин.

26 июня

– В.И. Ленин подписал постановление СНК об отпуске денег на строительство грунтовой дороги Половники–Ухта.

Июль

– Усть-Сысольский уездный исполком принял решение о строительстве городской электростанции, но к строительству не приступили из-за военных действий, осенней распутицы и болезни инициатора строительства М.В. Петрова.

Июль–август

– На лесозаводе «Стелла Поларе» разместилась Британская миссия. Велись ремонтные работы на Койнаском тракте, чтобы приспособить его для автомобильного движения. В Усть-Вашку для использования на Койнаском тракте доставили автомобиль и мотоциклы.

Июль–сентябрь

– Власть на Удоре (откуда были выведены как красные, так и белые военные отряды) принадлежала местному Верховному временному правительству, организованному Л.П. Марковым в Кослане.

3 июля

– Белые выбиты из Изваила красноармейским отрядом с верхней Вычегды. Расстрелян пленный белогвардейский матрос.

19 июля

– Распущен Усть-Сысольский горком РКП(б), его функции переданы уездному комитету РКП(б).

24 июля

– Начал формироваться 10-й Северный Печорский стрелковый полк белых под командованием полковника В. Ахаткина в Усть-Цильме.

– Открылась Усть-Сысольская уездная конференция профсоюзов, на которой избрано уездное бюро совета профсоюзов из 10 человек; председатель – М.А. Мозговиков, ответственный секретарь – В.А. Савин.

25 июля

– Газета «Зырянская жизнь» из органа исполкома уездного Совета преобразована в орган укома РКП(б) и уисполкома.

26 июля

– Учительница из села Ижмы Е. Филиппова за спасение белогвардейского офицера награждена Георгиевской медалью 4 степени.

Август

– Организована сельхозартель «Шежамская» в Шежаме (часть современного с. Айкино).

– В Нювчиме организован Союз рабочей молодежи.

4–8 августа

– Велось неудачное наступление красных на Троицко-Печорск.

17 августа

– В Усть-Сысольском уезде состоялся «День Советской пропаганды». В городе прошел митинг и «вечер-спектакль».

24 августа

– Полковник В. Ахаткин сообщил в Архангельск о существовании в лесах Усть-Сысольского уезда Зеленой армии.

25 августа

– Яренский уком РКП(б) постановил перевести коммунистов на казарменное положение и организовать отряды добровольцев для борьбы с белыми.

27 августа

– Организована богадельня в Ульяновском монастыре.

31 августа

– Британскую миссию на Печоре инспектировал английский генерал Грэхэм.

Сентябрь

– Произведена массовая выплата социальных пособий жертвам красного террора в Печорском уезде, организованная Печорским уездным земством.

5 сентября

– С.О. Латкин назначен начальником Вологодской губернии. Формирование в Архангельске Особого Вычегодского добровольческого отряда под командованием капитана Н.П. Орлова для наступательных действий в Яренском и Усть-Сысольском уезде. Отряд почти весь состоял из бывших коми красноармейцев Ижмо-Печорского и Вашко-Мезенского советских полков.

6 сентября

– В Усть-Сысольске проведен первый в Коми крае коммунистический субботник.

25 сентября

– Начались занятия в Ульяновской сельскохозяйственной школе, располагавшейся в зданиях закрытого Ульяновского монастыря.

Октябрь

– Вспыхнул солдатский бунт в частях 10-го Северного Печорского полка белых, отправляемых в Архангельск. По приговору полкового суда расстреляны 11 бунтовщиков.

– Айкинская ремесленная школа преобразована в сельскохозяйственную мастерскую.

5 октября

– Сводный отряд белых под командованием прапорщика А. Варзухина уничтожил в бою в деревне Якша экспедиционный отряд красных М.В. Голубева.

15 октября

– В Усть-Сысольске создана комсомольская ячейка, первая в Коми

крае. Первым ее председателем избрали Михаила Ползунова. В бюро ячейки вошли также Николай Кедровский и Кланы Лукашевич.

16 октября

– В с. Краснотор по инициативе местных коммунистов состоялось собрание молодежи села, организована ячейка из 8 человек.

18 октября

– «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов» опубликовали призыв: «Молодежь, иди в партию и организуйся в союз коммунистической молодежи».

24 октября

– На сцене Усть-Сысольского народного дома поставлена пьеса В.А. Савина «Шонди петигон дзоридз косьмис» (На восходе солнца цветок увял).

25 октября

– Газета «Зырянская жизнь» опубликовала обращение к молодежи уезда, призывавшее создавать комсомольские ячейки.

26 октября

– Приняла первых постояльцев богадельня в Подъельске.

29 октября

– Особый Вычегодский отряд белых под командованием капитана Н.П. Орлова захватил с. Айкино. На сторону белых перешли 90 красноармейцев. В Коми крае распространялось воззвание командующего Северным фронтом белых генерал-лейтенанта Е.К. Миллера «К населению Вычегодского края» с призывом свергнуть власть большевиков.

30 октября

– В Айкино комендантский взвод белых С. Матвеева расстрел группы большевиков и советских деятелей (П.Л. Логинов, Н.И. Жижев, И.П. Коинов, А.И. Исаков, Мартюшев, Мишарин).

Ноябрь

– Велись наступательные операции частей 10-го Северного Печорского полка белых в Березовском уезде (под командованием штабс-ротмистра Червинского), в Чердынском уезде (под командованием штабс-капитана В. Шульгина), на верхней Вычегде (под командованием поручика А.Г. Иванова). В **середине ноября** практически вся территория Коми края (кроме Прилузья и верхней и частично средней Сысолы) контролировалась белогвардейцами.

– Белые на верхней Вычегде расстреляли в Усть-Куломе трех человек, в том числе советского судью С.П. Кочанова.

3 ноября

– Произошел бой под с. Гам, где красный отряд Ф.С. Коковкина был разбит.

6 ноября

– Город Яренск занял Особый Вычегодский добровольческий отряд капитана Н.П. Орлова. Было расстреляно 13 коммунистов и красноармейцев в Яренске. Погиб председатель ревкома С.И. Покровский.

7 ноября

– Состоялся парад белогвардейцев в Яренске. В городе расстреляны коммунисты А.А. Леушев, Д.Д. Мингалев, А.В. Шарманов, К.С. Жданов и семь красноармейцев. В заложники взяты семь коммунистов (супруга А.А. Леушева и др.).

8 ноября

– Георгиевским крестом 4-й степени награжден старший фейерверкер артбатареи 10-го Северного Печорского полка белых А. Кузнецов за успешную корректировку артогня во время августовских боев под Троицко-Печорском.

– В Визинге организована комсомольская ячейка.

13 ноября

– Белые фактически без боя заняли с. Усть-Вымь. Свыше 400 красноармейцев под командованием красных командиров А.О. Прокушева, В.П. Щечкина, С.П. Коннина перешли на сторону белых.

– Предпринята попытка Печорского учительского союза открыть в Усть-Цильме гимназию, осуществлен набор первых гимназистов в количестве семи человек.

Середина ноября

– Красными взяты в заложники 19 усть-сысольских граждан, среди которых священник В. Катаев, судебный пристав С. Клочков, торговцы Камбалов и Есев и др. Позднее взяты в заложники отец С.О. Латкина и мать А.О. Прокушева. По приказу комиссара И.П. Чукичева все заложники должны были быть расстреляны в с. Визинга, но конвой отказался выполнять распоряжение комиссара.

15 ноября

– Отряд белогвардейцев под командованием фельдфебеля С.Е. Завьялова вступил в Усть-Сысольск. В тюрьму было помещено до 100 чел., в том числе из Пажги 10, из Ыба – четыре человека. В камерах находилось также восемь женщин, среди них мать красного командира В.П. Юркина, взятая в заложники. Никто из арестованных не был расстрелян.

18 ноября

– В Керчомье по приговору местного общества были арестованы по разным данным от 32 до 39 (есть также версия, что 50) коммунистов и активистов советской власти. После пыток и издевательств над арестованными девять (по другой версии, 16 человек) были расстреляны. В Архангельск

по этапу были отправлены из Керчомьи 60 чел., из Усть-Кулома – 40, Деревянска – 15 и Усть-Нема – шесть человек.

19 ноября

– Белые заняли с. Визинга на Сыsole.

20 ноября

– Яренск заняли красные. Лица, симпатизировавшие белым, в том числе председатель Яренской управы Н.В. Изюмов и другие были расстреляны, а всех священнослужителей арестовали.

22–25 ноября

– Шли бои под селом Чукаиб.

24 ноября

– Белые вторично взяли Яренск. Красные при отступлении попытались сжечь город.

26 ноября

– Белые без сопротивления заняли Изваиль, партизаны отступили в лесные избушки.

27 ноября

– Белые расстреляли красных партизан Изваильской волости Н.Н., В.Д., Еф.Д. и В.Н.Уляшевых.

28 ноября

– Шли бои под селами Межадор и Лена. В бою под Леной погиб подполковник Н.П. Орлов. Особый Вычегодский отряд белых был разбит, потеряв в бою до 140 человек убитыми и пленными.

– Белые расстреляли красных партизан Изваильской волости А.А., И.Д. и П.Т.Уляшевых.

29 ноября

– Завершилась прокладка телеграфа и телефона в Печорском уезде особым отрядом связи под командованием штабс-ротмистра Червинского.

– Яренск взяла группировка красных под командованием И.А. Мякишева.

30 ноября

– Казнены красные изваильские партизаны А.И. Уляшев и А.П. Шомысов, причем последнему перед расстрелом «выкололи глаза, переломали руки и ноги, вырезали уши». 19 человек из Изваильской волости отправлены по этапу в город Пинегу.

2 декабря

– Усть-Сысольск занят красными под командованием Б.В. Контрыма.

8 декабря

– Состоялось первое общее собрание союза коммунистической мо-

лодежи г. Усть-Сысольска. Организация насчитывала 53 человека. Избран комитет из пяти человек, секретарем комитета стала Александра Бобина.

12 декабря

– Образована комсомольская ячейка в Корткеросе.

13 декабря

– В Усть-Сысольске похоронили 14 красноармейцев, погибших в боях с белыми.

– Газета «Зырянская жизнь» сообщила о расстрелянных белыми беженцах с Печоры: «...на дороге Визябож – Додзь – Корткерос в лесу валяется десяток трупов, раздетых догола, расстрелянных печорских беженцев». Предполагалось, что белые всего расстреляли 225 печорских беженцев – активистов советской власти, но эта информация документально не подтверждается. По сведениям П.Г. Доронина, в с. Извайль было расстреляно белыми 46 печорских беженцев.

15 декабря

– По ходатайству начальника Вологодской губернии С.О. Латкина фельдфебель С.Е. Завьялов представлен к Георгиевскому кресту 2 степени за занятие Усть-Сысольска.

17 декабря

– В Усть-Куломе начал формироваться 14-й Северный Вычегодский стрелковый полк белых (на основе Особого Вычегодского добровольческого отряда) под командованием полковника Бараева (и.о. комполка штабс-капитан А.О. Прокушев). Полковой праздник определен в честь Стефана Пермского.

19 декабря

– Союз рабочей молодежи Нювчимского завода преобразован в коммунистический союз молодежи.

21 декабря

– Объединенное заседание Усть-Сысольского укома РКП(б), политотдела войск Пинега-Печорского края, агитпросветотдела уездного военкомата решило организовать в Усть-Сысольске партийную школу.

22 декабря

– Белогвардейцы в Помоздино после пыток и издевательств расстреляли красную разведчицу Домну Каликову.

23 декабря

– Организована комсомольская ячейка в Мадже.

26 декабря

– Общее собрание союза молодежи Усть-Сысольска поручило всем комсомольцам, едущим на каникулы в деревню, вовлекать сельскую молодежь в комсомол.

27 декабря

– Подпоручика В.М. Цикина наградили орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом «за боевые отличия» во время боев на верхневычегодском направлении в 1919 г.

1920

Национализирован печорский речной флот, состоявший из девяти пароходов и 13 барж. Для руководства им создан Печорский подрайкомвод.

– Восстановлен Щельяурский затон с мастерской для ремонта судов и нефтяным двигателем.

– По прямому указанию В.И. Ленина была организована Карская экспедиция, в результате которой в Печору и Мезень было доставлено полмиллиона пудов хлеба голодающему населению Коми края.

– Смонтирована первая телефонная станция в Усть-Сысольске на 25 номеров.

– Предприняты первые в послереволюционное время попытки организации лечения на минеральных источниках в Серегово.

– В усть-сысольском клубе «Звезда» организована музыкальная школа.

Январь

– Войска красных в Коми крае сконцентрировались на верхневычегодском, удорском, верхнепечорском направлениях под оперативным командованием комбрига Н.И. Парамонова.

1 января

– Вышел первый номер яренской газеты «Коммунист».

4 января

– Проведены коммунистические субботники в Корткеросе, Усть-Сысольске; в январе также состоялся субботник в Вильгорте.

6 января

– В Печорском районе создана армейская группировка белых войск в составе двух стрелковых полков под командованием полковника В. Ахаткина.

7 января

– Шел бой под селом Латьюга.

– В с. Гам организован коммунистический союз молодежи, открылся клуб имени С.И. Покровского.

8 января

– Группа солдат сводного отряда прапорщика А. Варзухина, участвовавшая в бою в деревне Якша (октябрь 1919 г.), была награждена Георгиевскими крестами и медалями.

9 января

– В Яренске по инициативе Леонида Покровского была образована первая комсомольская ячейка.

10 января

– Корткеросская ячейка РКСМ поставила пьесу-оперетту М.Н. Лебедева «Мича ныв».

10–14 января

– Неудачное наступление красных на Аныбские высоты.

10 января – 4 февраля

– Предпринято контрнаступление белых на Верхней Печоре.

17 января

– Организована комсомольская ячейка в Ужге.

21 января

– Командующего Печорским районом Северного фронта белых полковника В. Ахаткина наградили орденом Святого Владимира IV степени с мечами и бантом за успешные наступательные операции в Коми крае в ноябре 1919 г.

28 января

– Штабс-капитан А.М. Стышнев награжден орденом Святого Станислава II степени с мечами «за боевые отличия» во время боев на Удоре в 1919 г.

Конец января – начало февраля

– На контролируемой красными территории Усть-Сысольского уезда проведены Неделя фронта и Неделя красной молодежи. Самодеятельная театральная труппа В.А. Савина совершила поездки по Сыsole и Вычегде.

1 февраля

– Состоялся I съезд Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) Яренского уезда. Уездный комитет комсомола возглавил М. Покровский.

2 февраля

– Поручика А.Г. Иванова наградили орденом Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом «за боевые отличия» во время наступления на усть-сысольском направлении.

4 февраля

– Приказом Главкомандующего Северным фронтом белых Е.К. Миллера большая группа (155 человек) солдат 10-го Северного Печорского полка награждена Георгиевскими крестами и Гергиевскими медалями «за боевые отличия» во время боев в Усть-Сысольском и Чердынском уездах.

5 февраля

– Красные попытались снова наступать на Аныбские высоты.

– Организована ячейка РКСМ в Часово.

12 февраля

– Погиб красный командир И.А.Мякишев.

14–15 февраля

– Произошел солдатский бунт нижнепечорских частей 10-го Северного Печорского полка белых.

15–22 февраля

– В Усть-Сысольском уезде проведена Неделя красной молодежи. В уезде созданы 18 комсомольских организаций, в комсомол вступили 157 чел.

19 февраля

– Ледокол «Козьма Минин», на борту которого находилось белогвардейское руководство Северной областью, вышел из Архангельска и взял курс на Норвегию. На корабле был и начальник Вологодской губернии С.О. Латкин.

24–25 февраля

– Капитуляция 1-го Северного Мезенского полка и удорской группировки 14-го Северного Вычегодского полка белых.

– Предпринято наступление красных в Вочевском районе.

28 февраля

– Командование белогвардейских частей на Печоре и верхней Вычегде (капитан В. Шульгин) предложило красным завершить военные действия путем создания нейтральной и свободной от войск самоуправляемой Печорской республики. Проект отклонен командованием красных.

Март

– Расстрел красными группы белогвардейских офицеров из удорской группировки белых войск, среди казненных капитан В.П. Орлов, поручик Н. Калининский и др. В Вологодский концлагерь принудительных работ отправлена большая группа пленных белогвардейских офицеров с Удоры и Вычегды. В Чердынь по этапу отправлена группа белогвардейских офицеров из Печорского района, во время этапа часть офицеров без суда была расстреляна, казнен также без суда руководитель антибольшевистского восстания в Троицко-Печорске И.Ф. Мельников.

1 марта

– В Усть-Сысольске при отделе всеобщего военного обучения (всевобуча) создан первый образцовый военно-спортивный клуб «Заря» (руководители В.В. Завьялов и Н.М. Жеребцов).

3 марта

– Газета «Зырянская жизнь» сообщила, что Усть-Сысольский уездный комитет РКП(б) объявил конкурс на сооружение в городе памятника Октябрьской революции и памятника на братскую могилу красноармейцев.

3–5 марта

– Усть-сысольская организация РКСМ отправила 52 комсомольца на Аныбский фронт.

4 марта

– При научно-техническом отделе Высшего совета народного хозяйства РСФСР организована Северная научно-промысловая экспедиция, началось систематическое и планомерное геологическое исследование Коми края. Печорскими отрядами руководил профессор А.А. Чернов.

4–5 марта

– Бой на Аныбских высотах. Капитуляция белогвардейского гарнизона Аныба под командованием подпоручика В.М. Цикина. За Аныбский бой красные командиры И.В. Чекавинский и К.С. Чупров были награждены Почетной грамотой Реввоенсовета РСФСР и денежной премией в сумме 4 тыс. руб.

5 марта

– Красные взяли с боем село Керчомья, 14-й Северный Вычегодский полк капитулировал.

– Без боя сдались белые в Усть-Куломе, Помоздино и Усть-Неме (часть белогвардейцев с оружием в руках скрылась в лесах).

6 марта

– Бой под селом Троицко-Печорск – последнее сражение гражданской войны в Коми крае, в котором участвовали регулярные части Белой армии. Нижнепечорские части 10-го Северного Печорского полка капитулировали.

9 марта

– Сдался последний белогвардейский гарнизон в селе Усть-Щугор. В основном завершилась гражданская война на территории Коми края. Остались только небольшие группы белых, скрывавшиеся в лесах и тундре.

– В.И. Ленин направил в Архангельск телеграмму с поручением разыскать материалы о нефтеносном районе на реке Ухте.

12 марта

– Усть-Сысольский народный дом впервые поставил пьесу В.А. Савина «Вабергач» («Водоворот»).

17 марта

– В газете «Зырянская жизнь» появилась первая поэтическая публикация А.А. Маегова – стихотворение «Локтё коммуна», подписанное псевдонимом Варыш.

Середина – вторая половина марта

– Красные расстреляли группу белогвардейских офицеров 1-го Северного Мезенского, 10-го Северного Печорского и 14-го Северного Вычегодского полков.

Апрель

– Началось строительство электростанции в Усть-Сысольске.

8 апреля

– Усть-Сысольский уездный комитет РКП(б) принял постановление «О борьбе с саботажем», в котором доводил до сведения ЦК РКП(б) и ВЦИК РСФСР «факты саботажа в губкоме и губисполкоме Северо-Двинской губернии».

17 апреля

– Начался необычно ранний ледоход на Вычегде близ Усть-Сысольска.

20 апреля

– В Усть-Сысольске неизвестные лица открыли стрельбу. Начальник усть-сысольского гарнизона К. Воронин подписал приказ о возможности введения осадного положения в городе.

23 апреля

– Комсомольцы организовали в Черныше культурно-просветительный кружок.

27 апреля

– В парижской газете русских эмигрантов «Последние известия» напечатан рассказ-фельетон Тэффи (Н.А. Лохвицкой) «Ке фер?», в котором высмеивались действия белых в Усть-Сысольске:

«... – Я же вам говорю, что он мерзавец. Они с воров-Гавкиным еще и не такую штуку выкинули: можете себе представить, взяли да и переманили к себе нашу барышню с пишущей машинкой как раз в тот момент, когда мы должны были поддержать усть-сысольское правительство.

– А разве такое есть?

– Было. Положим, недолго. Один подполковник – не помню его фамилии – объявил себя правительством. Продержался все-таки полтора дня. Если бы мы его поддержали вовремя, дело было бы выиграно. Но куда же сунешься без пишущей машинки? Вот и проворонили Россию».

Май

– Состоялся VII съезд Советов Усть-Сысольского уезда, где было принято решение созвать Всезырянский съезд для того, чтобы решить вопрос о культурном, политическом и экономическом объединении коми.

1 мая

– В Коми крае состоялись субботники. В Усть-Сысольске более 850 чел. приняли участие в закладке городского общественного сада имени 1 Мая на берегу реки Сысолы. В Палевицах молодежь во время субботника отремонтировала дорогу на протяжении четырех верст, прибрала улицы села, распилила восемь сажень дров для сельских учреждений.

5 мая

– В Усть-Сысольске по инициативе Н.М. Жеребцова и Н. Клочкова создана первая футбольная команда «Заря», зарегистрированная в городском всевобуче.

10–13 мая

– В Усть-Сысольске состоялся первый съезд РКСМ Усть-Сысольского уезда, обсудивший задачи борьбы с хозяйственной разрухой, политического воспитания и культурно-просветительной работы среди молодежи. Председателем президиума уездного комитета комсомола избран А. Фомин. Уездный комитет имел свою газету «Слово юного коммунара» (за первое полугодие 1920 г. вышло два номера).

13 мая

– Открыт пожарно-страховой отдел при Усть-Сысольском уездсовнархозе.

14 мая

– Отряд комсомольцев-добровольцев под командованием А.А. Маевова выехал из Усть-Сысольска на Польский фронт.

23 мая

– Руководство РСФСР приняло постановление «Железнодорожное строительство на Севере», в котором предполагалось начать изыскания для строительства железных дорог Архангельск–Ухта–Троицко-Печорск–Чемашевская (на реке Обь) и Москва–Усть-Сысольск–Усть-Ухта.

23–26 мая

– Состоялась V Усть-Сысольская уездная конференция РКП(б), рассматривавшая вопросы о текущем политическом положении, формировании отрядов особого назначения, оказании материальной помощи коммунистам и гражданам, пострадавшим от белогвардейцев и др. Секретарем укома избран В.А. Савин.

Май–июнь

– В Усть-Сысольске началось сооружение электрических сетей для передачи электроэнергии в госучреждения и жилые дома в центре города (на Набережной, Советской и в начале Республиканской, Рабочей, Коммунистической и Трудовой улиц).

Лето 1920

– В Чердынском уезде создан Троицко-Печорский район, в который вошли Троицко-Печорская, Савиноборская и Усть-Щугорская волости.

– В Троицко-Печорске начала издаваться районная газета «Роста».

– Сотрудники Петровской сельскохозяйственной академии профессор В.К. Солдатов и С.А. Зернов проводили ихтиологические исследования на Печоре. В 1921 г. работы были продолжены.

– Архангельский губотдел народного образования стал заниматься проблемами развития просвещения и культуры коми, проживающих в Печорском уезде, обратился в Академию наук с просьбой дать заключение о

языке коми населения Архангельской губернии, оказать помощь в составлении коми азбуки и переводе учебных пособий на коми язык.

Июнь

– Состоялся I съезд юных зырян-коммунаров.

– Проведены массовые субботники по восстановлению кустарного нефтесолеваренного промысла на реке Ухте (закрыт в 1925 г.).

– Расстреляна группа белогвардейцев и деятелей белого земства из Коми края, среди которых был председатель временной Усть-Сысольской городской Думы П.А. Забоев.

3 июня

– Газета «Зырянская жизнь» сообщила о подведении итогов конкурса памятников Октябрьской революции и на братскую могилу красноармейцев, которые планировалось установить в Усть-Сысольске. Уездный комитет РКП(б) присудил первое место проекту памятника революции «Звездочка» (скульптор Е.О. Майхель), однако сооружен он не был. Что касается братской могилы красноармейцев, то на ней в том же году был установлен деревянный памятник.

8 июня

– Состоялось первое после возвращения в Усть-Цильму заседание Печорского укома РКП(б).

Июль

– Спортсмены Усть-Сысольского и Яренского уездов участвовали в первенстве Северо-Двинской губернии.

6 июля

– Состоялось объединенное заседание усть-сысольского уездного руководства компартии, комсомола, Советов и профсоюзов, участники которого постановили обратиться к вышестоящим органам власти за разрешением на созыв Всезырянского съезда и за деньгами на его проведение. Для подготовки созыва съезда было создано оргбюро (В.А. Савин, Н.А. Соснин, В.А. Молодцов).

20 июля

– В Усть-Куломе организован райком комсомола.

Август

– Восстановлена электростанция в главном поселке бывшего Русского товарищества «Нефть» на Ухте.

2 августа

– Усть-Сысольский уком РКП(б) и представители Северо-Двинского губкома обсуждали вопрос о задачах Всезырянского съезда. В.А. Савин сообщил, что пока ничего существенного для созыва съезда не сделано. По

настоянию губкома РКП(б) и губисполкома было принято решение об ограничении задач съезда культурно-просветительскими проблемами.

9 августа

– Организована комсомольская ячейка в Усть-Цильме, в нее записались 15 чел.

17 августа

– Ношульская волостная организация РКП(б) известила о создании в Ношуде временного Прилузского райкома компартии.

20 августа

– В газете «Зырянская жизнь» впервые напечатан коми текст буквами молодцовского алфавита. Шрифт для Усть-Сысольской типографии был изготовлен в Петрограде по заказу уездного исполкома.

22 августа

– Состоялась первая усть-сысольская общегородская беспартийная женская конференция.

29 августа

– В Троицко-Печорске торжественно открыт Народный дом имени Карла Маркса.

Осень 1920

– Начал работу литературно-издательский подотдел Зырянотдела Наркомнаца. Его возглавил В.А. Молодцов.

Сентябрь

– В Усть-Сысольском уезде организован пожарный отдел.

12–14 сентября

– Состоялся Северо-Двинский губернский съезд по просвещению зырян в Усть-Сысольске. Съезд определил меры по развитию народного образования, издательского дела, подготовки кадров и т.д. Избраны члены Зырянского отдела Наркомнаца РСФСР (Д.А. Батиев, А.А. Молодцова, Г.А. Старцев), коми представитель в Наркомпросе РСФСР (Т. Сердитов).

Октябрь

– Созданы Удорский, Визингский, Сторожевский райкомы РКП(б).

1–4 октября

– Состоялся 2-й Усть-Сысольский уездный съезд РКСМ.

2 октября

– Создан Усть-Вымский райком РКП(б).

8 октября

– Создана Усть-Сысольская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Работников, занимавшихся ликвидацией неграмотности, называли ликвидаторами.

10 октября

– В селе Усть-Цильма вышел первый номер газеты «Красная Печора», органа Печорского уездного исполкома и уездного комитета РКП(б) – первой газеты на Печоре (редактор А.Ф. Забоев).

13 октября

– Газета «Красная Печора» призвала молодежь Печорского уезда вступать в комсомол.

21 октября

– Состоялось первое заседание Усть-Куломского райкома РКП(б).

31 октября

– В Великом Устюге Северо-Двинским губернским ревтрибуналом приговорены к расстрелу как «контрреволюционеры» А. Прокушев и Панюков, обвинявшиеся в расстрелах коммунистов (в том числе Д. Каликовой). Приговор приведен в исполнение **4 ноября 1920 г.**

Ноябрь

– Возникли ячейки РКСМ в Ижемской, Мохченской, Бакуринской и Сизябской волостях.

Ноябрь–декабрь

– Коллектив ухтинских нефтесолеваренных промыслов восстановил промыслы.

3 ноября

– Усть-Сысольский уком РКП(б) обратился в ЦК РКП(б) с просьбой разрешить созвать Всезырянский съезд коммунистов и образовать на нем центральный зырянский комитет компартии; подготовкой съезда должно было заняться бюро, в которое вошли В.П. Юркин, А.И. Михайлов, М.И. Колегов.

4 ноября

– В эстонской газете «Пограничный житель» опубликовано резкое критическое письмо коми ученого и писателя К.Ф. Жакова В.И. Ленину.

– По приговору Северо-Двинского ревтрибунала расстрелян штабс-капитан А.О. Прокушев.

5 ноября

– Торжественно открыта городская электростанция в Усть-Сысольске в деревянном здании на левом берегу Сысолы близ начала улицы Коммунистической (ее строительство завершилось 1 ноября). **6 ноября** об этом сообщила газета «Правда».

10–13 ноября

– Проведена перерегистрация членов РКП(б) в Усть-Сысольске в связи с введением единого партбилета.

15 ноября

– Начал работать Зырянский отдел Наркомнаца РСФСР.

17 ноября

– Орган Наркомнаца газета «Жизнь национальностей» сообщила: «Несомненно, важной и неотложной задачей является вопрос об автономии коми – этого богатейшего угла Советской Федерации».

18 ноября

– Коллегия Наркомнаца РСФСР назначила заведующим Зырянским отделом Д.А. Батиева, секретарем – Г.А. Старцева.

20 ноября

– Усть-Сысольский народный дом поставил пьесы-оперетты М.Н. Лебедева «Мича ныв» и «Тун».

27 ноября

– Усть-Сысольский уком РКП(б) обратился в ЦК РКП(б) с просьбой направить коми политработников из рядов Красной Армии на работу в Усть-Сысольский уезд.

28 ноября

– В Усть-Сысольске состоялся митинг, посвященный 100-летию Ф. Энгельса, открылась уездная партийно-советская школа.

Декабрь

– Состоялся первый съезд оленоводов Печорского уезда.

– Состоялись гастроли артистов-любителей под руководством В.А. Савина по коми селениям, в которых устраивались спектакли и вечера «Коми рыт».

– В штат Усть-Сысольского управления уголовного розыска введена должность регистратора-дактилоскописта. С этого времени исчисляет свой возраст экспертно-криминалистическая служба в Коми.

1 декабря

– Усть-Сысольский уком РКП(б) обсудил вопросы о телефонизации уезда, использованию электричества в производственных целях и другие вопросы хозяйственного строительства.

– Происходило брожение в гарнизоне Троицко-Печорска, вызванное действиями протрядов в родных местах красноармейцев.

5 декабря

– В Усть-Сысольске открыта типография для печатания учебников и литературы.

– В Печорском уезде создано уездное спортивно-гимнастическое общество по распространению спорта и допризывной подготовки молодежи уезда.

6 декабря

– Учреждено Коми книжное издательство. В том же месяце Коми издательство выпустило первую книгу – «Лыддысьны велӧдчан» («Букварь»).

10 декабря

– Организован райком комсомола в Кослане.

16 декабря

– Д.А. Батиев выступил с докладом о создании Зырянской АССР в Наркомнаце и Президиуме ВЦИК.

16–19 декабря

– Состоялась VI Усть-Сысольская уездная конференция РКП(б), заслушавшая, в частности, сообщение «О Всезырянском съезде коммунистов и создании Зырянской автономной области» и принявшая решение принять меры для успешного проведения съезда. Секретарем укома избран Я.Ф. Потапов.

1921

Изданы первые сборники стихов коми поэтов «Вой тӧв шувгӧм» («Под шум северного ветра») и «Гӧрд пӧлян» («Красная дудка»).

– Впервые издана на коми языке Конституция РСФСР – «Законпуктас».

– Созданы первые в Коми области женские баскетбольные команды в Усть-Сысольске, Визинге, Ньючиме и Усть-Цильме.

– В Усть-Сысольске состоялась первая областная выставка прикладного искусства.

– На Красной горе под Усть-Сысольском местный житель И.И. Оплеснин нашел древний бронзовый топор-кельт, который затем хранился в областном краеведческом музее, но через несколько десятилетий был утрачен.

– Ремесленная школа в Усть-Сысольске и сельхозмастерская в Айкино преобразованы в профессионально-технические школы.

– По решению Коми ревкома церковь подворья Ульяновского монастыря в Усть-Сысольске изъята из ведения верующих и передана под Дом беженцев, а тюремная церковь перестроена под здание исправительного дома. Имевшиеся в церквях ценности были переданы в комитет помощи голодающим.

Январь

– Общие собрания граждан Вьльгортской и Межадорской волостей постановили обратиться к уездным властям с просьбой построить в их волостях гидроэлектростанции. В последующее время аналогичные решения были приняты жителями ряда других волостей Коми края, но практические меры по строительству ГЭС не были приняты.

– Состоялась I Троицко-Печорская районная конференция РКП(б) и II районный съезд Советов.

– Северо-Двинский губком РКСМ создал временное оргбюро коми молодежи.

1 января

– Вышел первый номер газеты «Удж», издававшейся вместо «Зырянской жизни».

8–13 января

– В Усть-Сысольске проведен I Всезырянский съезд коммунистов, высказавшийся за образование Коми АССР и избравший руководящие органы будущей автономии. На съезде прошли острые дискуссии о границах автономии, о правах, которыми она должна пользоваться. Большую роль в подготовке съезда сыграл Д.А. Батиев. Секретарем Коми обкома РКП(б) избран Я.Ф. Потапов, председателем облревкома – Д.И. Селиванов.

17 января

– В Троицко-Печорске состоялось торжественное заседание пролетарских организаций района.

20 января

– Состоялось официальное открытие Коми института народного образования в Усть-Сысольске (председатель правления А.С. Сидоров) – первого высшего учебного заведения в Коми крае. Занятия начались **28 января 1921 г.**

23 января

– Открылась I-я Печорская уездная конференция РКСМ. Секретарем уездного комитета комсомола избран Н. Федоров.

Февраль

– Жители дер. Парчег организовали сельхозартель «Березовка».

4 февраля

– Образование Усть-Сысольского коми театрального объединения «Сыкомтевчук» («Сыктыварса коми театрын ворсысь чукор») – первого театрального коллектива, созданного на базе труппы самодеятельных артистов; руководитель и режиссер – В.А. Савин. Объединение просуществовало до конца 1920-х гг.

15 февраля

– В Зеленце на сцене народного дома поставлена оперетта М.Н. Лебедева «Тун».

25 февраля – 3 марта

– В Усть-Цильме состоялась I-я конференция коммунистов Печорского уезда.

Март

– Газета «Красная Печора» послана председателю Совнаркома РСФСР В.И. Ленину. Ответ из Кремля гласил: «Спасибо, дорогие товарищи, за присланную газету «Красная Печора». От души желаю Вам успеха в нашей трудной общей борьбе с хозяйственной разрухой, темнотой и невежеством. Пусть эта маленькая газетка послужит светлым началом грядущего расцвета этого далекого и холодного края. Надеюсь, что общими усилиями трудящихся масс мы скоро одолеем и этого внутреннего врага точно так же, как одолели внешнего».

– Произошел крупный инцидент в Яренске. Здесь коми члены Яренского укома РКП(б) и уисполкома начали производить дележ имущества уездного совнархоза и отправку его в Усть-Вымь и на Удору, что вызвало волнение среди русской части уездных властей. Слухи о передаче Коми автономии электростанции и яренских педкурсов еще больше обострили обстановку. Наиболее активные участники «дележа» с коми стороны были арестованы. Всем им было предъявлено обвинение в «неплановом вывозе имущества из Яренска в зырянский район».

17 марта

– На общем собрании комсомольцев Усть-Сысольска избран горком РКСМ.

24 марта

– Состоялось первое заседание Экономического совета при Зырян-отделе Наркомнаца.

31 марта

– В.И. Ленин выдвинул идею о сдаче Ухтинского нефтяного района в концессию американцам.

Апрель

– Зам. председателя ревкома Коми АО, председатель Коми представительства при ВЦИК Д.А. Батиев предложил организовать на реке Ухте огромный концентрационный лагерь и направлять туда заключенных со всей России, дабы использовать их труд на нефтепромыслах и лесозаготовках.

– В Усть-Сысольске организована вторая футбольная команда «Спартанец».

– Организованы комсомольские ячейки в Вомыне, Зеленце, Керчомье, Лозыме, Помоздино, д. Ягдор Вотчинской волости, совхозе Ульяново.

Апрель–июнь

– Вспыхнуло Усинское антисоветское волнение («рочевщина»), ядром которого являлся отряд поручика А.А. Рочева. Оно было связано с Западносибирским крестьянским восстанием. В Усинском районе убиты представители советских органов власти, в том числе председа-

тель Колвинского волисполкома П.П. Юсев, милиционер Г. Рочев и др. Предпринимались попытки организовать антибольшевистское восстание в Усть-Цильме и Троицко-Печорске. На Печоре распространялись листовки «Да здравствует Советская власть без коммунистов!», выпущенные Главным штабом Народной Армии в Тобольске.

6 апреля

– Руководство формировавшихся органов будущей Коми автономии обратилось в ВСНХ РСФСР с просьбой организовать более интенсивное и постоянное исследование территории Коми края.

7 апреля

– В Зеленце на сцене народного дома поставлена пьеса Н.П. Попова (Жугыля) «Ая-пия коммунистьяс».

20 апреля

– Архангельская губернская комиссия по проведению первомайских праздников присвоила начальнику Ухтинских нефтесолеваренных промыслов Г.П. Семяшину звание Героя Труда за самоотверженную работу по восстановлению и организации производства на промыслах. Это был первый Герой Труда в Коми крае.

– Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В.И. Ленина решило организовать концентрационный лагерь на реке Ухте на 10–20 тыс. чел. В **конце апреля 1921 г.** Политбюро заслушало доклад Председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского о плане «расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте». Заместитель председателя ревкома Коми АО, председатель Коми представительства при ВЦИК Д.А. Батиев являлся членом комиссии по организации ухтинского концлагеря, образованной при ВЧК.

21 апреля

– ЦК РКП(б) рассмотрел вопросы, связанные с образованием Коми автономии, принял решение о срочной демобилизации коми коммунистов, имевших опыт хозяйственной работы, и направлении их в Усть-Сысольск.

23 апреля

– Административная комиссия при Президиуме ВЦИК высказалась за образование «автономной зырянской единицы» и постановила направить проект, разработанный Зырянотделом, на рассмотрение заинтересованным губисполкомам.

– В Усть-Сысольском уезде введена всеобщая трудовая и гужевая повинность.

25 апреля

– Вопрос о Коми автономии обсуждал Совет национальностей Наркомнац. Нарком по делам национальностей И.В. Сталин предложил создать не Коми автономную республику, а автономную область.

Май

– В Усть-Сысольске организована футбольная команда «Юнец».

5 мая

– Президиум ВЦИК постановил образовать Коми автономную область.

11 мая 1921

– Состоялось первое заседание временного бюро Коми областного комитета РКСМ. Секретарем бюро избран М. Харапов.

12 мая 1921

– Президиум ВЦИК утвердил состав представительства Коми автономии при Наркомнаце в составе: Батиев (пред.), Молодцова (зам. пред.), Елфимов.

– Военный летчик В. Шайтанов предложил Усть-Сысольскому уездному исполкому установить воздушное сообщение «между зырянским центром и... ближайшей станцией железной дороги».

16 мая

– Коллегия наркомата по делам национальностей под председательством И.В. Сталина рассмотрела вопрос о направлении в бассейн Печоры геологоразведочной экспедиции.

17 мая

– Издан приказ наркома по делам национальностей И.В. Сталина о создании Коми представительства при Наркомнаце.

18 мая

– Состоялась 5-я Яренская уездная конференция РКП(б).

21 мая

– Архангельская губернская административная комиссия постановила «не протестовать в принципе против выделения из Архангельской губернии Печорского уезда и Пысской волости Усть-Вашского уезда и присоединения таковых к зырянской административной единице... Что... касается островов в Баренцевом море и Ледовитом океане [на которые также претендовала Коми автономия. – *Авт.*], то таковые сохранить за Архангельской губернией».

24 мая

– В.И. Ленин подписал принятое 23 мая по ходатайству Д.А. Батиева постановление Малого совнаркома об отпуске денег на расходы Коми автономной области.

29–30 мая

– В Усть-Сысольске проведена первая Коми областная Олимпиада, в которой участвовало 185 спортсменов, в том числе 18 женщин.

Май–июнь

– Созданы спортклубы «Сокол» в с. Небдино и «Геркулес» в с. Визинга.

Лето 1921

– Состоялся агитпоход спортклуба «Заря» от Усть-Сысольска до Усть-Кулома, во время которого проводились показательные спортивные выступления.

– В Коми крае начали работать Верхнепечорский геологический отряд под руководством А.А. Чернова при участии В.А. Варсонофьевой, Т.А. Добролюбовой, Е.Д. Сошкиной, М.И. Шульги-Нестеренко (основной задачей экспедиции был поиск месторождений каменного угля) и Большеземельский геологический отряд под руководством Д.Д. Руднева при участии А.А. Григорьева.

– На Печоре работал Печорский этнографический отряд из Архангельска, собравший большую коллекцию предметов домашнего обихода коми.

– Н.В. Воленс провел исследование промыслов и сельского хозяйства в Печорском крае.

Июнь

– Сборная команда Усть-Сысольска «Юнион» провела первый междугородний футбольный матч с командой из Сольвычегодска, закончившийся вничью (1:1).

– В Богоявленской волости организована лесная трудовая артель «Черемково».

5 июня

– В Усть-Сысольске состоялся митинг солидарности с бастующими английскими углекопами.

6 июня

– Коми обком РКП(б) постановил издавать газету «Югид туй» – орган обкома и ревкома Коми области.

10 июня

– Состоялось первое заседание временного правления Зырянского (Коми) областного союза кооперативов.

12 июня

– Президиум Архангельского губисполкома заявил, что «считает практически недопустимым организацию Зырянской области как хозяйственно-административной единицы, а считает необходимым передать в ведение области лишь культурно-просветительскую работу... и контрольно-инспекционную деятельность», «категорически протестует против включения в область низовьев Печоры... где зырянское население... составляет 1–5%».

18 июня

– Коми облревком утвердил состав областной ЧК (Липовский, Попов, Трубачев).

20 июня

– Оргбюро ЦК РКП(б) постановило демобилизовать ответственных работников-коми и командировать их в Коми автономную область.

– Ликвидирован Усть-Сысольский горком РКСМ, его функции взял на себя уездный комитет.

22 июня

– Состоялось первое заседание Усть-Вымского районного революционного комитета. Председателем ревкома избран Ф.И. Белых. **29 июня** райревком издал приказ № 1 о вступлении в управление Усть-Вымским районом, включавшим волости на нижней Вычегде и Выми.

23 июня

– Яренский уездный комитет РКП(б) и Яренский уездный исполком постановили передать Жешартскую и Гамскую волости из Яренского района в Усть-Вымский район; считать Усть-Вымский и Удорский районы, отходившие от уезда к Коми АО, находящимися вне сферы влияния уездного комитета партии и уездного исполкома; «в течение пяти дней произвести отпуск всех зырян на территорию Коми области».

25 июня

– Президиум Северо-Двинского губисполкома согласился с намеченными границами Коми автономной области.

Июль

– На Кольском полуострове образована Ловозерская волость; председателем волисполкома стал коми-ижемец Филипп Рочев.

– Экономический совет при Коми представительстве направил экспедиции по исследованию возможных трасс железных дорог Ухта–Инди́га и Пермь–Печора и грунтовых дорог Усть-Сысольск–Троицко-Печорск и Усть-Сысольск–Мураши.

– Организован Усть-Вымский райком РКСМ.

2 июля

– Газета «Красная Печора» сообщила, что крестьянство Печорского уезда редко пользуется на рынке советскими деньгами; по-прежнему в ходу царские рубли и даже белогвардейские дензнаки.

4 июля

– Удорский райревком (пред. С.А. Захаров) издал приказ № 1 о вступлении в управление Удорским районом.

6 июля

– Коми обком РКП(б) постановил «открыть дискуссию на страницах печати о структуре советского аппарата и сокращении штата», преобразовать усть-сысольскую уездную газету «Удж» в орган Коми обкома

и ревкома «Югид туй» («Светлый путь») и издавать ее не реже трех раз в неделю.

– Состоялось организационное заседание Прилузского районного ревкома (пред. – В. Сердитов).

10-12 июля

– Состоялась 2-я Печорская уездная конференция РКП(б).

12 июля

– Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило состав Коми областного комитета РКП(б).

14 июля

– Президиум ВЦИК постановил «в срочном порядке закончить работу по определению границ автономной области Коми».

15 июля

– Газета «Удж» стала выходить под названием «Югид туй» (ныне «Коми му»).

16 июля

– Создано Главное управление Коми областной милиции. Его первым начальником стал В.П. Осипов.

25 июля

– Состоялось организационное заседание Усть-Куломского райревкома (пред. – Е.А. Напалков).

27 июля

– Ликвидированы Усть-Сысольский, Визингский и Сторожевский уездные комитеты РКСМ, созданы Усть-Сысольский, Объячевский и Усть-Куломский райкомы РКСМ.

28 июля

– Президиум ВЦИК утвердил членов Коми облревкома (пред. – Д.И. Селиванов, зам. пред. Д.А. Батиев, и др.).

Август

– При Коми облревкоме на правах самостоятельного областного комиссариата образован лесной комитет.

9 августа

– Усть-Сысольский райревком (пред. Коюшев) издал приказ № 1 о вступлении в управление Усть-Сысольским районом.

11 августа

– Президиум ВЦИК постановил передать Коми АО территорию Печорского уезда, «за исключением Пустозерской и Усть-Цилемской волостей, о которых вопрос оставить открытым до волеизъявления населения этих волостей».

17 августа

– Принят декрет Совета Труда и Оборона «Об учреждении треста «Северолес», в котором поставлена задача строительства на Европейском Севере новых деревообрабатывающих предприятий.

22 августа

– ВЦИК принял декрет «Об образовании автономной области Коми (зырян)» с центром в Усть-Сысольске. В ее состав вошли Печорский уезд Архангельской губернии, Усть-Сысольский уезд и 21 волость с коми населением Яренского уезда Северо-Двинской губернии. Область подразделялась на Усть-Сысольский (позднее – Сысольский), Усть-Вымский, Усть-Куломский, Ижмо-Печорский, Удорский и Прилузский уезды.

24 августа

– На территории Печорского уезда, включенной в Коми АО, организован районный ревком (пред. П.Г. Артеев).

27 августа

– Подписан приказ № 1 Коми ревкома о вступлении его в управление автономной областью.

– При областном комиссариате просвещения организовано областное управление по издательским делам (Коми отделение Госиздата).

Сентябрь

– Началась хозяйственная деятельность Коми областного союза кооперативов.

– В Усть-Усе без суда расстреляны руководители антибольшевистских волнений в Усинском районе, в том числе командир отряда поручик А.А. Рочев. В областную тюрьму в Усть-Сысольск отправлена по этапу большая группа участников Усинских волнений.

6 сентября

– В Усть-Сысольске создан церковно-приходский совет во главе с протоиереем А. Малевинским, которому передали в аренду часть церковных зданий, в том числе Стефановский собор.

10–14 сентября

– Состоялся I Всезырянский областной съезд РКСМ. Секретарем обкома РКСМ стал Михаил Харапов.

15 сентября

– Районный ревком, созданный на территории Печорского уезда, включенной в Коми АО, постановил именовать эту территорию Ижмо-Печорским уездом.

1 октября

– Инженер А. Алексеев составил проект, предусматривавший сооружение ГЭС мощностью не менее 1000 л.с. в верховьях Выми для снабже-

ния электричеством Сереговского сользавода, ухтинских нефтяных и планировавшихся угольных, бокситовых и других разработок, лесопильных заводов, а также строительство железной дороги Вятка–Кажим–Нючпас–Нювчим–Усть-Сысольск–Серегово–ГЭС и далее к бокситовым рудникам, нефтеразработкам и угольным шахтам. Во второй половине 1920-х гг. проводились изыскательские работы в местах возможного строительства Вымской ГЭС.

15 октября

– Ревком Ижмо-Печорского уезда издал приказ о своем вступлении в управление уездом.

– Организован временный Ижмо-Печорский уездный комитет РКСМ, секретарь – Н. Артеев.

24 октября

– На Усть-Сысольской электростанции ввели в действие вторую паровую машину.

Ноябрь

– Вспыхнул крестьянский бунт в Усть-Куломе, было разгромлено здание уездного ревкома. Арестовано около 100 участников выступления.

– Руководители Коми представительства, обвиненные в развале работы и злоупотреблениях, сняты с должностей, Д.А. Батиев заключен в тюрьму ВЧК. Началось «Дело Зырянского представительства», тянувшееся два с половиной года.

10 ноября

– Совместное расширенное заседание Коми облревкома и обкома РКП(б) высказалось за образование не автономной области, а автономной республики Коми.

14 ноября

– В Усть-Сысольске открылся педтехникум (в **апреле 1922 г.** слит с институтом народного образования в Практический институт народного образования).

25 ноября

– Состоялась 1-я конференция коммунистов Усть-Вымского уезда, избран уездный комитет РКП(б).

27–28 ноября

– Состоялась 1-я Усть-Куломская уездная конференция РКП(б).

28 ноября

– Открылись 1-е Прилузский и Удорский уездные съезды Советов.

28 ноября

– Открылся 1-й Усть-Куломский уездный съезд Советов.

О.Е. Габова (Сыктывкар)

МОЕ БОСОНОГОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Я родилась в г. Сокол Вологодской области, но мой отец Евгений Иванович Попов родился в г. Усть-Сысольск в 1893 г. В семье Податного инспектора И.М. Попова. В 1903 г. И.М. Попов был переведен на службу в Казенную палату г. Вологды и летом 1903 г. семья переехала в Вологду. В конце 20-х гг. XX в. мой отец работал на Сокольском бумажном комбинате им. Куйбышева, а я после учебы в Вологде, получив специальность учителя начальных классов, была направлена на работу в Коми АССР в 1954 г. С 1961 г. живу с семьей в г. Сыктывкаре.

Жаркое лето 1941 года. Ничего не предвещало той беды, которая вскоре обрушилась на нашу спокойную жизнь. Мне было тогда шесть лет, и я ходила в детский сад. У нас был хороший детский сад и добрые воспитатели. Сохранилась групповая фотография, единственная из моего детства, с нашей любимой воспитательницей. С ней всегда было весело. Мы учили песни, стихи, ходили на поляну в «Козью поскотину», козы были отгорожены и воспитатели за нас не волновались. К обеду возвращались в д/сад и голышом бежали под душ, который был на улице с солнечной стороны. Сколько было визга и смеха! После душа шли обедать. Еда была вкусная, и заставлять нас есть никому не приходилось.

Мама, после смерти отца в 1938 г., поступила на работу в Отдел сбыта счетоводом-таксировщиком нашего бумкомбината. Сестра, которой исполнилось 12 лет, была в пионерском лагере, путевки в который выдавали работникам комбината. В субботу, 21 июня в пионерском лагере был родительский день. Родители решили не уезжать обратно, а остаться на ночь. На поляне они разожгли костер и веселились вместе с детьми. Потом детей отправили спать, а сами остались отдыхать до следующего дня. В это время я оставалась дома с бабушкой. Рано утром 22 июня с комбината приехала машина с приказом всем начальникам срочно явиться на комбинат. Началась война. Этой же машиной уехали родители, забрав детские вещи. На другой день все дети пионерского лагеря пошли пешком в город за 15 километров. Дети старших отрядов помогали малышам, переноса их через броды на плечах.

Война! В детском саду воспитатели ходили с заплаканными глазами. Мы, дети, притихли, не баловались, хотя еще толком не понимали, что произошло. Нам сказали, что на нас напал Гитлер, и его солдаты бомбят наши города. Воспитатели говорили, что наша Красная армия сильная, бойцы смелые, и мы прогоним фашистов. Помню, мы пели песню:

«Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если черная сила нагрянет,
Как один человек,
Весь Советский народ
На защиту страны своей встанет
В небесах, на земле и на море
Наш ответ и могуч и суров.
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к победе готов!»

Примерно через месяц стало понятно, что мирная хорошая жизнь закончилась. Всем жильцам срочно велели заклеить стекла окон бумажными полосками крест-накрест, чтобы они не вылетели от взрывной волны при бомбежке. Около каждого крыльца врыли по большой бочке и заполнили водой на случай пожара от зажигательной бомбы. На чердак занесли песок, также для тушения «зажигалок». Наш город со станцией «Сухона» был важным стратегическим объектом. По железнодорожному мосту через реку Сухону шли составы с лесом, углем, нефтью для фронта. Около моста были расположены зенитки. Несколько раз во время войны немецкие самолеты пытались бомбить мост, по радио объявлялась воздушная тревога, в городе начинала вить сирена, а мы, дети, выбегали на улицу, чтобы посмотреть на фашистские самолеты. Один самолет я видела, но зенитки не подпустили его к мосту, и он отбомбился в болото. В городе бомбежки не было. Все окна на предприятиях и домах в темное время были закрыты светонепроницаемой бумагой. По улицам ходил патруль и проверял, чтобы ни один лучик света не был виден снаружи. Это считалось пособничеством врагу и сигналом для бомбежки. Была строгая военная дисциплина.

Из магазинов стали быстро исчезать основные продукты: соль, сахар, спички, хлеб, мыло и др. За хлебом стояли огромные очереди, ввели карточную систему. Мы с сестрой получали по 400 грамм хлеба, а мама, как служащая – 500. В сельской местности карточек не давали, так как было свое подсобное хозяйство.

Мы не успели сделать запасов, ведь денег-то было мало, чтобы что-то закупить. Огорода не было, в палисаднике под окнами росли цветы, и была лужайка с зеленой травкой, где мы играли. Дом наш был деревянный, одноэтажный, 8-квартирный. С каждой стороны дома и торцов было по одному крыльцу на две квартиры. Квартира состояла из комнаты, кухни с русской печкой, чулана и сеней. Все «удобства» были на улице в сараях. С торцов дома было по сараю, где хранили дрова. В начале этих сараев

было по четыре туалета для жильцов дома. Это был такой единственный дом на нашей улице. Дом стоял между двух дорог: с южной стороны была булыжная мостовая, по которой грохотали телеги; а наша сторона была тихой, с грунтовой ухабистой дорогой, от которой отходили маленькие улочки, покрытые по краям травой. Вот на этих улочках мы и играли вечерами в лапту, палочки-выручалочки, сыщики-разбойники, прятки. В основном жили дружно, хотя бывало и дрались с ребятами других улиц. Это был пригород города Сокол.

К осени начался голод. На рынке все стоило очень дорого. Денег было мало, так как зарплата у мамы была небольшая, на рынке на них можно было купить немного сахара и молока. По воскресеньям мама с моей сестрой отправлялись по деревням менять вещи на хлеб, зерно, картошку. Но давали очень мало, а то и вообще ничего не могли обменять. Самыми тяжелыми и голодными были 1941–1942 гг. В ноябре 1941 г. похоронили бабушку. Она пошла менять свои вещи, но дорогой простыла и очень быстро угасла. Лечить было некому и нечем.

Зима 1941 г. была очень холодная. Выручала русская печка. Мама к утру ее протапливала, ставила какую-нибудь похлебку и убегала на работу. Картошку варили только в «мундире», чистили, а шелуху сушили и складывали в мешочек, который держали на печке. Иногда мы с сестрой выламывали оттуда остатки картошки и ели, а от шелухи нас тошнило горькой зеленью. Из шелухи, лебеды, крапивы мама пекла оладьи, добавляя немного муки. Наш сосед по крыльцу работал на мельнице, и мука у них водилась. Когда они пекли пироги, мы с сестрой выходили в сени, стояли и нюхали этот хлебный аромат, а когда «наедались» пирожковым запахом, заходили домой и залезали на печку греться.

Весной 1942 г. все жильцы раскопали под грядки свои палисадники под окнами, посадили овощи, а напротив своего сарая каждый посадил картошку. Все время хотелось есть, каждую травинку пробовали, а если горькая – выплевывали. Но как только сходил снег и немного подсыхало, бежали в ближайший лесок, где собирали кислицу и ели. Дети постарше ходили со взрослыми на болота, где собирали дикий чеснок, лук, а летом – ягоды. Это были витамины, которые нам были так необходимы.

Осенью старались засушить побольше ягод и грибов. Мы уже более спокойно относились к трудностям военного времени. Был лозунг: «Все для фронта, все для Победы!». Этим мы и жили.

В город стали поступать раненные. Под госпитали были отданы здания клуба Бумажников и двух школ. Школа, где я должна была учиться и где училась сестра, была занята под госпиталь. Здание нашей школы было громадное, с большим актовым залом и сценой. В этом же здании

кроме «десятилетки» располагались «семилетка», столовая и детская техническая станция. Около школы проходила железнодорожная ветка на Бумкомбинат, по которой вывозили продукцию на станцию Сухона. По этой ветке приходили в город санитарные поезда, и поэтому напротив нашей школы-госпиталя была построена широкая деревянная платформа на длину санитарного поезда. Высотой она была вровень с площадками вагонов. Из вагонов выносили тяжелораненых на носилках на платформу и на санитарных машинах развозили по госпиталям. Другим раненым помогали выходить из вагонов санитары.

Мы, заслышав сигнал санитарного поезда, сломя голову бежали смотреть на прибытие раненых. Санитарные поезда приходили часто (по-моему, два раза в неделю). Раненных было много, и они лежали даже в коридорах. Наша школа взяла шефство над госпиталем, который помещался в ее здании. Сестра уже училась в шестом классе и вместе с одноклассниками бегала в госпиталь помогать ухаживать за бойцами. Они кормили тяжелораненых, писали письма родным, читали. Иногда и я с ней ходила, хотя в школе еще не училась. Для раненных бойцов я старательно пела песню про пчелку. Песенка им очень нравилась:

Вот летит и жужжит
Пчелка золотая,
По цветам тут и там
Сладкий мед собирая.
Взяв сачок, на лужок
Вышел шалунишка
«Подожди, не гонись
За пчелой, плутишка!»

Но за пчелкою погнавшись,
Он ее сачком накрыл,
И рукой, забыв про жало,
Он ее схватил.
Пчелка руку укусила,
Слезы градом полились.
Помнишь, мама говорила:
«Пчелку берегись!»

Я стояла маленькая, с ежиком стриженных волос, в большом белом халате, и в конце песни грозила пальчиком. Раненные хлопали в ладоши и просили повторять песенку по несколько раз. Поэтому сестра часто брала меня с собой: это был коронный номер.

Запомнился еще один концерт, когда старшая группа нашего детского сада ходила выступать в клуб-госпиталь. В бывшем зрительном зале было

много раненных. Тех, кто не мог ходить, привозили. На большой сцене мы пели, танцевали, читали стихи. Я должна была танцевать татарский танец. На меня надели шаровары, платяице из марли, и поверх его, черную жилеточку с блестящими кружочками. Но самое главное, что мне на голову одели обруч с множеством длинных черных матерчатых косичек. Мою стриженную голову с обручем прикрыли тубетейкой. За кулисами я кружилась, и косички разлетались в стороны. Как я была этому рада – ведь своих-то кос не было. Танцевала я от души, потом мы спустились в зал. Меня на колени посадил раненный боец, спросил, как меня зовут. Он меня прижал к себе, гладил мои косички и дал кусочек сахара, а я гордо посматривала на других ребят, потому что сидела на коленях у настоящего бойца. Нас, артистов, повели в столовую, где накормили настоящей рисовой кашей с маслом, по целой тарелке! Это было так вкусно, и еще дали по стакану компота с сухофруктами! Сытые и счастливые мы вернулись в детский сад.

У моей мамы была первая группа крови, и она часто сдавала ее для раненных. Ее даже однажды вызвали с работы – срочно понадобилась эта группа крови. Донорам был положен дополнительный паек, в который входили сливочное масло и сахар, чтобы восстанавливать силы. Но в основном она отдавала его нам, детям. Однажды, сдав кровь, она, выходя из госпиталя, упала в обморок от слабости. Очнулась в фойе, сидящей на диване. Ее напоили горячим сладким чаем, а один из раненных бойцов встал перед ней на колени, поцеловал руку и сказал: «Спасибо Вам, мамаша!» В этот день ей дали освобождение от работы.

В 1942–1943 гг. в город стали поступать пленные фашисты. Они жили за городом в бараках, но каждый день их водили колоннами на разные работы. Много их работало на Бумкомбинате, в основном на погрузке бумаги. Колонны проходили мимо нашего дома. Немцы шли, стуча сапогами по бульжной мостовой, иногда они пели свои песни. Совсем по-другому они стали выглядеть холодной зимой, так как не привыкли к нашим морозам. Они шли, шаркая ногами, засунув руки в рукава. Пилотки были опущены на уши, а замороженные носы – в воротники тонких шинелей. У многих были уже башмаки на деревянных подошвах, стук которых далеко разносился по округе. На этот стук мы бежали посмотреть на пленных. Мы дразнили их и ругали: показывали языки и «делали носы». Конвоиры нас очень близко не подпускали, но и не гнали. Нам нисколько не было жаль этих фашистов. Сами мы тоже были плохо одеты: старые пальтишки, на ногах вместо валенок – простеганные ватные сапоги из старых зимних пальто с галошами. Ноги быстро мерзли, и мы бежали домой отогреться на печи. Однажды маме удалось купить на рынке старые подшитые валенки. Они

были довольно прочными, с толстыми голенищами. Какая у меня была радость! Мы с другом Вовкой рыли в снегу пещеры, прыгали в сугробы, не надо было искать в снегу потерянные галоши. Валенки не промокали от снега как ватники, а еще можно было привязать на подошву дощечку и кататься по дороге как на коньках.

В 1943 г. я пошла в первый класс. Портфеля не было, мама сшила мне матерчатую сумку через плечо. Нам пришлось учиться в здании бывшей тюрьмы. Это было двухэтажное деревянное серое здание с узкими коридорами и тюремными окнами, с которых были сняты решетки. Младшим классам во время большой перемены давали суфле, которое наливали в кружку. Это была болтушка из манной крупы, чуть сладковатая, наподобие киселя. Мы его называли «сопле», но съедали с большим удовольствием. Каждый носил свою кружку и ложку из дома, и если кто-то забывал, то мог остаться голодным.

В ноябре месяце произошло страшное событие. Во время урока в школе вспыхнул пожар. Техничка оставила без присмотра топящуюся печь, из которой вылетел уголек и упал на голый пол. Здание было старое, с единственным выходом (второй выход почему-то был наглухо заколочен), путь к которому быстро преградил огонь. Младшие классы учились на втором этаже. Ученики старших классов успели забежать наверх и сообщить о пожаре. Началась паника. Старшеклассники помогали выводить малышей на улицу, пока огонь не охватил лестницу. Путь к выходу был отрезан. Наш класс был последним по коридору. Учительница как могла нас успокоила, велела одеться и идти вместе с ней к выходу. Но было уже поздно: все здание моментально заполнилось едким черным дымом. Стоял треск и гул – это горел первый этаж. Тогда решили прыгать из окон второго этажа. В соседнем классе выбили раму, и всем детям учительница велела быстро идти в этот класс. Она стала помогать детям залезать на парты, чтобы прыгать с подоконника на улицу. У меня от свежего воздуха закружилась голова, и я упала с парты, но быстро снова вскарабкалась. Учительница торопила прыгать, а на подоконнике, вцепившись в раму, стоял мальчишка и не прыгал. Я его толкнула, и сама вылетела из окна. Наша мужественная учительница сколько могла, выкидывала детей, пока не рухнул пол. Сгорело семнадцать человек вместе с нашей учительницей. Вечная им память... Весь ужас этого пожара я описать не могу, хотя все помню. После пожара я неделю лежала дома, говорить не могла, вся грудь болела от удара об землю. Трудно было дышать. Школа сгорела полностью, и нам опять стало негде учиться. Месяц мы сидели дома, а затем часть детей перевели в другие школы, а дети нашего поселка, первые и вторые классы, учились в маленьком деревянном доме. Старшеклассников

временно обучали в здании типографии. Учебников и тетрадей не было, и мы занимались устно, пока не поступило немного учебников. Один учебник давали на одну улицу. К началу следующего учебного года освободили от госпиталя двухэтажную кирпичную школу, и наша первая школа перешла туда.

Школьный пожар отразился на моей психике. Я часто кричала по ночам: «Пожар!», и пыталась бежать, мама меня успокаивала. Я не хотела оставаться дома одна. Вой ветра в трубе, стук печной задвижки – все напоминало мне о пожаре. Я старалась убежать из дома, но зимой на улице было холодно, и маме разрешили приводить меня к себе на работу. Ее отдел был небольшой – всего шесть человек. Заведующая подозвала меня к себе и сказала, чтобы меня было не видно и не слышно. Мама сидела за высоким столом-пультом. На нем были счеты и стоял арифмометр. По бокам стола были тумбы с выдвигаемыми ящиками. Нижний ящик мама доставала, и я на нем сидела, а на другой выдвинутый ящик клали фанерку, где я делала уроки – это был мой стол. Из-за высокого пульта-стола и высокого маминного стула меня не было видно. Я сидела тихо, как мышка. Рядом со мной были батареи и окно, было тепло и светло. Трещали арифмометры, стучали костяшки счет, раздавались частые звонки телефона – это звонили из других городов об отправке бумаги, количестве рулонов и т.д. Я выучила все марки бумаги. Маме давали талон на обед в столовую, приходила под окна конторы сестра, и мы все вместе шли обедать. Один обед съедали на троих. За зиму мой психоз прошел, и я весной уже оставалась дома одна. В конторе был «красный уголок», здесь иногда для служащих вечером показывали кино. Два раза я видела, как в кино приводили пленных немецких офицеров. С ними были конвоир и переводчица. Они садились на последний ряд и смотрели фильм, а переводчица шепотом переводила слова. Я больше смотрела не на экран, а на них. Немецкие офицеры жили в отдельном бараке и имели некоторые привилегии, например, кино.

Долгими зимними днями и вечерами выручала русская печка. Она и грела, и лечила, даже уроки мы делали на печке, так как в доме было очень холодно. Дрова берегли, и печь протапливали понемногу. Мы с сестрой затаскивали на печку табурет, поднимали настольную лампу (у нее был длинный шнур) и по очереди писали. Когда не было электричества (в начале войны его часто отключали), уроки делали в кухне за столом, зажигая керосиновую лампу. Когда не было керосина и свечей, зажигали «коптилку» – плавающий в парафине уголек. Со спичками было очень плохо, и каждую спичку мама делила вдоль пополам. Когда не было спичек, доставала железную коробку, в которой лежал трут и кресало. Этим кре-

салом выбивалась искра, трут начинал дымиться, мама раздувала огонек и разжигала бумажку или лучинку.

Наступило лето 1944-го года. Печку летом не топили – берегли дрова, а для плиты я со своим другом Вовкой бегали в близлежащий лесок, откуда приносили хворост. Еще собирали различные щепки, палки, обрезки досок. Услышав стук топоров, мы с корзинами бежали туда. Иногда удавалось собрать по целой корзине щепок. Заготовленной щепы хватало, чтобы топить плиту целое лето и осень. По вечерам, после выполненных дел, собирались для игр на улице. Однажды решили поиграть в пленных фашистов. Встали попарно несколько человек, маршируя и сверкая голыми пятками, и дурными голосами орали какой-то фашистский марш, но так как немецких слов не знали, то пели: «Айло, айли, айла, айла ха-ха-ха-ха!» Спереди и сзади шли «конвоиры» с палками-ружьями и командовали. Так мы «пели», пока нас хорошенько не отругали прохожие. Все порезы на босых подошвах, содранную кожу на коленках мы лечили листьями подорожника.

Летом с сестрой мы ездили в пионерские лагеря. Однажды мы поехали в пионерский лагерь в деревне Рабанга. Лагерь разместился в двухэтажной деревянной школе, которая стояла на берегу реки в конце деревни. Прямо за зданием было старое кладбище. Вдоль дороги этого кладбища мы выстраивались на линейку и поднимали на мачту флаг. Здесь же зачитывали распорядок дня, и каждое утро делали зарядку. Нам нравилось играть в прятки среди старых могил. Младшие отряды ходили на сборы лекарственных трав, а старшие – на прополку и на сбор ягод. По ночам мальчишки из старших отрядов пугали младших привидениями. Однажды ночью я пошла в туалет, который был у входа в дом. Только я спустилась по лестнице, как передо мной появилось привидение. Оно страшно завывало и протянуло ко мне руки. Это был мальчишка, накрытый простыней. Я тогда даже не вскрикнула от страха, а пулей взлетела обратно вверх по лестнице, залезла на свою кровать и тут же уснула. Утром мальчишки смеялись, что напугали какую-то малявку. После этого я больше не ходила в туалет по ночам.

Осенью в школе выдали ордер на обувь. Мне достались брезентовые полуботинки, а сестре – матерчатые башмаки на деревянной подошве. Она лихо в них отплясывала чечетку, а мне было страшно завидно, и когда подошва в скором времени сломалась, я была очень рада.

На комбинат пришла гуманитарная помощь из Америки. Это были мясные консервы. Маме дали банку тушенки и колбасного фарша. Такой вкуснятины мы никогда не ели. На Новый 1945 год на комбинате выдали для детей подарки. Там были сладости: печенье, конфеты, пряники. Эти

сладоcти мы повесили дома на свою елку. Мама достала коробку с елочными игрушками, которые когда-то еще до войны делали мама с папой. Папа хорошо рисовал, а мама шила. С елки улыбались веселые клоуны, матрешки, висели бумажные хлопушки, солнышки из яичной скорлупы, разрисованные папой и наши самодельные бумажные бусы, которые мы склеивали из цветной бумаги вареной картошкой, остатки которой с удовольствием съедали. На елку мы позвали своих подружек и друга Вовку. Было очень весело. Вместо подарков мы съели с елки все сладости.

Жить стало легче, потому что мы уже ждали конца войны. Сводки по радио приходили все радостнее. Наши гнали фашистов к Берлину.

Пришел май 1945 года. Однажды ночью мама нас разбудила, Я увидела, что она плачет, и очень испугалась, но мама сказала, что плачет от радости. Только что диктор радио Юрий Левитан объявил о Победе. Еле дождав-шись утра, мы с сестрой побежали в город, стали стучать в двери, окна и всех будить. Мы кричали: «Что ж вы спите?! Победа!!!» Когда мы пришли уставшие обратно, мама испекла оладьи из гороховой муки без всяких добавок. Поставили самовар и праздновали Победу. А что творилось в городе и описать нельзя. Играли гармошки, люди пели и плясали от радости. Это было 9 мая 1945 года. Несмотря на сильные лишения, голод, холод, мы выстояли, выжили! Мне в 1945 году исполнилось 10 лет, а сестре – 15.

М.В. Таскаев (Сыктывкар)

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЛОСТЬ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ
РОССИИ В ВОЙНАХ XIX СТОЛЕТИЯ
(В РАМКАХ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ)***

История социально-политических, социально-экономических, демографических процессов в российских регионах на уровне «микросообщества», каким является крестьянская волость, позволяет выявить и проследить особенности и уникальные проявления, свойственные региональной социокультурной истории.

Рассмотрим участие «микросообщества»-волости Европейского Севера России в войнах XIX в. на примере Ыбской волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. В 1811 г., накануне Отечественной войны, в Ыбе проживало 614 чел. мужского пола, из них на центральном погосте Ильинском – 124 чел. В 1816 г. в Ыбском селении насчитывалось 594 муж. и 759 жен. Много пометок в «сказке» о мужчинах, «отданных в стрелки» в 1812 г. на войну с Наполеоном (в частности, из рода автора был «отдан в стрелки» 27-летний Илья, сын Марка Тимофеева Попова, который с войны «не воротился»). На войну с Наполеоном в 1812–1813 гг. в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии четыре раза набирались рекруты (в армию ушло 487 чел.), которые потом воевали в составе Архангельского и Двинского пехотных полков (оба этих полка участвовали в знаменитой Бородинской битве). Помимо рекрутов на войну ушли ополченцы – добровольцы-охотники со своими ружьями (всего по Вологодской губернии собралось 612 ополченцев), они воевали в 17-й дружине Петербургского ополчения, прикрывали от французов Санкт-Петербург, участвовали в заграничном походе русской армии. Из 21 волостей Усть-Сысольского уезда в ополчение ушли менее 100 чел., из них 36 погибли в боях. Среди погибших известны уроженцы с. Ыб Епифан Иванович и Василий Андреевич Безносиковы из д. Мыргаиб. Вернулись домой ыбские ополченцы Григорий Потапович Осипов из д. Прислон и Андрей Макарович Максимов из д. Каргорт.

Отношение северного крестьянства к событиям в мире за пределами волости в период Отечественной войны 1812 г. хорошо передают дневниковые записи северо-двинского крестьянина Н.И. Заборского: *«Этот год нам памятный в русском народе: случились великия события. Жатвы изобильна, давно такой не помнили – как бы только жить да радоваться; изобилие и ягод. А между тем не весел был православный народ, у всякого*

* Статья подготовлена к изданию в рамках работы по Программе инициативных фундаментальных исследований УрО РАН, проект 12-У-6-1001.

тяжело было на сердце, потому что грянула туча, вторглись несметныя полчища Наполеоновы, взяли у нас Москву белокаменную. Что-то будет? Народ призывают в ополчение, у нас многия охотно отправились поколотить французов... Война началась с 12 июня... После Бородинской битвы зашли в Москву, но наши ее зажгли. Но после многих битв Наполеон проиграл войну и разились бегством из Москвы, голодным и холодным. Время осенью была морозная, до вначале зимы 25-30 градусов. Малороссия была запружена пленными, взяли много орудий, знамен и несметное количество разных запасов. И в день Рождества уже мы праздновали и торжествовали свое избавление от нашествия галлов с 12 языками. Некоторые ратники наши к весны вернулись с победой, а многие ушли во Францию» (стиль и орфография документа сохранены. – Авт.).

В 1828 г. в Ыбской волости насчитывалось 173 двора, в которых проживало православных прихожан 694 мужского пола и 787 женщин, непосредственно на погосте у Ильинской церкви – 138 муж. и 153 жен. В 1834 г. в Ыбе проживало 744 муж. и 868 жен.

«Клировая ведомость» ыбской церкви за 1862 г. приводит данные о количестве прихожан в 1862 г. В селе имелось 12 дворов отставных военнослужащих нижних чинов, в которых проживало 50 душ мужского пола и 10 – женского. При погосте имелось 46 дворов крестьян казенного ведомства, в которых обитало 163 муж. и 162 жен. В 1886 г. в селе насчитывалось 1803 муж. и 2018 жен. Они содержали 731 лошадей и 1817 коров.

Из других войн XIX в. надо выделить Крымскую войну, на которую в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии, кроме наборов в армию, созывалось и Государственное подвижное ополчение. В январе 1855 г. Вологодская губерния отправила в армию первую партию рекрутов в 150 чел., среди которых были и рекруты из Ыбской волости. На Крымской войне появился первый «официальный герой» Ыба – унтер-офицер Филипп Григорьевич Мальцев, награжденный серебряной медалью «За защиту Севастополя с 13 сентября 1854 по 28 августа 1855» на Георгиевской ленте. Согласно архивному документу (доверенность от 5 мая 1888 г.), отставной унтер-офицер Ф.Г.Мальцев по представлению ыбского волостного старшины Н.Мальцева и волостного писаря Мальцева получал от казны 3-рублевое месячное пособие (Ф.Г.Мальцев доверял получать деньги ыбскому крестьянину Давиду Лапшину, доверенность подписал вместо неграмотного солдата Василий Сямтомов). Пособие от казны в 1888 г. получали также в Ыбе солдатские вдовы Ефросинья Безносикова, Парасковья Муравьева, Ульяна Пятова, Марфа Сямтомова, Евдокия Гришина, Марина Муравьева, бывший квартирмейстер Максим Лоскутов, бывшие рядовой Иван Колегов, унтер-офицеры Андрей Худяев и Дмитрий Осипов.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Шведов С.В. О противоречиях русского менталитета в Отечественной войне 1812 года.....	3
Семенничева Е.В. Православное духовенство об Отечественной войне 1812 года (по высказываниям современников)	22
Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны 1812 года в народной среде	28
Губина М.В. Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1812).....	50
Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании	63
Судаков Г.В. Особенности речевой коммуникации русских в 1812 году	94
Долгушина М.Г. Отечественная война 1812 года в русской вокальной музыке первой четверти XIX века	104
Канунникова И.К. Стихотворение А. де Ламартина «Бонапарт» и отклики на него в русской поэзии	116
Бандура С.В. «На пользу дорогого Отечества...». Медали в память Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русской армии в собрании Национального музея Республики Коми	123

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Кропачев С.А. Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв.....	128
--	-----

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми край в годы гражданской войны: хроника событий (август 1918 – осень 1921 гг.).....	140
Габова О.Е. Мое босоное военное детство	188
Таскаев М.В. Крестьянская волость на Европейском Севере России в войнах XIX столетия (в рамках локальной истории повседневности)	197

ISBN 978-5-89606-489-3

Научное издание

**ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Выпуск 11

Рекомендовано к изданию
Президиумом Коми отделения
Академии военно-исторических наук

Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 100. Заказ № 8.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис».
Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36.